И 80/358
3-4.

ИСТОРІЯ

ДОНСКАГО ВОЙСКА.

ОПИСАНІЕ

ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

И

КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Іюня 21 дня 1833 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

ОПИСАНІЕ ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ,

НРАВОВЪ И ОБЫЧАЕВЪ ЖИТЕЛЕЙ.

Владиміра Броневскаго.

ЧАСТЬ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.
1834.

ОПИСАНІЕ

РУССКОЙ ЗЕМЛИ,

НРАВОВЪ

И

ОБЫЧАЕВЪ ЖИТЕЛЕЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОПИСАНІЕ
ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ.

I. СТАТИСТИКА.

ПОЛОЖЕНІЕ И ПРОСТРАНСТВО.

Земля Донскихъ Казаковъ лежитъ въ полуденной сторонѣ Россійской Имперіи, между 55° и 63° восточной долготы, и 46° и 52° сѣверной широты. По настоящему раздѣленію Россіи, Донская земля граничитъ: съ Воронежскою, Саратовскою, Астраханскою Губерніями, областію Кавказскою, Землею войска Черноморскаго, частію Азовскаго моря и Екатеринославскою Губерніею. Граничная черта, означающая нынѣ окружность Донской земли, Высочайше утверждена на картѣ, въ 1786 г.

Самое большое протяженіе оной отъ Сѣверо-Востока къ Юго-Западу, содержитъ въ себѣ 590

верстъ, а въ ширину отъ Сѣверо-Запада къ Юго-Востоку около 410 верстъ. Вся поверхность земли заключаетъ въ себѣ около 2850 квадратныхъ географическихъ миль; на каждую же геогр. милю приходится по 170 чел. жителей.

РАЗДѢЛЕНІЕ.

Вся Донская земля въ 1802 году, раздѣлена на семь уѣздовъ, названныхъ *Сыскными начальствами.* Въ Сыскныхъ начальствахъ соединена власть Уѣздныхъ и Земскихъ судовъ. Большія села, называвшіяся прежде городками, называются теперь *Станицами*; а деревни безъ церквей *Хуторами.* — Сыскныя начальства имѣютъ слѣдующія названія.

1. Черкаское сыскное начальство.

Въ немъ: городъ *Новочеркаскъ*, здѣсь находится главное Войсковое Правительство и всѣ присутственныя мѣста и другія заведенія, въ Губернскихъ городахъ находящіяся. Къ Черкаскому округу принадлежатъ Станицы:

		число жит. обоего пола.			число жит. обоего пола.
1	Старо-Черкаская, *прежде, бывшій главный городокъ*	5300.	5	Грушевская	1073.
2	Аксайская	3247.	6	Кривянская	1514.
3	Сретинская	931.	7	Махинская	1326.
4	Александровская	825.	8	Ново-Кагальницк.	1079.
			9	Мечетинская	1110.
			10	Егорлыцкая	840,

		число жит. обоего пола.			число жит. обоего пола.
11	Маныцкая	2025.	13	Гниловская	1927.
12	Татарская	796.	14	Елизавѣтовская . .	1964.

2. Первое Донское сыскное начальство.

1	*Ведерниковская, въ ней находится Сыскн. Началь.*	1769.	12	Бесергеневская . .	2721.
2	Нижне-Михалевск.	1664.	13	Богаевская	1966.
3	Траплинская	1555.	14	Екатерининская . .	2018.
4	Кагальницкая . . .	1640.	15	Усть Быстрянская	3414.
5	Верхне-Михалевская	2118.	16	Верхне-Кундрючевская	2270.
6	Семикаракорская	2195.	17	Нижне-Кундрючевская	4395.
7	Кочетовская	3901.	18	Кумшатская	1892.
8	Золотовская	1105.	19	Романовская	1754.
9	Бабская	1325.	20	Верхне-Каргальская	1542.
10	Раздорская, *первое изъ древнихъ селеній на Дону*.	3773.	21	Камышовская . . .	1202.
11	Мелеховская	2246.	22	Быстрянская	1025.
			23	Нижне-Каргальская	1119.

3. Второе Донское начальство.

1	*Верхне-Чирская Сыскн. Нач.*	7248.	8	Голубинская	882.
2	Новогригорьевск.	2539.	9	Пяти-Избянская . .	4175.
3	Старогригорьевс.	3155.	10	Нижне-Чирская.	11568.
4	Сиротинская	2676.	11	Кобылянская	4502.
5	Иловлинская	4051.	12	Есауловская	7469.
6	Качалинская	3267.	13	Потемкинская . . .	3826.
7	Трехъ-Островянская	3548.	14	Верхне-Курмоярская	4070.
			15	Нагавская	2083.

*

	число жит. обоего пола.		число жит. обоего пола.
16 Нижне-Курмоярская	2768.	18 Филиповская	897.
17 Гушинская	1713.	19 Терновская	537.
		20 Цымлянская	3371.

4. Усть-медвѣдицкое начальство.

1 *Усть-Медведицкая Сыск. Нач.*	6364.	11 Островская	4805.
2 Казанская	6796.	12 Глазуновская	4805.
3 Мичуринская	9062.	13 Скуратинская	3453.
4 Вѣшинская	9460.	14 Кепинская	2159.
5 Еланская	4451.	15 Арчадинская	2978.
6 Усть-Хоперская	5598.	16 Этеревская	2267.
7 Распопинская	5464.	17 Раздорская	2601.
8 Клецкая	5359.	18 Орловская	1558.
9 Перекопская	2972.	19 Заполянская	1798.
10 Кременская	5173.	20 Малодѣльская	2665.
		21 Березовская	5751.

5. Хоперское начальство.

1 *Алексѣевская Сыск. Нач.*	1960.	13 Усть-Бузулуцкая	1728.
2 Федосѣевская	5386.	14 Правотоpовская	1633.
3 Булановская	2322.	15 Яминская	1118.
4 Слащовская	3560.	16 Лукьяновская	922.
5 Остроуховская	1331.	17 Карловская	1787.
6 Кумылженская	4482.	18 Мартыновская	1660.
7 Луковская	2099.	19 Михайловская	9597.
8 Бурацкая	1400.	20 Камовская	1793.
9 Тишанская	1825.	21 Добринская	2099.
10 Акишевская	1580.	22 Урюпинская	2394.
11 Золотовская	4025.	23 Левикинская	1209.
12 Аршеновская	2043.	24 Безплемяновская	1052.
		25 Тепикенская	2590.

	число жит. обоего пола		число жит. обоего пола
26 Филоновская. .	6012.	29 Ярыженская. . .	2522.
27 Березовская. . . .	1289.	30 Дурновская.	1253.
28 Чарновская.	1749.		

6. Донецкое начальство.

1 *Каменская Сыск. Нач.* . . . . 6293.
2 Луганская . . . . . . 7179.
3 Митякинская. . . . 8219.
4 Гундоровская . . . 5370.
5 Калитвенская . . 5239.
6 Усть-Белокалитвенская . . . . 4708.

7. Міусское начальство.

Сыскное Начальство находится въ слободѣ *Голодаевкѣ*, принадлежащей Полковнику Мартынову. Въ Міускомъ Начальствѣ, нѣтъ ни одной Казачьей станицы и оно все состоитъ изъ слободъ и поселковъ, въ коихъ живутъ крестьяне, принадлежащіе Донскимъ чиновникамъ. *Слободами* называются тѣ селенія, кои имѣютъ церкви; подъ именемъ *поселковъ* разумѣются деревни безъ церквей, въ коихъ однакожъ болѣе 10 дворовъ; *хутора* же суть деревни, менѣе 10 дворовъ въ себѣ заключающія. Нынѣ въ Міусскомъ начальствѣ крестьянскихъ жилищъ считается: слободъ 66, поселковъ и хуторовъ 512.

Въ каждой изъ вышепоименованныхъ станицъ находится церковь, въ нѣкоторыхъ же есть и по двѣ; церкви большею частію деревянныя. Въ каждой также станицѣ, находится домъ *Станич-*

наго Правленія, гдѣ бываютъ общественныя сходки Казаковъ, для исполненія какихъ либо предписаній Войсковаго начальства, для раздѣла лѣтомъ сѣнокосныхъ степей и проч. Здѣсь же, подобно какъ въ Россіи на мірскихъ сходкахъ, производится расправа въ ссорахъ и другихъ малозначительныхъ случаяхъ.

Нынѣ всѣ Казачьи жилища состоятъ: изъ одного города, 114 станицъ и 1755 хуторовъ. Кромѣ 12 станицъ, находящихся при малыхъ рѣчкахъ, всѣ прочія поселены по берегамъ большихъ рѣкъ, а имянно: по Дону 53 станицы, по Донцу 9, по Медвѣдицѣ 11, по Хопру 20, и по Бузулуку 10. Въ Усть-Медвѣдицкомъ начальствѣ, при станицахъ Кременской и Усть-Медвѣдицкой, находятся монастыри, при первой, *Вознесенскій* мужескій, при второй *Преображенскій* дѣвичій.

ВОДЫ.

Азовское море есть главное въ семъ краю водохранилище, небольшая часть коего находится во владѣніи войска Донскаго. Въ сіе море впадаютъ посредственно или непосредственно всѣ рѣки и рѣчки, протекающія въ Донской землѣ.

Главная рѣка здѣсь Донъ, отъ которой и страна получила свое названіе. Рѣка сія, въ древнія времена называлась *Танаисъ*, или *Тана* что на языкахъ

Арабскомъ и отъ него происходящихъ означаетъ нарицательное имя всякой рѣки. Въ томъ же смыслѣ называли Донъ: Татары *Тинъ*, Турки *Тенъ*, а Славяне по сходству звуковъ назвали его *Донъ*. Начиная отъ границъ Воронежской Губерніи, до самаго впаденія въ Азовское море четырьмя устьями, Донъ въ полную воду вездѣ судоходенъ; лѣтомъ же при низкой водѣ, по причинѣ многихъ мелей, грузы могутъ быть отправляемы только на малыхъ лодкахъ и судахъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Донъ, значительнѣе другихъ, съ правой стороны: *Сѣверный Донецъ*, или просто *Донецъ*, съ побочными рѣками *Калитвою* и *Быстрою*; а съ лѣвой *Хоперъ*, *Медвѣдица*, *Иловля*, *Салъ*, *Манычъ* и *Кагальникъ*. Хоперъ и Медвѣдица, въ время весеннихъ водъ судоходны. *Міусъ* и *Кальміусъ* изливаются прямо въ Азовское море. Изъ многихъ озеръ примѣчательны два соленыхъ: *Новое соленое* и *Старое соленое*, оба лежатъ въ верхнихъ частяхъ Маныча, не имѣющаго почти теченія, лѣтомъ онъ мѣстами высыхаетъ, и только въ весеннее время наполняется водою изъ Дона. Кромѣ сего есть множество небольшихъ рѣкъ и озеръ, которыя въ общежитіи приносятъ жителямъ большую пользу. Многія мѣста и урочища, особенно въ окрестностяхъ Азова, и по нынѣ сохранили Татарскія названія. Темиринское озеро и Аксайская станица, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, получили свое названіе отъ Темиръ-Аксака. *Саидбекъ*, *Чулекъ*, *Чалтырь*, *Каякъ*, *Самикъ*, *Копри* суть прозвища также Татарскія. *Кобяковка* произошла

отъ Кобяка, и *Кизитеренка* отъ Кизитера имя свое получила.

ВИДЪ И ПОЧВА ЗЕМЛИ.

Видъ Донской земли весьма разнообразенъ: Въ ней нѣтъ главныхъ горныхъ хребтовъ, а входятъ въ нее большею частію съ сѣверной стороны значительныя отрасли, простирающіяся между большими рѣками, по направленію ихъ теченія. Таковые суть: *a*) Между Дономъ и Донцомъ; *b*) между Дономъ и Хопромъ; *c*) между Хопромъ и Бузулукомъ; *d*) между Бузулукомъ и Медвѣдицею и *e*) по правой сторонѣ Донца. Прочія мѣста составляютъ почти совершенно ровную, сухую и безлѣсную степь, поверхность коей по большой части состоитъ изъ песчаной, частію соленой и тощей глины, а черноземъ попадается по низменнымъ мѣстамъ.

Впрочемъ качество почвы весьма разнообразно, и въ цѣлой массѣ, можетъ быть раздѣлено на три полосы: *первая* заключается въ округѣ Хоперскомъ и частію въ Усть-Медвѣдицкомъ: она возвышеннѣе другихъ, не весьма изобильна водами, отъ чего и не столько плодородна какъ другія; *вторая* полоса заключаетъ въ себѣ весь правый берегъ Дона; здѣсь самыя тучныя и плодороднѣйшія земли находятся въ округахъ: первомъ и второмъ Донскихъ, Черкасскомъ и Міус-

скомъ; и *третья* полоса заключается въ Задонскихъ степяхъ, простирающихся на лѣвой сторонѣ Дона. Сія часть самая безводная, и почва ея повсемѣстно содержитъ въ большемъ количествѣ растворенную соль, а потому менѣе первыхъ двухъ способна къ хлѣбопашеству.

КЛИМАТЪ.

Климатъ здѣшній, вообще умѣренный. Зимы бываютъ легкія, непродолжительныя; морозъ въ 25° по Реом. почитается явленіемъ рѣдкимъ; обыкновенная же стужа простирается отъ 5 до 10 градусовъ. Лѣтнія жары восходятъ отъ 8° до 30°, но за то вечера бываютъ довольно пріятные и прохладные. Иногда, по рѣдко, въ Мартѣ лежитъ еще снѣгъ. Апрѣль есть пріятный мѣсяцъ; но самый жаркій, Іюль. Въ Сентябрѣ и даже въ Октябрѣ бываетъ тепло; Декабрь и Генварь настоящіе зимніе мѣсяцы. По временамъ года вѣтры дуютъ въ слѣдующемъ порядкѣ: *Зимою*, т. е. въ Декабрѣ, Генварѣ и Февралѣ, преимущественно восточные и юго-восточные. *Весною*, т. е. въ Мартѣ, Апрѣлѣ и Маѣ, восточные и Западные. *Лѣтомъ*, въ Іюнѣ, Іюлѣ и Августѣ, западные. *Осенью*, въ Сентябрѣ и Октябрѣ опять начинаются восточные; въ Ноябрѣ, восточные и западные. Осенью же часто также дуютъ и сѣверные и сѣверо-восточные и сѣверо-западные вѣтры.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Въ *царствѣ ископаемомъ* достойны примѣчанія: каменный уголь, черный карандашъ, затвердѣлый глинистый шиферъ или аспидъ, различныхъ видовъ известковый камень, кремень, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свинцовыя и желѣзныя руды [а], поваренная и глауберова соль, и слюда. Горы или лучше значительныя возвышенности, идущія по направленію большихъ рѣкъ, состоятъ изъ мѣлу, мергелю и глины; но есть нѣсколько и первозданныхъ, въ которыхъ недавно открытъ родъ мрамора, принимающаго полировку.

Въ царствѣ *прозябаемомъ*: всякій хлѣбъ, ленъ, пенька; деревья лѣсныя: дубъ, илимъ, кленъ, ясень, липа, осокоръ и множество другихъ. Небольшія лѣсныя дачи, состоящія изъ мелкаго чернаго лѣса, находятся только въ Міускомъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ округахъ; недостатокъ лѣса для топлива съ избыткомъ замѣняется камышемъ, *бурьяномъ* и *кизякомъ* [б]. Строевой лѣсъ употребляется привозный. Деревья плодовыя: яблони, груши, сливы, вишни, грецкой орѣхъ, каштанъ, теринъ, тутовыя, персиковыя и абрикосовыя деревья ростутъ на открытомъ воздухѣ. Виноградъ

(а) Въ имѣніи Генерала Луковкина, недавно открыты желѣзная и свинцовая руды; изъ коихъ послѣдняя содержитъ значительное количество серебра.

(б) Такъ называется сухая толстостебельная трава, растущая на поляхъ необработанныхъ. Кизякъ есть высушенный скотскій калъ.

и нѣкоторыя нѣжныя плодовыя деревья на зиму укрываются. Арбузы, дыни и различныя огородныя овощи ростутъ во множествѣ; есть также довольно мануфактурныхъ и медицинскихъ растѣній. Изъ дико-растущихъ болѣе примѣчательны: печерица, шампіоны, сморчки, сжевика, маковица или жидовская вишня, бузина, дягильникъ, хрѣнъ, щавель и тому подобныя травы. Дикія яблоки и груши, тернъ, хмѣль, кизиль, шиповникъ и барбарисъ растутъ по лѣсамъ. Поля украшаются: тюльпанами, макомъ, барскою спѣсью, піонами, рожами и другими цвѣтами въ великомъ множествѣ.

Въ царствѣ *животныхъ:* всякій домашній скотъ, а у Калмыковъ есть много и верблюдовъ; дикія лошади въ маломъ числѣ. Изъ звѣрей: волки, лисицы, зайцы, суслики и множество другихъ; изъ дикихъ птицъ есть во множествѣ гуси, утки, бабы птицы, колпицы, лебеди, аисты, бѣлыя цапли, орлы, филины, совы, сычи, скопы, ястреба, жаворонки, скворцы, дрозды, щеглы, чижики, коноплянки, соловьи, малиновки, щуры, сорокопуды, полевые пѣтушки и множество другихъ, какъ хищныхъ, такъ и пѣвчихъ птицъ. Земноводныхъ здѣсь весьма немного, и знатнѣйшія изъ нихъ суть: круглая черепаха, жабы, лягушки, разныхъ видовъ ящерицы, ужи, сѣрая змѣя, и мѣдяница.

Азовское море, какъ сажалка, наполнено рыбою, которой великое множество входитъ ежегодно въ

Донъ. Къ сожалѣнію, не смотря на многіе указы и постановленія, рыба вылавливается въ гирлахъ и нижнихъ частяхъ рѣки, такъ, что вверхъ, особенно въ побочныя рѣки, доходитъ въ маломъ количествѣ. Рыбы здѣсь водятся различныхъ породъ: осетры, бѣлуги, севрюги, стерляди, шипы, тарань, лещи, судаки, рыбцы, сомы, чахонь, селява, сазаны, караси, лини, язи, головли, щуки, пискари, и множество другихъ. Рыбный промыслъ доставляетъ низовымъ жителямъ значительный доходъ. Кромѣ домашняго продовольствія, рыба въ большемъ количествѣ развозится въ Малороссійскія и Польскія Губерніи и даже въ Кавказскую область до Пятигорска. Для ловли рыбы употребляются обыкновенные неводы, сѣти, сежи и вентера. Наибольшее количество рыбы ловится въ Черкасскомъ и Міусскомъ округѣ; по всему же войску поймано (1832 г.) 1,033,935, изъ коихъ употреблено 446,512, вывезено 537,423 пуда.

Изъ насѣкомыхъ извѣстнѣйшіе суть: 1) жестко-крылыя, 2) полу-жестко-крылыя, 3) чешуе-крылыя, 4) сѣтчато-крылыя, 5) жилко-крылыя, 6) двукрылыя и 7) безкрылыя.

ЧИСЛО ЖИТЕЛЕЙ И ВѢРА.

Послѣ паденія владычества Татаръ Волжскихъ, въ началѣ XVI столѣтія, въ опустѣвшей странѣ поселились Русскіе выходцы изъ свободныхъ тог-

да крестьянъ, и разнаго званія людей. Нынѣшніе жители Донской земли, состоятъ изъ трехъ главныхъ племенъ: 1) изъ *Русскихъ*: Казаковъ, какъ коренныхъ жителей, и вновь переселенныхъ крестьянъ, принадлежащихъ Донскимъ чиновникамъ; 2) *Калмыковъ* и 3) *Татаръ*; именно:

Казаковъ,	обоего пола	389,571.	
Крестьянъ,	— — —	153,766.	Въ томъ числѣ 70,081 муж. п.
Калмыковъ,	— — —	16,413.	
Татаръ,	— — —	803.	
	Итого . . .	560,553 ч.[a]	

Нынѣ Казаки раздѣляются на четыре разряда: 1) на *Малолѣтковъ*, то есть, такихъ, которые не достигли 19-лѣтняго возраста; 2) на *Несовершеннолѣтнихъ*: Въ сей разрядъ поступаютъ всѣ юноши, коимъ совершится 19 лѣтъ; они присягаютъ на вѣрность службы, вносятся въ списки, и остаются два года въ домахъ, а послѣ сего срока вступаютъ въ разрядъ служилыхъ Казаковъ; 3) собственно на *Служилыхъ* Казаковъ; къ сему разряду принадлежатъ всѣ тѣ, кои отправляютъ дѣйствительную службу, по очереди; и наконецъ 4) на *Отставныхъ*, то есть, такихъ, кои, за увѣчьемъ, или по болѣзнямъ, получили отставку. Первый и послѣдній разряды называются: *Неслуживыми*;

(a) Всѣ Статистическія исчисленія, подлежащія измѣненію, заимствованы изъ Журнала Министерства Внутреннихъ дѣлъ, и принадлежатъ 1832 году, въ которомъ сочиненіе писано.

вторый и третій разрядъ именуются: *служащими*. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Казаки, при объявленіи войны выступали въ походъ въ числѣ 25 тысячь; но въ послѣдствіи число сіе измѣнялось, по мѣрѣ нужды, такъ, что въ отечественную 1812 года войну, во всѣхъ арміяхъ Казаковъ состояло подъ ружьемъ до 60 тысячь человѣкъ.

Калмыки [a] и Татара несутъ службу на ровнѣ съ Казаками, входятъ въ составъ войска Донскаго и пользуются всѣми преимуществами онаго. Татара живутъ при городѣ Новочеркаскѣ, особою станицею, *Татарскою* называемою, и на рѣкѣ Манычѣ въ селеніи *Дарьевкѣ*. Татара исповѣдаютъ Магометанскій законъ, имѣютъ свою мечеть и подвѣдомы Оренбургскому Муфтію. Съ точностію не льзя опредѣлить когда Татара поселились на Дону. Въ царствованіе Петра Великаго о нихъ упоминается, какъ о принадлежащихъ уже обществу Казаковъ. Сами же они полагаютъ свое пришествіе на Донъ, еще въ то время, когда между Раздорами и Азовомъ никакихъ жилищъ не было; но сему трудно повѣрить. Разность религіи и близость Азова, гдѣ подъ Турецкимъ владычествомъ могли они жить спокойнѣе, поставляли водворенію ихъ на Дону непреодолимую преграду.

Всѣ Казаки и крестьяне, какъ Русскіе, исповѣдуютъ вѣру Грекороссійскую. Между Казаками

(a) О Калмыкахъ приписанныхъ къ Донскому войску, см. особую статью.

есть много старообрядцевъ или раскольниковъ, слѣдующихъ сектъ: *Поповщина, Безпоповщина, Духоборцы и Скитники.* Самые мудрѣйшіе изъ старообрядцевъ, суть не что иное, какъ люди, едва умѣющіе читать и превратно понимающіе тексты и слова Священнаго Писанія. Пустые ихъ толки, были бы совершенно безвредны для общежитія, если бы они, держась только оныхъ и старыхъ своихъ обычаевъ, не отчуждали себя отъ общества упорнымъ сопротивленіемъ всякому просвѣщенію и улучшеніямъ. Бывшіе между раскольниками, вѣтхозавѣтной Еврейской ереси, такъ называемые *Малаканы,* какъ болѣе соблазнительные, и такими, даже отъ собратій своихъ признаваемые, въ 1830 году въ числѣ 150 семействъ переселены въ Карабахскую провинцію. Къ сожалѣнію, въ числѣ чиновниковъ есть еще и теперь нѣсколько стариковъ, строго держащихся старыхъ обычаевъ, старыхъ книгъ и любящихъ иконы Фряжскаго письма, то есть такія, въ коихъ лики святыхъ не имѣютъ подобія человѣческаго образа. Хотя сіи немногіе, внутренно не терпятъ иныхъ сектъ, и Русскихъ иногда въ досадѣ называютъ *Москалями,* или вообще именуютъ ихъ *Еллинами,* что по ихъ разумѣнію значитъ хуже нежели бусурманы; и хотя также какъ и простые люди они уклоняются отъ просвѣщенія, якобы противнаго православію; однако же стараются не обнаруживать себя и прямо не хотятъ называться раскольниками. Стыдъ сей уже означаетъ начало исправленія. На землѣ Донскаго войска, нынѣ

числится 330 церквей, изъ коихъ 117 каменныхъ, всѣ хорошо содержатся, а нѣкоторыя богато украшены. Въ 1830 году, здѣсь учреждена Эпархія: Эпархіальный Епископъ именуется *Черкаскимъ* и *Ставропольскимъ.*

ПРЕИМУЩЕСТВА.

Сверхъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимаго, земля обмежеванная и нынѣ въ настоящихъ границахъ подробно измѣренная, почитается собственностію принадлежащею войску; а потому никто изъ владѣльцевъ, ни продать, ни заложить земли не можетъ. Каждый Казакъ, надѣленный значительнымъ участкомъ плодородной земли, не платитъ Государству ни какихъ податей, и обязанъ за то, всегда быть готовымъ на службу, имѣя свое оружіе, одежду и двухъ коней. Сверхъ того, въ дѣйствительной службѣ и въ походѣ получаютъ они провіантъ, фуражъ и жалованье Гусарскимъ полкамъ по старому окладу положенное. Простой Казакъ за отличіе и храбрость производится въ Офицеры, и съ первымъ чиномъ получаетъ дворянское достоинство, съ правами оному присвоенными. Рядовые Казаки втораго и третьяго разряда до 60 лѣтъ считаются на службѣ, отправляя оную также какъ и чиновники по очереди и по наряду начальства. Кромѣ отставныхъ за увѣчьемъ и болѣзнями, прежде сего срока,

оказавшіеся неспособными къ дѣятельной службѣ, употребляются для внутренней службы, въ судебныхъ палатахъ, при полиціи и проч. Казакъ, которому по очереди достается на службу, можетъ нанять за себя другаго; охотниковъ изъ числа отставныхъ и небогатыхъ весьма довольно. Главныя статьи ихъ преимуществъ состоятъ въ позволеніи ловить рыбу, звѣрей; безденежно доставать соль изъ Манычскихъ озеръ, курить вино, и изъ другихъ, подробно означенныхъ въ росписи войсковыхъ доходовъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Казаки сѣютъ хлѣба мало, и не болѣе какъ сколько требуется для домашняго продовольствія; но чиновники, у которыхъ есть крестьяне, въ довольномъ количествѣ продаютъ въ Таганрогѣ пшеницу, называемую здѣсь *арнауткою*. Главнѣйшій доходъ Казаки получаютъ отъ скотоводства и рыбной ловли, не требующихъ большихъ трудовъ и постоянныхъ усилій. Кромѣ нѣсколькихъ винокуренныхъ заводовъ, на коихъ выкуривается не болѣе 150,000 ведръ въ годъ, въ Донской землѣ нѣтъ никакихъ фабрикъ и заводовъ. Казаки не прилежатъ къ ремесламъ и художествамъ, такъ, что въ самой столицѣ ихъ, Новочеркасскѣ, нѣтъ самыхъ нужныхъ мастеровыхъ; и тѣ, которые есть, всѣ иногородные. Казаки почти также лѣнивы въ работѣ какъ и Малороссіяне,

и также смѣтливы и переимчивы въ механическихъ искуствахъ какъ и Великороссіяне; но получая отъ одного скотоводства достаточное содержаніе, небрегутъ о домоводствѣ, и большую часть времени проводятъ въ праздности и гульбѣ. Сельское хозяйство нѣкоторый доходъ доставляетъ только тѣмъ изъ нихъ, которые, имѣя наличныя деньги, могутъ платить поденьщикамъ, приходящимъ въ значительномъ числѣ изъ Россіи для полевыхъ работъ, по 2 р. 50 к. въ день, кромѣ пищи. За всѣмъ тѣмъ, здѣшніе богатые помѣщики, владѣя огромными участками, составляющими иногда до 40,000 десятинъ плодоносной земли, по сравненію съ другими губерніями, менѣе облагодѣтельствованными климатомъ и природою, получаютъ весьма незначительный доходъ.

Казаками и помѣщичьими крестьянами, посѣяно было въ 1832 году озимаго 91,486 и яроваго 359,643 четверти. Урожай хлѣба былъ, озимаго самъ-другъ, и яроваго самъ-третей. Пчеловодствомъ предпочтительно занимаются крестьяне Міусскаго округа; сборъ меду по всѣмъ округамъ весьма незначителенъ, и онаго ежегодно собирается около 8,000 пудовъ. Значительныя ярмарки въ войскѣ Донскомъ бываютъ: 1. въ станицѣ Урюпинской въ день Покрова; 2. въ станицѣ Михайловской въ день Богоявленія; 3. въ слободѣ Криворожской въ Троицынъ день; 4. въ Новочеркаскѣ въ Троицынъ день, на Воздвиженіе и въ Покровъ; 5. въ Нижне-Черкаской станицѣ на Воз-

движеніе. На Урюпинской ярмаркѣ въ 1832 году продано разныхъ товаровъ на 2,560,000 рублей; на Михайловской на 1,019,510 рублей; на Криворожской ярмаркѣ, гдѣ главный торгъ производится шерстью, рогатымъ скотомъ и лошадьми, изъ привезенныхъ товаровъ продано на 243,840 р., рогатаго скота, лошадей и овецъ продано на 230,730 рублей. На Новочеркаскихъ ярмаркахъ, гдѣ главный торгъ производится хлѣбомъ, рогатымъ скотомъ и лошадьми, товаровъ привезено на 4,800,000 рублей, продано на 650,000 рублей. На Нижне-Черкаскую ярмарку, шелковыхъ, бумажныхъ, и холщевыхъ товаровъ привезено на 1,999,743 рубля, продано на 670,580 рублей.

СКОТОВОДСТВО.

Конскіе заводы. Улучшеніе конскихъ заводовъ, составляетъ первый предметъ хозяйства, необходимаго для службы Казаковъ, и мы займемся имъ съ нѣкоторою подробностію, а какъ скотоводство составляетъ главный промыслъ, то и о сей отрасли хозяйства соберемъ всѣ нужныя свѣдѣнія.

По рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Дону до рѣки Донца, лошади не рослы, но довольно складны, легки и сильны. Лошади же съ заводовъ по Донцу и вверхъ Дона, происходятъ отъ заводскихъ жеребцовъ сосѣдственныхъ Губерній, почитаются негодными для Казачьихъ полковъ; они хуже настоящихъ Русскихъ лошадей

особенно Битюцкихъ и потому низкою цѣною продаются извощикамъ.

Лучшія пастбищныя мѣста для лошадей находятся, по правую сторону Дона, начиная отъ Донца до Калміуса, и по берегу Азовскаго моря, въ мѣстахъ возвышенныхъ, сухихъ и при текучихъ чистыхъ водахъ. По лѣвую сторону Дона, по рѣкамъ Салу, Куберлямъ, Манычу и прочимъ, луга имѣютъ влажную почву, воды соленыя и дурнаго запаха, множество насѣкомыхъ лѣтомъ безпокоятъ животныхъ, отъ чего лошади перерождаются въ слабыхъ, короткошеихъ и головатыхъ; но здѣшнія лошади вообще ростомъ выше другихъ.

Доброта лошадей, зависитъ болѣе отъ содержанія ихъ. Арабъ, Персіянинъ и Турокъ ѣздятъ на кобылѣ, за которою слѣдуетъ жеребенокъ. На годоваломъ жеребенкѣ начинаютъ ѣздить слегка, что и продолжаютъ до совершеннаго возраста. Сіи народы пріучаютъ лошадей своихъ постепенно къ ношенію тягости, такъ, что по достиженіи ими надлежащаго роста, онѣ скачутъ по 30 верстъ и болѣе съ тяжелымъ сѣдломъ и уборомъ безъ малѣйшаго для нихъ вреда. Арабскія лошади въ песчаныхъ и каменистыхъ пустыняхъ проводятъ нѣсколько дней безъ корма и питья. Черкескія и другія Азіатскіе наѣздники, часто увозятъ добычу на большое пространство, не слезая съ лошади по цѣлымъ суткамъ. Англичане также держатъ своихъ скаковыхъ лошадей въ черномъ тѣлѣ, но

содержать ихъ съ большимъ раченіемъ и постепенно пріучаютъ къ трудамъ. Черкескія лошади, питаясь всегда въ полѣ, переносятъ непогоды легко, и скачутъ большія разстоянія безъ вреда; но какъ количество ихъ слишкомъ велико, то каждая лошадь, и не можетъ получить воспитанія, подобнаго Арабской, а посему въ силѣ и особенно для ношенія тягостей, должны имъ уступать. Впрочемъ лучшія Черкескія наѣздничьи лошади выдерживаются также, какъ и Арабскія.

Опытъ показалъ, что улучшать лошадиные заводы на Дону преимущественно должно отъ Азіатскихъ породъ, какъ то Арабскихъ, Персидскихъ, Черкескихъ, Анатольскихъ и Хивинскихъ. Англійскими лошадями улучшить заводы не возможно потому, что скаковой чистой породы жеребцовъ изъ Англіи за границу не выпускаютъ, а отъ такихъ, какіе продаются у насъ, выходятъ лошади, годныя только для парада и прогулки. Мартынова заводъ, разведенный отъ Англійскихъ, почитается лучшимъ для упряжныхъ, а для ремонтовъ кавалерійскихъ и особенно для казачьихъ полковъ, лошади его не покупаются. Поздѣевъ испортилъ свой заводъ, почитавшійся лучшимъ на Дону, породою тяжелыхъ Мекленбургскихъ жеребцовъ. Безъ сомнѣнія Арабскіе жеребцы могутъ дать наилучшихъ лошадей, но высокая на нихъ цѣна, и невозможность пріобрѣтать ихъ прямо изъ Аравіи, климатъ, содержаніе и многія другія причины, поставляютъ тому почти непреодолимыя

препятствія. По сему нынѣ всѣ заводчики стараются улучшить свои заводы другими Азіатскими породами и безъ сомнѣнія въ томъ успѣютъ.

Нынѣ Графа Платова заводъ подъ тавромъ Р. почитается лучшимъ на Дону, и происходитъ отъ породы Закубанскихъ лошадей, улучшенныхъ Персидскими и Хивинскими жеребцами, которыхъ покойный Графъ Матвей Ивановичь имѣлъ случай достать въ 1796 году, во время бывшей съ Персіею войны. Кирсанова подъ тавромъ ℌ почитается лучшимъ послѣ завода Платова и происходитъ отъ Черкесскихъ и Татарскихъ лошадей, улучшенныхъ жеребцами Платова завода. Харитонова заводъ, подъ тавромъ ВС, породы Черкеской, улучшенъ жеребцами Платова завода, и хотя первымъ двумъ уступаетъ на скачкахъ, но за то лошади красивѣе. Заводъ Гг. Иловайскихъ, изъ породъ лошадей Калмыцкихъ, Татарскихъ и Черкескихъ, даетъ лошадей рослыхъ и статныхъ, въ большомъ количествѣ покупаемыхъ для ремонтовъ. Другіе заводчики имѣютъ лошадей посредственныхъ, частію отъ небреженія или незнанія, частію отъ обстоятельствъ непредвидимыхъ или отъ примѣси Европейскихъ и Бахмутскихъ тяжелой породы жеребцовъ. Лошади Платова завода продаются по 350 рублей кругомъ за голову, прочія въ соразмѣрности дешевле, такъ что лошади худшихъ заводовъ продаются по 100 и по 80 рублей въ разницу.

Для смотрѣнія за табунами нанимаются Калмыки, полагая на сто лошадей одно семейство, на 500 три; на 1000 пять, а на 1500 и 2000 шесть семействъ считается достаточнымъ. Кромѣ частныхъ заводовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ, занимающихся улучшеніемъ породы лошадей, обитатели Хоперскаго, втораго Донскаго и Усть-Медвѣдицкаго имѣютъ огромные табуны, остающіеся безъ всякаго присмотра и раченія о нихъ. Во всѣхъ Войсковыхъ округахъ считается до 257,211 лошадей, въ томъ числѣ 123,328 матокъ.

Рогатый скотъ на Дону трехъ породъ: 1я *Калмыцкой* Дербетовой орды. Скотина сей породы мясиста и красива, на зиму обростаетъ густою шерстью, легко переноситъ климатъ; ибо по инстинкту, также какъ лошади и овцы, раскапывая копытомъ снѣгъ, удобно достаетъ траву и питается ею въ полѣ всю зиму, исключая продолжительныхъ мятелей, и *шеренговъ*, (такъ называется здѣсь, если на снѣгъ выпадетъ дождь и поверхность снѣга замерзнетъ), тогда скотина вдругъ лишается пропитанія. Въ сей крайности, гдѣ случится камышъ или кустарникъ, тамъ только гурты спасаются отъ голодной смерти. Сей породы разведена лучшая скотина у Бугучева за Донцемъ. 2я *Венгерская* порода, заимствована съ Днѣпра, уступаетъ первой породѣ потому, что не можетъ зимою питаться въ полѣ; притомъ хотя быки рослы, но не мясисты. 3я *Голландская* порода, есть наиспособнѣйшая къ усовершенствованію Донскаго

рогатаго скота; но какъ сія порода требуетъ большихъ построеній, и тщательнаго присмотра, то здѣшнія хозяева по неимѣнію къ тому средствъ, предпочитаютъ ей Калмыцкую породу, которая, не зная хлѣва, и лѣто и зиму гуляетъ въ полѣ, не требуя отъ хозяина ни пищи, ни большаго присмотра. Голландская порода, разведенная Г. Мартыновымъ, почитается лучшею на Дону.

По старинному обычаю телятъ не употребляютъ въ пищу; притомъ здѣшнія коровы такъ пріучены, что безъ теленка молока не даютъ. Судя по количеству дойныхъ коровъ, масло выбивается только для домашняго расхода, а въ продажѣ его мало и оно дорого, сыровъ вовсе не дѣлаютъ. Сія отрасль промышленности предпріимчиваго человѣка могла бы обогатить, ибо по дешевизнѣ молока, съ небольшею издержкою на устроеніе завода на иностранный образецъ, можно было бы выдѣлывать великое количество масла, котораго сбытъ въ Россіи и отпускъ за границу доставилъ бы значительныя выгоды. По великому употребленію сыра въ Мореѣ, Архипелагѣ и Италіи, продажа онаго на мѣстѣ въ Таганрогѣ могла бы доставить еще значительнѣйшія выгоды. Соленіе мяса, для нашего Черноморскаго флота и особенно для Англійскаго, пребывающаго въ Мальтѣ, могла бы составить обширную отрасль промышленности для Донскаго края.

По причинѣ малаго населенія и великаго числа разводимаго здѣсь скота, хозяева не могутъ заго-

товить достаточнаго количества сѣна. Калмыки, которые всѣхъ другихъ Донскихъ жителей богаче скотомъ, не заготовляютъ сѣна; въ Міускомъ и Донскихъ начальствахъ заготовляютъ онаго на шесть недѣль; а въ верхнихъ частяхъ Дона, по Хопру и Медвѣдицѣ на четыре мѣсяца. Гдѣ болѣе осторожности, тамъ менѣе и бѣдъ встрѣчается. Если въ продолженіи обыкновенной здѣшней зимы случатся частыя метели и шеренги, то отъ недостатка сѣна много скота погибаетъ. Во время пребыванія моего въ Новочеркаскѣ въ 1832 году, зима при глубокомъ снѣгѣ и при 20° мороза, по несчастію продолжалась до пяти мѣсяцовъ и бѣдствіе неотвратимое, подобно землетрясенію, навело ужасъ на всѣхъ жителей. Калмыки болѣе всѣхъ потерпѣли убытка, и многіе другіе хозяева лишились почти всего своего богатства, цѣлыя стада пали; лошади и рогатый скотъ сами собою, по инстинкту, перешедъ Донъ, устремились къ Сѣверу и къ удивленію спаслись, нашедъ тамъ менѣе снѣга и болѣе благопріятную для нихъ погоду.

Рогатаго скота было въ Усть-Медвѣдицкомъ округѣ 215,922 головы; во второмъ Донскомъ 201,308; всего же войску принадлежащаго 840,683 головы и въ томъ числѣ 396,154 матки. Въ теченіи года отпущено рогатаго скота въ Столицы и другіе города Россіи 20,056 штукъ. Пара быковъ продается отъ 80 до 150 и рѣдко по 200 рублей. Голандской цѣнится дороже Калмыцкаго,

а сей Венгерскаго. Скотъ обыкновенно продается на мѣстныхъ ярмаркахъ. Острогожскіе, Воронежскіе, Тульскіе и Московскіе купцы занимаются симъ промысломъ. Продажа рогатаго скота доставляетъ Казакамъ, не смотря на случающіяся изрѣдко бѣды, наибольшія выгоды; ибо издержки для присмотра за нимъ весьма незначительны: не болѣе трехъ Калмыковъ нанимаются для пастьбы 500 скотинъ.

Овцы: Качество травы и воды, наибольшее имѣетъ вліяніе на породу, вкусъ мяса и волну овецъ, разведеніе почти единообразно; а содержаніе весьма различествуетъ по породамъ. *Испанскія* овцы, не смотря на различіе климатовъ, съ успѣхомъ разводятся почти во всей Европѣ; напротивъ *Крымскихъ*, дающихъ дорогія мерлушки и родящихся только на Тарханкутѣ, нигдѣ еще не удалось развести. Калмыки, владѣя солончаками, подобными Тарханкутскимъ, могли бы обогатить себя разведеніемъ Крымскихъ овецъ; но сіи люди ничего вновь не предпринимаютъ, такъ что отъ временъ Атиллы и въ образѣ ихъ жизни не примѣтно никакихъ измѣненій.

На Дону удобно плодятся слѣдующія породы овецъ: 1° *Мериносы*, любятъ траву сухую, ароматическую, растущую на высотахъ. Лучшія пастбищныя мѣста для сей породы Испанскихъ овецъ находятся въ Міускомъ начальствѣ, по берегу Азовскаго моря, по нагорной сторонѣ Дона и вообще на мѣстахъ возвышенныхъ. Мериносы тре-

буютъ особаго присмотра и лучшаго питанія; зимою они не могутъ ходить въ полѣ, а потому должно для нихъ строить теплые пріюты и содержать ихъ въ чистотѣ. По сей причинѣ только зажиточные помѣщики имѣютъ ихъ, и то еще не въ большемъ числѣ. Мериносы стригутся одинъ разъ въ годъ весною, даютъ до 4 фунтовъ волны, коей пудъ продается по 30 рублей; слѣдственно каждая овца даетъ до 3 рублей дохода въ годъ — доходъ значительный.

2ᵉ *Шленскія*, не столь нѣжны какъ мериносы, но требуютъ такого же присмотра и содержанія. Стригутся одинъ разъ въ годъ, пудъ волны ихъ продается по 20 руб., и каждая овца даетъ по 2 руб. дохода въ годъ.

3ᵉ *Калмыцкія* съ курдюками, разводятся въ большомъ количествѣ Калмыками. Сія порода и зимою питается въ поле разгребая снѣгъ, и только на случай мятелей и шеренгъ требуетъ до 6 пудъ сѣна на каждую овцу, которыя даютъ до 3 фунтовъ шерсти, за пудъ коей платится около 2 руб. 50 копѣекъ. Ягнячьи мерлушки добротою много ниже Крымскихъ, отъ 1 руб. 50 коп. до 2 рублей.

4ᵉ *Воложскія* овцы, хотя меньше даютъ дохода, но ихъ разводятъ болѣе, потому, что мясо ихъ вкуснѣе другихъ породъ; волна же ихъ продается по 3 руб. 50 коп. за пудъ.

5ᵉ *Русскія*, для хозяйства крестьянскаго почитаются выгоднѣйшими; онѣ сносятъ нечистоту и

плохой кормъ и волна ихъ способнѣе для крестьянской одежды. Воложскія и Русскія овцы съ выгодою плодятся въ Сѣверныхъ начальствахъ, и также какъ и Калмыцкія стригутся два раза въ годъ, въ Маіѣ и Августѣ. Русскія овцы даютъ $3\frac{1}{2}$ фунта шерсти, коей пудъ продается по 3 рубли.

Какъ Сѣверная сторона Донскаго края болѣе населена, а скотоводство вообще менѣе, то не смотря на продолжительнѣйшую зиму, скотъ отъ холода и голода не гибнетъ, и хозяева получаютъ бо́льшій доходъ, нежели какой можно получить на низовыхъ мѣстахъ. Для 1000 овецъ нанимаютъ пять Калмыковъ. На мѣстахъ, гдѣ пасутся овцы, лошади могутъ питаться только по крайней нуждѣ, ибо овцы оставляютъ по себѣ мало корму. Овцы въ водопоѣ не разборчивы, а рогатая скотина и того менѣе и питается съ овцами безъ отвращенія и вреда. Въ 1832 году было овецъ въ округахъ: Хоперскомъ 521,907, второмъ Донскомъ 520,774, Усть-Медвѣдицкомъ 481,163, во всѣхъ же округахъ земли Войска Донскаго 2,110,539, въ томъ числѣ 1,092,640 матокъ. Шерсти собрано по всему войску 217,775 пудъ.

Не смотря на огромное скотоводство и значительный, отъ онаго получаемый доходъ, пора бы, кажется, думать о улучшеніи породъ скота, особенно лошадей, а доходъ случайный умножить средствами болѣе постоянными и вѣрными. Не мѣстныя обстоятельства, не малое населеніе, и

даже не незнаніе; а *хвастливость* и упрямство, свойственныя всякаго рода охотникамъ, тому причиною. Здѣсь каждый заводчикъ старшій чиномъ, также какъ и хозяинъ изстари существующаго завода, почитаетъ свой скотъ первымъ на Дону. Увѣренность ихъ въ семъ отношеніи столь велика, что произнося ложь нелѣпую, неправдоподобную, они думаютъ, что говорятъ самую истину, а посему никакого противурѣчія и добраго совѣта, терпѣть и выслушать не могутъ. И такъ вмѣсто того, чтобы имянитые и богатые заводчики, подавали другимъ средства къ улучшенію, или сами пользовались бы совѣтами людей болѣе ихъ свѣдущихъ, требуютъ безусловнаго одобренія своимъ бреднямъ, и кто хочетъ быть у нихъ въ милости, или сохранить ихъ къ себѣ благорасположеніе, тотъ необходимо долженъ превозносить породу ихъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

По симъ-то причинамъ, не взирая на стараніе Атамана Графа Платова и немногихъ просвѣщенныхъ охотниковъ, публичная скачка, съ цѣлію улучшенія заводовъ, необходимая для войска, къ сожалѣнію и до сего времени на Дону не существуетъ. Бываютъ скачки между двумя, тремя пріятелями, въ которыхъ приглашаемыя знатоки участвовать не хотятъ и *не смѣютъ*, дабы публично не обличить низкое достоинство своихъ лошадей. Жаль, очень жаль, что безполезные ихъ затѣи и превратные толки очумляютъ всякое

доброе намѣреніе и вредятъ выгодамъ частнымъ и общимъ. Многіе помѣщики нѣжатъ на конюшняхъ статныхъ жеребцовъ, и не видя отъ нихъ никакой пользы, даже не взирая на уменьшеніе дохода и порчу своего табуна, непоколебимо остаются при своемъ заблужденіи и пристрастіи. Въ заключеніе сказаннаго съ прискорбіемъ должно замѣтить, что большая часть Донскихъ заводчиковъ, довольствуясь случайнымъ барышемъ, содержатъ великое количество разнороднаго безобразія лошадей, предоставляя присмотръ и леченіе ихъ одной природѣ. Объ овцахъ и рогатомъ скотѣ еще болѣе не брегутъ.

ВИНОДѢЛІЕ И САДОВОДСТВО.

Просвѣтитель Россіи, строитель всякаго порядка и благосостоянія подданныхъ, Императоръ Петръ Великій, бывъ на Дону и замѣтя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почву, способную для произращенія винограда, выписалъ изъ Франціи лозы, мастеровъ Бургонцевъ и приказалъ насадить оныя около Цымлянской станицы. Казакамъ, еще не привыкшимъ къ хозяйственнымъ занятіямъ, разведеніе винограда казалось дико и несподручно, однакожъ не смотря на дѣло для нихъ небывалое, Донское вино находится нынѣ въ большомъ употребленіи. Такъ Петръ Алексѣевичь умѣлъ начатое кончить. Винодѣльцы здѣшнія весьма плохо разумѣютъ свое дѣло, а корыстолюбивые про-

мышленники, заботясь болѣе о скорѣйшемъ сбытѣ вина, разливаютъ его по бутылкамъ, не давъ ему надлежащимъ образомъ перебродить и отстояться. По сей причинѣ, продаваемое въ Россіи Донское вино слабо, водянисто и скоро киснетъ.

Атаманъ, Графъ М. И. Платовъ, для улучшенія винодѣлія, на войсковое иждивеніе выписалъ Бургондцевъ, которые въ Раздоринской станицѣ учредили заводъ. Мастера сіи, чтобы упрочить и дать хорошій вкусъ вину, не прежде двухъ и трехъ лѣтъ выпускали его изъ своего погреба. Къ сожалѣнію, столь полезное заведеніе, по причинамъ, почти общимъ для всѣхъ казенныхъ и общественныхъ предпріятій, скоро уничтожилось. Лучшее Донское вино можно теперь найти только у хозяевъ, хранящихъ его для собственнаго употребленія; въ продажѣ его мало.

Иностранецъ не повѣритъ всему тому, что о дѣяніяхъ Петра гласитъ Исторія; но ему стóитъ ступить на Русскую землю и онъ уже съ нимъ встрѣтится и всему повѣритъ. Безъ суевѣрія можно сказать, что сей Великій Царь не умиралъ. Во всемъ великомъ и полезномъ, спустя сто лѣтъ, мы видимъ его руку, собственный его трудъ или совѣтъ и духъ. Протекутъ тысячелѣтія, и быть можетъ тогда подвиги его назовутъ баснословными; ибо хотя мы и въ близкомъ отъ него разстояніи, но онъ намъ кажется уже болѣе Греческаго Геркулеса. Безъ сомнѣнія память его будетъ незабвенна до тѣхъ поръ, пока единая Русская

душа будетъ существовать на земномъ шарѣ. Дѣйствительно Петръ Алексѣевичъ и въ маломъ былъ великъ и всякая мысль, по видимому простая, ничтожная, выходя изъ головы его, претворялась въ высокую и въ послѣдствіи становилась благодѣяніемъ. Такъ, во время Персидскаго похода, Императоръ, изъ дули, которую онъ кушалъ, подалъ стоявшему на часахъ Казаку нѣсколько сѣмячекъ, сказавъ ему: „Пріѣдешь домой, посади, такъ и у васъ будутъ такія дули." Казакъ исполнилъ приказъ Государя и въ степи, гдѣ, конечно, отъ сотворенія міра не было древеснаго хлыста, явились сады, въ коихъ и понынѣ хранится особый родъ Персидскихъ дуль, называемыхъ *Царскими.* Простые Казаки собственно еще не занимаются садоводствомъ; они болѣе пекутся о бакчахъ и огородахъ, какъ болѣе для нихъ нужныхъ. Впрочемъ помѣщики и нѣкоторые изъ зажиточныхъ Казаковъ имѣютъ сады небольшіе, не капитальные, но производящіе хорошіе плоды въ достаточномъ количествѣ для домашняго обихода. По недостатку лѣса Донской край кажется пустымъ, дикимъ; и потому-то всякому любителю природы на поверхности земли голой и открытой, при палящемъ солнцѣ отрадно найти прохладу подъ тѣнію дерева, своими руками насажденнаго.

Не смотря на неумѣнье, дешевизну и плохоту вина, Казаки многолюднѣйшей на Дону Нижне-Чирской станицы, получаютъ значительный доходъ.

Сады ихъ, расположенные по нагорной сторонѣ рѣки, расположены въ длину на 12 верстъ; сады Цымлянской станицы простираются на 8 верстъ. Въ Черкаскомъ округѣ садовъ не много, въ другихъ только зажиточные чиновники занимаются винодѣліемъ и садоводствомъ для домашняго обихода. Плодовые сады, вообще не доставляютъ ни какихъ доходовъ.

СУДОХОДСТВО.

Рѣка Донъ очищается отъ льда иногда въ концѣ Февраля, а большею частію въ теченіе Марта. Полная вода стоитъ до половины Іюня, и до первыхъ числъ Іюля. Для перевоза товаровъ, употребляются на Дону слѣдующихъ названій и мѣръ барки: *Мокшаны*, *Биляны*, *Бѣлозерки* и *Коломенки*, длиною отъ 16 до 20 саженъ; полубарки отъ 10 до 14 саженъ. Суда сіи во время наводненія *въ осадкѣ* (въ грузу) бываютъ отъ 6 до 9 четвертей; а *въ межень* (малую воду) 3 четверти и одинъ аршинъ съ вершкомъ. *Дощанники*, мѣрою въ 7 саженъ грузятся до одного аршина и до пяти четвертей; лодки отъ 5 до десяти саженъ длиною грузятся отъ 5 до 8 четвертей; плоты въ *полую* (полную) воду въ осадкѣ бываютъ до 8 четвертей, а въ меженную 5 четверти.

Во время разлитія рѣки, суда приходятъ изъ верховыхъ станицъ Нижне и Верхне Мамаютскихъ, Донецкой, и другихъ ниже оныхъ по Дону

расположенныхъ станицъ. Изъ станицъ же, выше по Дону находящихся, также и изъ Воронежа теперь суда рѣдко и при полной водѣ отпускаются. Большая часть барокъ отходитъ изъ *Качалинской* станицы, гдѣ сосредоточивается вся торговля. Малыя грузовыя суда снизу возвращаются къ Качалину не въ большомъ числѣ. Грузы, привозимые на баркахъ для распродажи въ низовыхъ станицахъ, пристаютъ у Аксая; количество же всѣхъ вообще товаровъ, провозимыхъ далѣе, зависитъ отъ требованій за границу. Возмемъ для примѣра 1829 годъ и покажемъ, на какую сумму въ продолженіе навигаціи сего года, доставлено товаровъ въ Аксайскую станицу и провезено далѣе въ Нахичеванъ и Таганрогъ.

Въ теченіе навигаціи 1829 года, въ Аксайскую станицу прибыло: 25 барокъ, 2 полубарки, 2 дощеника, 2 лодки и 47 плотовъ. На нихъ привезено разнаго лѣсу для строенія домовъ и лодокъ, деревянной посуды, разныхъ деревянныхъ издѣлій для телѣгъ и упряжи, лубковъ, дровъ, угольевъ, глиняной и другой посуды, желѣзныхъ издѣлій, и вообще всего нужнаго для Донскихъ жителей, суммою на 704,609 руб. 91 коп. Въ семъ числѣ на значительнѣйшую сумму привезено товаровъ слѣдующихъ названій: *муки ржаной* 33,083 четверти на 228,499 руб; *смолы* 59,425 пудовъ на 60,186 руб; и *холста* 40,000 аршинъ.

Мимо Аксайской станицы прошло внизъ по рѣкѣ 111 барокъ; 8 полубарокъ; 4 дощеника; 182

лодки и 45 плота; а вверхъ къ Качалинской пристани отправлено только 11 барокъ и 4 лодки. Грузы, назначенные для Нахичевана, Таганрога, Керчи, Одессы и другихъ Россійскихъ портовъ, состояли изъ того же званія товаровъ, какіе привезены были къ Аксайской пристани, въ томъ числѣ въ Елисаветовскую станицу и селеніе Кривую Косу привезено соли Манычской 2900 и 5945 пудовъ Крымской. Въ семъ году на Успѣнскую въ Таганрогѣ ярмонку привезено товаровъ на полтора милліона рублей, и по причинѣ съ Портою войны, продано только на 240 тысячь рублей, въ Ростовъ же и Нахичеванъ привезено на 5,870,000 рубл. продано на 3 милліона.

СУДОСТРОЕНІЕ.

Строеніе мореходныхъ Казачьихъ судовъ весьма несовершенно. Строитель, или такимъ себя называющій, не имѣя ни малѣйшихъ свѣденій въ кораблестроеніи, строитъ лодку на глазомѣръ по прежнимъ образцамъ, неправильнымъ и безобразнымъ. Приходящіе изъ Россійскихъ городовъ плотники, которые прежде рубили только дрова и избы, по удивительной своей смѣтливости, строятъ лодку, никогда прежде ее не видавъ. Донскія лодки бываютъ различной величины, самыя большія, судя по наружности поднять могутъ до 200 ластовъ [a]. Они строятся безъ палубъ, съ одною

(a) Полагая въ ластѣ 68 пуд.

*

или двумя мачтами, на коихъ поднимаются огромныя *холстинныя* паруса, на носу имѣется третій треугольный парусъ. Мачта поддерживается со сторонъ двумя парами *вантъ;* веревки, коими поднимаются паруса, удерживаютъ мачту сзади;— а якорный канатъ подъ парусами держитъ мачту спереди [a]. Лѣсъ на строеніе употребляется безъ разбора: гнилой, тонкой и корявой; въ главныхъ скрѣпленіяхъ иногда кладутъ ветловой или осиновой, а въ ненужныхъ мѣстахъ дубовой; притомъ все снабженіе, какъ то: парусина, канаты и проч. употребляются самаго плохаго, дешеваго издѣлія.

На такой безобразной машинѣ, принявъ грузъ на значительную сумму, хозяинъ, часто безграмотный Казакъ, съ 10 или 20 мореходами, тоже съ лошади на корабликъ сей переседшими, безъ карты и компаса пускаются въ море;— и тамъ, по истинѣ, бережетъ ихъ молитва и покровительство Св. Чудотворца Николая. Донская лодка можетъ плыть однимъ только попутнымъ вѣтромъ (*фордевиндомъ* и полнымъ *бакш-тагомъ:*), при всякомъ боковомъ несетъ ее въ сторону, *лавировать* она не можетъ; а потому гдѣ глубина и грунтъ позволяетъ бросаютъ они якорь. Видя лодки сіи посреди Азовскаго моря стоящими неподвижно при самомъ благопріятномъ и умѣренномъ боковомъ вѣтрѣ, подумаешь, что онѣ, претерпѣвъ какое ли-

---

(a) По морскому *фалъ* служитъ вмѣсто бакштага, а якорный *канатъ* вмѣсто *штага.*

бо бѣдствіе, исправляются; но узнавъ настоящую сему причину, не знаешь досадовать или сожалѣть должно о сихъ ветхозавѣтныхъ, подобныхъ Финикіянамъ мореходахъ. Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, когда Архангельскіе мужички строютъ прекрасныя купеческія суда и продаютъ ихъ иностранцамъ; когда неповоротливыя наши Финны строятъ легкія *лайбы*, въ скрѣпленіе которыхъ не входитъ ни одного желѣзнаго гвоздя, видѣть Казаковъ съ ихъ лодками, слѣпо предающихся опасностямъ, сердце стѣсняется, воображая, сколько сихъ храбрыхъ людей должно погибнуть отъ недостатка свѣдѣній, давно уже другимъ извѣстныхъ и обыкновенныхъ.

Для распространенія и улучшенія мореплаванія на Азовскомъ морѣ, въ 1802 году, въ бозѣ почившій Императоръ Александръ Павловичъ, повелѣлъ строить удобнѣйшія для перевозки грузовъ суда, названныя *Каботажными*, и на строеніе оныхъ отпущены были значительныя суммы. Повелѣніе сіе, долженствовавшее обогатить Таганрогъ и Донской край, осталось безъ исполненія; во первыхъ, отъ сопротивленія Таганрогскихъ торговцевъ, почему-то видѣвшихъ въ *каботажномъ* судостроеніи подрывъ себѣ и пагубу; во вторыхъ, за недоставленіемъ корабельныхъ мастеровъ и другихъ средствъ; наконецъ отъ неохоты Казаковъ заводить чтолибо новое, нежеланіе на лучшее судно издержать болѣе денегъ; и паче всего чтобы не быть принужденными нанимать

знающаго шкипера, покупать карту и компасъ и вмѣсто паклеваго, хорошій пеньковый канатъ. Казаки сами собою не могли улучшить своего судостроенія, не могли сдѣлаться *шкиперами* и *боцманами*; ибо въ сихъ званіяхъ недостаточно одного навыка и опытности, но необходимы нѣкоторыя первоначальныя теоретическія и практическія мореплавательныя познанія. Не должно удивляться, что Казаки съ такимъ же равнодушіемъ смотрятъ на небо ихъ покрывающее, какъ и на иностранные корабли, приходящіе въ Таганрогъ, не понимая, для чего на нихъ столько рей, парусовъ и снастей. Также хладнокровно смотрятъ они на прекрасныя *Требакулы*, мужичками управляемыя и у насъ же въ Херсонѣ строимыя, которыя со всѣми удобностями мореходнаго суденышка, могутъ безопасно плавать въ океанахъ, ибо всѣ сіи предметы кажутся имъ премудростію, для нихъ недосягаемою и потому излишнею.

По вышеобъясненнымъ причинамъ, строеніе каботажныхъ судовъ, не смотря на понужденія, совсѣмъ прекратилось и не сдѣлано было къ тому почти никакого начала; но съ 1826 года указъ 1802 года началъ приводится въ исполненіе и теперь собственно каботажныхъ судовъ, построенныхъ по плану и прилично снабженныхъ, считается до 500. Въ 1829 году одинъ Славянинъ изъ Далмаціи построилъ небольшой прекрасный *бригъ-полякру* съ одно-деревковыми мачтами. Весьма

могло бы быть полезнымъ, если бы по близости Таганрога или Нахичевана поселили небольшую колонію изъ Славянъ Далмацкихъ, Рагузинцевъ и Боко ди Катарцевъ, которые, почитаясь въ Средиземномъ морѣ отличными корабельными мастерами и матросами, по сходству языка могли бы доставить всѣ средства къ улучшенію нашего судостроенія на Дону, и мореплаванія на Азовскомъ морѣ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ безлѣсной сторонѣ и древо просвѣщенія, насажденное Правительствомъ, не глубокіе пустило еще корни. Въ здѣшней Войсковой Гимназіи, считается 89 учащихся, а въ 8 Уѣздныхъ и 5 Приходскихъ училищахъ всего 926 учениковъ, число, въ сравненіи съ народонаселеніемъ, весьма незначительное; ибо на каждыхъ 500 человѣкъ приходится по одному только ученику, полагая въ томъ числѣ весь женскій полъ безграмотнымъ. Въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ дворянскихъ дѣтей нѣтъ; не многіе изъ благородныхъ болѣе достаточныхъ родителей отправляютъ дѣтей своихъ въ Харьковскій университетъ и Пансіоны, и кромѣ 8 юношей на войсковомъ иждивеніи воспитывающихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, прочія обучаются по домамъ, одной Русской грамотѣ. Столь малое раченіе высшаго сословія въ образованіи дѣтей своихъ,

не должно приписывать старообычливости и неувѣренности въ пользѣ просвѣщенія, а совершенному недостатку нужныхъ къ тому пособій, и должно признаться отчасти скупости.

Недостатокъ порядочнаго первоначальнаго ученія, на Дону, болѣе нежели гдѣ либо замѣняется такъ называемымъ просвѣщеннымъ *навыкомъ*. Нѣкоторыя изъ образованныхъ мужей, получившихъ хорошее воспитаніе, замѣчаютъ, что *навычное* просвѣщеніе въ настоящее время, въ продолженіе не многихъ годовъ, сдѣлало большой шагъ и оказало значительные успѣхи. Дѣйствительно въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія, Казаки исходили Европу и вдоль и поперегъ: были въ Парижѣ и Арзерумѣ; въ Адріанополѣ и Торнео; и гдѣ ни были, вездѣ могли много насмотрѣться, и перенять что либо для себя полезное. Между простыми Казаками довольно есть грамотныхъ, а между дворянствомъ, хотя и есть малограмотные, которые не могутъ еще обойтиться безъ секретаря; но много есть и такихъ, кои чтеніемъ и обращеніемъ въ лучшихъ обществахъ, сами себя образовали.

Я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что дамы, хотя не съ большимъ Малороссійскимъ удареніемъ но очень пріятно говорятъ по Русски, и это именно потому, что въ обществахъ Французскій языкъ не употребляется. Желательно однакожъ, чтобы молодымъ людямъ, столь способнымъ и жаждущимъ науки, и особенно прекрасному полу, столь нравственному и наклонному ко всему изящному,

доставлены были способы къ лучшему образованію.

ДОХОДЫ ВОЙСКА.

Войсковые Атаманы употребляли общественную сумму такъ, что доходовъ не доставало на расходы; деньги тратились произвольно и выдавались заимообразно безъ обезпеченія. Дабы остановить всякіе безпорядки по сей части допущенные, Комитетомъ учрежденнымъ для устройства Донскаго Войска, въ 1827 году даны точныя и постоянныя правила, за исполненіемъ которыхъ поручено имѣть тщательное смотрѣніе Войсковому Прокурору отъ Правительства назначаемому. Съ сего только времени отъ всѣхъ и всякаго чина расходчиковъ начали требовать отчеты, и строгое наблюденіе за оными, вскорѣ показало слѣдствія самыя удовлетворительныя, что лучше объяснится выпискою изъ одного годоваго отчета.

Отправлено въ Сохранную казну:

Въ 1827 году	256,555 р.		
— 1828 —	102,412 —	19	к.
— 1829 —	50,803 —	56	—
— 1830 —	146,545 —	$59\frac{3}{4}$	—
	556,514 р.	$34\frac{3}{4}$	к.

Въ приходѣ состояло къ 1 Генваря 1831 года:

Наличной суммы, оставшейся отъ прошедшаго года . . . . . . 274,783 р. $26\frac{3}{4}$ к.

Въ Сохранной казнѣ, суммы отчисленной изъ Войсковыхъ доходовъ ежегодно по 100 тыс. рублей на строеніе Собора . . .	289,786 р. 64 к.
Оставшихся отъ покупки провіанта	128,747 — $52\frac{1}{2}$ —
Долговъ по разнымъ предметамъ.	580,064 — $67\frac{1}{2}$ —
Наличной суммы по питейной части	855,540 — 32 —
	2,108,704 р. $42\frac{3}{4}$ к.

Въ теченіе 1831 года въ приходъ поступило:

По питейной части акциза, за проданное вино	1,089,269 р. $57\frac{3}{4}$ к.
Годовое жалованье и за будары по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимое	21,311 — 60 —
Вмѣсто хлѣбнаго жалованья по Указамъ Царей съ давнихъ лѣтъ производимое	90,000 — „ —
Съ лавокъ и мѣстъ на ярмаркахъ	7,810 — „ —
За откупъ войсковыхъ степей[а]	11,025 — „ —
За откупъ войсковыхъ терезсй	1,243 — 55 —

(а) По послѣднему измѣренію въ одномъ Усть-Медвѣдицкомъ Начальствѣ, найдено болѣе 600,000 десятинъ сихъ степей пустопорожнихъ.

За табунщиковъ Калмыковъ . .	45,950 р.	„	к.
Отъ торговаго общества [а] вновь учрежденнаго за коммерческія книги	4,520 —	„	—
Лажныхъ отъ промѣна серебряной монеты	5,458 —	90	—
Съ иногородныхъ промышленниковъ, акцизныхъ съ цѣны товара, съ рубля по 10 коп.	2,739 —	„	—
Выручено за проданный ветхій лѣсъ, медикаменты, неспособныхъ лошадей, воловъ и проч.	565 —	66½	—
За игральныя карты, порубленный войсковой лѣсъ, корчемную соль и съ Московскаго двора	833 —	55½	—
Оставшихся и возвращенныхъ отъ расходовъ прошедшаго года	17,846 —	26¼	—
Итого .	3,407,277 р.	33¾	к.

Изъ сего ежегодно расходуется на жалованье Чиновникамъ, на содержаніе Гимназіи, училищъ, типографій, воспитанниковъ, находящихся въ Московскомъ Университетѣ и Медико-Хирургической Академіи, госпиталей, Аптеки, Ботаническаго

(а) Оное должно состоять изъ 500 купцовъ, Казачьяго званія; но сего числа еще нѣтъ.

сада, двухъ монастырей, почты, полиціи, острога, команды находящейся на устьяхъ Дона для воспрепятствованія ловли рыбы въ запрещенныхъ мѣстахъ, на исправленіе артиллерійскаго обоза, войсковыхъ строеній и прочаго. Всего . . . . 905,046 р. $44\frac{1}{2}$ к.

Затѣмъ къ 1 Генваря 1832 года за расходомъ остается . . 2,502,230 — $89\frac{1}{4}$ —

Такимъ образомъ, при хорошемъ распорядкѣ и надзорѣ, капиталъ, Донскому Войску принадлежащій, въ теченіе пяти лѣтъ увеличился въ десять разъ. Столь быстрое приращеніе капитала дастъ возможность приступить ко многимъ улучшеніямъ и конечно откроетъ другіе способы къ умноженію доходовъ отъ многихъ предметовъ, еще не тронутыхъ.

II. О КАЛМЫКАХЪ ВООБЩЕ,

и особенно

о кочующихъ на донской землѣ.

До сего времени мы имѣли весьма невѣрныя и сбивчивыя свѣдѣнія о Калмыкахъ, и вообще о всѣхъ племенахъ, вышедшихъ изъ Азіи. Почтенный Отецъ Іакинфъ, переводами съ Китайскаго языка, первый изъ Европейцовъ пополнилъ сей недостатокъ, и не только разрѣшилъ многія сомнительныя мѣста древней Исторіи Восточныхъ народовъ; но и познакомилъ со многимъ, чего мы не знали. Пользуясь его достовѣрнымъ Историческимъ обозрѣніемъ о Калмыкахъ, по совмѣстному ихъ жительству съ Казаками, и для вящшаго поясненія Исторіи Донскаго войска, я полагаю приличнымъ помѣстить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о Калмыкахъ, приписанныхъ къ Донскому войску, и вообще о всѣхъ Калмыкахъ, кочующихъ въ предѣлахъ Кавказской области и Астраханской губерніи.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ.

Калмыки, или *Калмаки*, какъ ихъ называютъ Туркестанцы, суть коренные жители *Чжуньгаріи* (а), Монгольскаго племени. По указанію Китайскихъ лѣтописей въ третьемъ столѣтіи до нашей Эры, въ нынѣшнемъ Тарбагтайскомъ округѣ обитали Монголы подъ владычествомъ дома *Хунновъ* (Гунновъ), а округъ Илиской занятъ былъ народомъ *Сэ*, потомъ *Юэжчи* и *Усунъ*, одинъ за однимъ выходившихъ отъ сѣверозападной границы Китая, и вытѣснявшихъ другъ друга далѣе на западъ. Въ первомъ столѣтіи по Р. Х. *Хунны*, обитавшія въ Халхѣ, съ родовичами своими удалились на западъ за Алтай; но и здѣсь, тѣснимые своими непріятелями, которыхъ Китайскій Дворъ неутомимо вооружалъ на нихъ, пошли далѣе на западъ и около 377 года напали на Аланъ, Готѳовъ и Римлянъ. Въ исходѣ четвертаго вѣка, когда *Хунны* удивили Европейскіе народы своею лютостію, и Аттила учредилъ свою столицу на берегахъ Адріатическаго моря; то отъ предѣловъ Китая, вновь пришло въ Тарбагтай, гдѣ прежде обитали *Хунны*, сильное Монгольское поколѣніе *Тулэ* (б). Сіе поколѣніе, раздѣлившись на 15 новыхъ колѣнъ, вскорѣ распространилось на востокъ до вершинъ Селенги, а на сѣверъ до рѣки Тунгузки.

(а) Чжуньгарія отъ Монгольскаго слова *Чжунь-Гаръ* по выговору южныхъ, и *Цзунь-гаръ* по произношенію сѣверныхъ Монголовъ, въ переводѣ значитъ: *восточная сторона*.

(б) *Тулэ*, въ переводѣ значитъ: *высокая телѣга*.

Въ 401 году, пришло отъ границъ Китая самое сильное и многочисленное племя *Жужань*, которое покорило Халху и Чжуньгарію. Изъ сихъ переселеній, слѣдуетъ, что предками нынѣшнихъ Калмыковъ, почитать должно Монгольскія поколѣнія *Усунь*, *Тулэ* и *Жужань*, а не собственно Гунновъ, которые, какъ изъ предъидущаго видно, могутъ назваться родными братьями Калмыковъ.

Означивъ истинное происхожденіе Калмыковъ, мы умолчимъ о происшествіяхъ того великаго переворота, коего ужасная сила ниспровергла всѣ престолы Азіи, и потопила оные въ крови защитниковъ. Славные подвиги *Чингисъ-Хана и Тэмуръ Аксака* не относятся къ предмету, нами избранному, скажемъ только, что когда одинъ изъ потомковъ Чингисовыхъ, *Тогонъ-Тэмуръ*, по причинѣ междоусобія принужденъ былъ, оставя престолъ Китайской Имперіи, удалиться въ свою отчизну Монголію (въ 1367 г.), то три сильныя Чжуньгарскія поколѣнія: *Чоросъ*, *Хошотъ*, *Торготъ*, и въ послѣдствіи присоединившійся къ нимъ *Дурботъ*, заключили между собою союзъ, подъ названіемъ *Ойратъ* (в), противу *Элютэя*, занимавшаго при пріемникѣ Тогонъ-Тэмуръ Ханѣ *Гольци* должность *Тайцзи* (г). Каждое изъ четырехъ союзныхъ колѣнъ, имѣло своего независимаго Хана, которые Хана Чороскаго дома, именуя *Ойратскимъ*, признавали

(в) Ойратъ, значитъ *ближній*, *союзникъ*.

(г) Тайцзи, по Русски переиначенный въ *Тайши*, значитъ *Князь* и *Верховный Везирь*.

главою союза. Въ 1449 году, Ойратскій Ханъ *Эсэнь*, въ Калганской долинѣ, въ одномъ сраженіи побилъ полмилліона Китайскихъ ратниковъ, такъ, что съ Китайской стороны не осталось въ живыхъ ни одного Полководца, ни одного Министра, всѣ потонули въ крови ратниковъ своихъ, самъ Императоръ взятъ въ плѣнъ. Съ смертію *Эсэня*, измѣннически убитаго въ 1455 году, могущество *Чжуньгарскихъ Ойратовъ*, можно сказать, умерло. Съ паденіемъ *Эсэня*, *Ойраты* отказались отъ участія въ общихъ дѣлахъ цѣлаго народа, и ограничили кругъ дѣйствій своихъ предѣлами собственныхъ владѣній. По сей причинѣ внутреннія происшествія ихъ отъ *Эсэня* до *Хара-Хулы* въ продолженіе 150 лѣтъ мало извѣстны.

ЯВЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА ГРАНИЦѢ СИБИРИ.

1620 года.

Въ правленіе *Хара-Хулы* Ойраты предприняли расширить свои владѣнія, не оружіемъ, а новымъ образомъ завоеванія — *разселеніемъ*. Въ слѣдствіе сего *Гуши-Ханъ* пошелъ съ частію *Хошотовъ* на юго-востокъ, и занялъ земли Тангута около озера Хухонора, потомъ завладѣлъ и Тибетомъ. *Хо-Урлукъ* съ *Торготами* (a) обратился на западъ, и

(a) Родоначальникомъ Торготскаго поколѣнія былъ *Уулань*, отъ коего въ шестомъ колѣнѣ родился *Махаци Мункъ*. Послѣ сего слѣдовали на престолъ

въ 1620 году распростеръ свои кочевья отъ береговъ Оби до вершинъ Тоболя. Столь нечаянное появленіе многочисленнаго народа, изумило пограничныхъ Сибирскихъ Воеводъ, которые въ продолженіе 1621 и 1622 годовъ ничего не предпринимая, старались обстоятельно развѣдать о внутреннемъ состояніи сихъ пришельцевъ, которыхъ называли *Калмаками*, Турецкимъ названіемъ сего народа. *Хо-Урлукъ*, почитая земли прежняго Кучумова Царства давнею собственностію *Элютовъ* [a], пришелъ основать на оныхъ новое Государство, подобно какъ Гуши-Ханъ основалъ въ Хухонорѣ. *Хо-Урлукъ*, чувствуя, что при своихъ военныхъ пособіяхъ онъ не въ состояніи брать укрѣпленныхъ мѣстъ, защищаемыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, долго и постоянно хранилъ мирное расположеніе къ Россіи. Но другіе Торготскіе Князья, по обычаю кочевыхъ народовъ, для полученія подарковъ, подъ ничтожными предлогами стали учащать посольствами къ Сибирскимъ воеводамъ, даже въ Уфу, и изъявляли большое желаніе видѣть Москву. Подобными посольствами Киргизцы, Телеутуты и Урянхайцы давно уже наскучили Россійскому Двору; почему въ 1623 г. не позволено было Калмыцкимъ Посланникамъ

сынъ его, *Байго Урлукъ*, Байгоевъ сынъ былъ *Толиганъ Урлукъ*; Чолигановъ сынъ *Хо Урлукъ*, современникъ главнаго Ойротскаго Хана *Батора Хонь-Тайцзи*, прадѣда извѣстнаго у насъ *Аюки-Хана*.

(a) Такъ назвавшихся по имени знаменитаго Тайцзи-Элютэя, бывшаго потомъ Ханомъ Чжувьгарскимъ.

посѣтить Москву, а приказано удовлетворить ихъ желаніямъ въ пограничныхъ Сибирскихъ городахъ. Сія мѣра чрезвычайно оскорбила Торготскихъ Князей; но они не осмѣливаясь явно обнаружить непріязнь противу Россіянъ, обратили все мщеніе на Сибирскихъ Татаръ, поддавшихся Россіи. Помня право прежняго надъ сими Татарами владычества, они стали собирать съ нихъ ясакъ; грабили, разоряли, увлекали въ неволю, и постепенно, далѣе и далѣе проникали во внутренность Россійскихъ владѣній. Сибирскіе воеводы, почитая неблагоразумнымъ остановить ихъ силою, представили Россійскому Двору, откуда происходила сія непріязнь инородцевъ къ Россіянамъ. Царь Михаилъ Ѳеодоровичь уважилъ сіе представленіе, и въ 1632 году снова дозволилъ укрѣпить мирныя связи съ Калмыками чрезъ взаимныя посольства.

Въ слѣдствіе сего дозволенія, нѣкто, сынъ Боярскій, былъ посланъ изъ Тюменя къ Калмыкамъ, въ качествѣ посла. *Хо-Урлукъ*, радостно и ласково принялъ давно желаннаго посла, увѣрялъ его, что онъ желаетъ жить въ дружествѣ съ Россіею, и отправилъ съ нимъ въ Тюмень своихъ пословъ утвердить сіе увѣреніе клятвою. Изъ сего Посольства ясно открылось, что кромѣ желанія подарковъ, Калмыки желали у Русскихъ вымѣнивать на свой скотъ необходимыя для себя вещи; и сія нужда принуждала ихъ дорожить дружествомъ Россіянъ. Не смотря на миролюбіе Хана,

Удѣльные Князья, какъ владѣльцы независимые, въ 1634 году съ 2,000 конницы напали на Русскихъ промышленниковъ, запрещая имъ брать соль изъ Ямышевскаго озера. Ободренные симъ небольшимъ успѣхомъ, *Омбо* и *Ялцзи*, сыновья одного изъ Удѣльныхъ Князей *Куйши-Тайцзія*, опустошили Тарской уѣздъ, и рѣшились на невозможное для нихъ — взять Тару. При сей необычайной для Калмыковъ осадѣ, понесли они большую потерю въ людяхъ, по прибытіи же помощи изъ Тобольска, Тарскіе жители вышли изъ укрѣпленія, разбили ихъ въ открытомъ полѣ, и отняли у нихъ всю добычу, полученную ими при семъ набѣгѣ. Другой отрядъ Калмыковъ, подъ начальствомъ *Далай-Тайцзія* вторгся въ Тюменской уѣздъ, и произвелъ въ немъ много убійствъ и грабежей; но остерегся, и не подступая подъ городъ, спокойно возвратился во свояси съ полною добычею. Сибирскіе воеводы, получили повелѣніе устрашить Калмыковъ общимъ на нихъ нападеніемъ: почему, соединивъ Тобольцевъ, Тарцевъ и Тюменцовъ при Ишимѣ, въ 1635 году, выступили въ походъ; но долго блуждая въ степи, нигдѣ не могли найти ихъ.

ПОСЕЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ МЕЖДУ ВОЛГОЮ И ЯИКОМЪ.

1636 годъ.

Торготы, изъ малоудачныхъ своихъ набѣговъ въ Сибири, увидѣли, что имъ трудно оспорить у

Россіи господство надъ Сибирью, а оставаться на границахъ оной, при недостаткѣ привольныхъ пастбищъ, было невозможно. По сей причинѣ *Хо-Урлукъ*, вознамѣрился, оставя Сибирскую границу, поселиться на степи между Яикомъ и Волгою, о положеніи коей заблаговременно собралъ нужныя свѣденія. Для достиженія предположенной цѣли, еще за долго до переселенія къ Волгѣ, *Хо-Урлукъ* вступилъ въ тайную связь съ Ногайскимъ Мурзою *Султаномъ*, чрезъ котораго старался склонить и другихъ Ногайцевъ отложиться отъ Россіи. Ногайцы, вѣрные своей клятвѣ, не согласились содѣйствовать его замысламъ, и Калмыцкій Ханъ, предпринялъ оружіемъ принудить ихъ къ тому. Но какъ первое его нападеніе въ 1633 году, не имѣло рѣшительныхъ послѣдствій, то онъ отъ предѣловъ Сибирскихъ двинулся къ вершинамъ Эмбы и Ора со всѣмъ своимъ кочевьемъ. Покоривъ многія племена Туркменцевъ и Чжембулуцкихъ Татаръ, кочевавшихъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря и за рѣкою Эмбою; покорилъ онъ своей власти и Ногайцевъ, которые въ числѣ 40,000 кибитокъ жили на степи между Яикомъ и Волгою. Такимъ образомъ намѣреніе Ойротскаго Хана *Хара-Хулы*, разширить свои владѣнія разселеніемъ, отчасти исполнилось. Ойротскія владѣнія занимали всю среднюю Азію между Сибирью и Индіею, Китайскими владѣніями и Волгою. Глава союза, *Баторь-Хонь-Тайцзи*, правилъ сѣверною Чжуньгаріею, на югѣ *Гуши-Ханъ* повелѣвалъ Тибетомъ; а *Хо-Урлукъ* съ 50,000 латни-

ковъ и 50,000 кибитокъ воинственнаго поколѣнія Торготовъ, достигшій предѣловъ Россіи и будучи въ связи съ *Боторъ Ханомъ*, намѣревался по видимому, итти по слѣдамъ Гунновъ, и повторить злодѣйства Татарскихъ полчищъ, еще памятныхъ Россіянамъ. Но времена уже были не тѣ — безсмѣнныя войска, военная пограничная стража Донцовъ и огнестрѣльное оружіе, ручались за спокойствіе Европы.

ПОРАЖЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА АСТРАХАНСКОЙ СТЕПИ. въ 1643 годѣ.

Царь Михаилъ Ѳеодоровичь, желая успокоить свое Государство продолжительнымъ миромъ, постоянно слѣдовалъ своей миролюбивой политикѣ: ничего не предпринимать, гдѣ можно что либо потерять, какъ развѣ въ крайнемъ случаѣ; а потому, и здѣсь старался выгодными предложеніями, ласкою, подарками, преклонить Калмыковъ подъ свою власть. *Хо-Урлукъ* съ своими сыновьями, *Дайчиномъ* и *Илдыномъ*, ходилъ въ 1640 году съ Яика въ Чжунгарію, куда владѣтели Сѣверной Монголіи, Халкаса и Хухонора приглашены были для разсмотрѣнія, и утвержденія *Степнаго Уложенія*, составленнаго главнымъ Ойротскимъ Ханомъ *Баторомъ Хонъ-Тайцзи*. Въ 1641 году, Тобольцы и Тюменцы, намѣревались напасть на Калмыцкаго Хана, на возвратномъ его

пути изъ Чжунгаріи; но не нашли его на томъ мѣстѣ, на которомъ предполагали застать. *Хо-Урлукъ*, по возвращеніи въ новое свое независимое Государство, не думалъ о подданствѣ Россійской Державѣ. Царь истощивъ всѣ миролюбивыя средства, дабы предупредить послѣдствія отъ скопленія многочисленнаго воинственнаго народа при своихъ границахъ, повелѣлъ смирить ихъ оружіемъ и искуствомъ войскъ своихъ. Калмыки, быстрыми, внезапными своими набѣгами, причинявшіе подданнымъ Россійскимъ великій вредъ; наконецъ, въ 1643 году войсками, составлявшими Астраханскій гарнизонъ были разбиты на голову. На семъ сраженіи, *Хо-Урлукъ* съ большею частію сыновей и внуковъ погибъ, и въ слѣдъ за симъ и Улусы его были истреблены; и Калмыки, смиренные полезнымъ для нихъ страхомъ, долго не смѣли безпокоить пограничныхъ нашихъ обывателей. Симъ единымъ пораженіемъ навсегда было обезпечено спокойствіе сей страны; ибо Калмыки опытомъ убѣдились, что имъ гораздо выгоднѣе ночью, подкравшись, нечаянно что либо утащить, или, выскочивъ изъ за куста кого либо въ расплохъ зарѣзать, нежели сражаться съ Русскими войсками въ открытомъ полѣ и брать ихъ укрѣпленія съ одною саблею въ рукахъ.

КАЛМЫКИ ПРИСЯГАЮТЪ НА ВѢЧНОЕ ПОДДАНСТВО РОССІИ. 1655 ГОДА.

По смерти Хо-Урлука наслѣдовалъ ему старшій его сынъ *Шукуръ-Дайчинъ*. Сей Ханъ ходилъ въ Хлассу (Ласса) для принятія благословенія отъ Далай-ламы; на возвратномъ пути изъ Тибета заѣзжалъ въ Чжунгарію, чтобъ взять съ собою внука своего *Аюку*, воспитывавшагося у Ботара-Хонъ-Тайцзи, который также былъ ему дѣдъ съ матерней стороны. *Шукуръ-Дайчинъ*, началъ дѣйствовать смѣлѣе отца своего: Сей Ханъ не довольствовался покореніемъ зависѣвшихъ отъ Россіи Ногайцевъ, кочевавшихъ на Яикской степи; но сталъ возмущать другихъ Татаръ, кочевавшихъ на правомъ берегу Волги, которые по наущенію Хана учинивъ разныя неистовства подъ Астраханью, Темниковымъ и другими Украйными городами, отъ страха мести бѣжали на луговую сторону и добровольно поддались Калмыкамъ. Хотя милосердый Царь еще въ 1645 году объявилъ симъ виновнымъ всепрощеніе, и приглашалъ ихъ возвратиться на прежнія кочевья; но они вмѣстѣ съ Калмыками, не преставали до 1655 года производить набѣги на Астрахань, грабили, жгли, разоряли учуги, убивали и въ плѣнъ уводили подданныхъ Россіи, Черкесъ и Татаръ Ногайскихъ, Идисанскихъ и Юртовскихъ (т. е. осѣдлыхъ). *Шукуръ-Дайчинъ*, зная, что разбои, учиненные его Калмыками, не останутся безъ возмездія, прибѣгнулъ къ посредству политики, свойственной кочевымъ

народамъ. По обычаю предковъ, почитая клятву и вѣрность, средствами къ полученію подарковъ, а клятвонарушеніе и вѣроломство пустыми словами, спѣшилъ чрезъ посредство Боярина и воеводы Князя Григ. Сунчалеевича Черкасскаго исходатайствовать себѣ милость быть подданнымъ Россіи. Въ слѣдствіе сего, 1655 года, въ присутствіи Дьяка Ивана Горохова, послы Дайчиновы клялися Царю Алексѣю Михайловичу въ вѣрности Калмыцкаго народа, и присягнули на вѣчное подданство. Калмыцкіе Князья *Дуралъ*, *Серынъ-Тайцзи* и *Чуйкуръ* присягнули за Тайцзіевъ *Дайчина*, *Лацзана*, *Сань-чжаба*, *Пунчука* и *Мэргэня*, за ихъ родственниковъ и всѣхъ Улусныхъ людей, и по повелѣнію Дайчинову шертною записью обязались: 1) Быть у Русскаго Царя въ вѣчномъ послушаніи. 2) Не имѣть сношеній и связей съ непріятелями и измѣнниками Россіи и не защищать ихъ. 3) По повелѣнію Государеву ходить съ Россійскими войсками противъ непріятелей Россіи, и на войнѣ служить безъ измѣны. 4) Не грабить, не убивать и въ плѣнъ не брать Россійскихъ подданныхъ, и отъ всѣхъ прежнихъ неправдъ отстать. 5) Всѣхъ взятыхъ въ семъ 1655 году, и прежде, Русскихъ подданныхъ, выдать и съ имуществомъ ихъ представить въ Астрахань. 6) Измѣнниковъ Татаръ, которые перешли къ Тайшамъ въ Улусы, если кто изъ нихъ пожелаетъ возвратиться въ Астрахань, отпустить безъ задержанія; и впредь всякихъ подданныхъ Россіи не переманивать, и добровольно пришедшихъ не

принимать, а отсылать обратно. 7) Посланныхъ отъ Россійскаго Правительства въ Калмыцкіе Улусы по Государевымъ дѣламъ не безчестить и отпускать безъ малѣйшаго задержанія. Сія шертная запись, представляетъ вѣрную картину того времени, и всего бывшаго и быть долженствовавшаго; изъ ней видно, что Калмыки для обезпеченія своей лѣнивой жизни, не обязались платить ясакъ; для удовлетворенія же кочевой своей наклонности къ хищничеству, охотно присягнули служить противъ непріятелей Царскихъ.

Отъ сего времени начинается совмѣстное служеніе, взаимные грабежи, ссоры и союзы Калмыковъ съ Донскими Казаками: не повторяя того, что было описано въ Исторіи Донскаго войска (часть I, стран. 188 и слѣд.) упомянемъ здѣсь о томъ только, что Калмыками совершено отдѣльно отъ нашихъ Донцовъ; или что мною въ актахъ Донскаго войска не отъискано.

Россійскій Дворъ, принявъ въ подданство Калмыковъ, имѣлъ въ виду найти въ нихъ сильную помощь противъ враговъ своихъ на Юго-востокѣ; и Калмыки, какъ увидимъ, оправдали сію надежду. Въ 1661 году, для воздержанія Крымцевъ отъ безпрестаннаго вторженія въ наши Украйны, когда Россійскій Дворъ, въ силу первой шертной записи, потребовалъ отъ Калмыцкихъ владѣльцевъ войскъ, то *Дайчинъ* чрезъ повѣренныхъ заключилъ съ Дьякомъ Ив. Гороховымъ, слѣдующій военный договоръ: „ Отправить Калмыцкое войско на

Крымскихъ Татаръ, съ Крымскимъ Ханомъ никакихъ сношеній не имѣть; плѣнниковъ Крымскихъ отправлять въ Москву, военною добычею пользоваться Калмыкамъ, а возвращенныхъ ими изъ плѣну Россіянъ, представлять въ Астрахань, или въ ближайшіе Россійскіе города; за службу же довольствоваться, чѣмъ Государь пожаловать изволитъ." Внизу сей записи *Пунчукъ Тайцзи*, сынъ и наслѣдникъ Дайчина, своеручно приписалъ Калмыцкимъ письмомъ: „а съ Донскими Казаки *Өедоромъ Будановъ* по нашему *Дайчинову* и *Пунчукову* велѣнью вѣрился родственный нашъ человѣкъ *Дазанъ-Кашка,* что промышлять надъ Крымскими людьми и надъ ихъ улусы ратнымъ нашимъ Калмыкамъ съ Донскими Казаки за одно, и хитрости межъ себя никакія не чинить."

Калмыки до того не уважали святостію договоровъ, что Россійское Правительство въ томъ же году, вынуждено было поставить съ ними новый договоръ, и обязать къ исполненію онаго особою клятвою. На сей конецъ *Пунчукъ-Тайцзи* (Дек. 9) съѣхавшись съ Бояриномъ Гр. Сунчу. Черкасскимъ на урочищѣ Беркетѣ, далъ новую шерть за отца своего Дайчина, и за всѣхъ прочихъ Калмыцкихъ Тайшей, также и за Ногайскихъ, Эдисанскихъ, Ямбулакскихъ, Майлибашскихъ и Зинзилинскихъ Мурзъ, и шертуя цѣловалъ Бога своего *Борхана*, *Бичикъ* (священную книгу) и четки лизалъ, и къ горлу свою саблю прикладывалъ. Въ сей записи повторены были всѣ статьи первой шерти 1655

года, и къ онымъ присовокуплено: „Съ Турецкимъ Салтаномъ, съ Кэзылъ-Башскимъ (Персидскимъ) Шахомъ, съ Крымскимъ Ханомъ и Азовскимъ Беемъ никакихъ сношеній не имѣть; съ непріязненными Россіи народами не соединяться, и оружіемъ и лошадьми не ссужать, и людей въ помощь не давать, какъ прежде сего оии Крымскому Хану людей въ помощь давали и лошадей ссужали.“

ПРАВЛЕНІЕ АЮКИ ХАНА.

1672—1724 г.

Сколько лѣтъ управлялъ Калмыками *Шукуръ-Дайчинъ*, и по немъ сынъ его *Пунчукъ*, о томъ точныхъ свѣдѣній не имѣемъ; ибо въ то время Россійской Дворъ не имѣлъ еще вліянія на избраніе и утвержденіе Правителей Калмыцкаго народа. Но какъ изъ грамоты на Донъ 1672 года года Ноября 5го, видно, что Калмыки *Аюки-Хана* вмѣстѣ съ Донскими Казаками воевали подъ Азовымъ, то изъ сего слѣдуетъ, что *Аюка* въ семъ году, или не задолго предъ симъ вступилъ въ управленіе Калмыками. Сей *Аюка*, своею службою не столько пользы, сколько склонностію къ грабежу вреда Россіи причинившій, былъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ Калмыцкихъ Владѣтелей, который счастливыми своими разбойными подвигами сдѣлался на берегахъ Волги и Дона знаменитымъ.

Въ 1673 году, при открывшейся съ Портою войнѣ, Правительство, желая воспользоваться замѣченною способностію новыхъ своихъ подданныхъ, страстныхъ къ добычѣ и притомъ отлично храбрыхъ, вознамѣрилось противупоставить ихъ Крымскимъ и Кумыцкимъ Татарамъ. Для исполненія сего Бояринъ и Воевода Князь Яковъ Никитичъ Одоевскій, лично имѣлъ переговоры съ Ханомъ *Аюки*, въ слѣдствіе коихъ Ханъ присягнулъ за себя и за весь народъ, на вѣчное подданство Царю Алексѣю Михайловичу. Но какъ сближеніе наше съ Калмыками постепенно измѣняло взаимныя отношенія, то посему въ шертной записи 1673 года, Февраля 27 дня, учиненной при рѣкѣ Соленой въ 5 верстахъ отъ Астрахани, къ статьямъ шерти 1661 года, присовокуплены еще слѣдующія: 1) Плѣнныхъ Россіянъ, какой бы націи они ни были, выдать изъ Улусовъ съ полученіемъ окупа 2) Калмыковъ, ушедшихъ въ Россійскія города, исключая принявшихъ Христіанскую вѣру, возвратить въ Улусы. 3) Плѣнныхъ Христіанъ, вышедшихъ изъ Бохары, Ургенча и Хивы, пропускать чрезъ Улусы въ Россію безъ задержанія; и тѣхъ, которые найдутся въ Улусахъ, отпускать въ Россійскіе города. 4) Посылать людей къ Царскому Величеству по своимъ дѣламъ въ небольшомъ числѣ. 5) Имѣть Калмыкамъ торгъ съ Россіянами и въ Москву ѣздить для продажи лошадей. 6) *Аюки* съ Калмыками и своими Татарами итти на Кумыцкихъ Владѣльцевъ, частыми набѣгами вмѣстѣ съ Донскими Казаками, трево-

жить Турецкой въ Азовѣ гарнизонъ; а послѣ того, тою же весною итти войною на Крымъ съ многочисленнымъ ополченіемъ. 7) За военную службу довольствоваться ему *Аюки* съ Тайшами тою наградою, какая прислана будетъ отъ Государя опричь годовыхъ окладовъ, которые получать по прежнему. А какъ незадолго предъ симъ Калмыцкіе *Тайши Аблай* и *Дуралъ* произвели грабительство въ Россійскихъ селеніяхъ; то при настоящей шерти еще обязали Хана Аюки выдать помянутыхъ Тайшей Россійскому Правительству.

ГРАБЕЖЪ ВЪ БАШКИРІИ И ПО ВОЛГѢ.

1676 — 1682 г.

Сія новая присяга, по свойственной полудикому народу легкомысленности, при первомъ благопріятномъ случаѣ была нарушена такъ, какъ бы Калмыки и не обязывались быть вѣрными. Когда въ 1676 году Башкирскій старшина *Сеитъ* возбудилъ всю Башкирію къ бунту, названному по его имени *Сеитовскимъ*, то Ханъ Аюки, безъ всякаго повода, кромѣ страсти къ хищничеству, почти со всѣми своими Тайшами и Ногайскими Мурзами устремился на грабежъ. Въ сіе-то время, хотя Аюка и посылалъ нѣсколько своего войска на Царскую службу, самъ онъ съ большею частію своихъ латниковъ, навелъ ужасъ на сосѣдственныя съ нимъ области, кромѣ Донской земли, къ

которой онъ не касался конечно по той причинѣ, что по сосѣдству было еще что грабить. Губерніи Казанская и Уфимская и нѣсколько селеній и учуговъ по берегамъ Волги раззорены, купцы и промышленники ограблены, торговля остановлена, и множество обоего пола Русскихъ, Черемисъ и Башкирцевъ уведено Калмыками въ плѣнъ. Сіе разбойничество продолжалось до 1683 года, въ которомъ съ прекращеніемъ Башкирскаго бунта и Калмыки утихли.

Дабы оградить пограничныхъ поселянъ отъ разорительныхъ набѣговъ Калмыковъ, Правительство рѣшилось взять строжайшія мѣры. Для сего въ 1683 году, *Аюки* съ прочими Тайшами призванъ въ Астрахань, гдѣ на съѣздѣ при рѣчкѣ Солепой, въ присутствіи Боярина Князя Андрея Ивановича Голицына далъ *новую* присягу на вѣчное подданство Россіи и обязался: 1) служить Его Царскому Величеству вѣрно, какъ служили Ему дѣдъ *Аюки*, *Дайчинъ*, и отецъ его *Пунчукъ*. 2) Русскихъ людей, взятыхъ въ плѣнъ въ прошлыхъ годахъ до 1682 и въ 1682, собравъ въ Улусахъ своихъ, всѣхъ представить въ Астрахань; Башкирцевъ и Черемисъ отпустить на родину. 3) Строжайше наказать и ограбить производившихъ грабежи по Волгѣ. 4) Впредь ему *Аюки* съ Тайшами отнюдь набѣговъ не производить. 5) Мятежныхъ Башкирцевъ, если явятся въ Калмыцкіе Улусы, выдавать Россійскому Правительсву. 6) Если изъ Крыма, или изъ иныхъ какихъ

Государствъ присланы будутъ къ Калмыцкимъ Тайшамъ Послы, или листы по какимъ-либо дѣламъ, то, о присланныхъ лицахъ доносить и письма присылать къ Россійскому Двору. Пословъ, Посланниковъ и посланныхъ обратно безъ Царскаго Указа не отпускать, и въ отвѣтъ на присланныя листы безъ Царскаго повелѣнія не писать. Если же Царскому Величеству угодно будетъ, то тѣхъ Пословъ, Посланниковъ и присланныхъ къ себѣ, съ своими посланными, препровождать въ Москву, или въ Астрахань, куда приказано будетъ Царскимъ Указомъ. 7) Кто изъ Калмыковъ добровольно пожелаетъ принять Христіанскую Вѣру, тѣхъ Тайшамъ и Улуснымъ людямъ обратно не требовать, и Государя не просить объ нихъ.

РАЗОРЕНІЕ КИРГИЗСКОЙ ОРДЫ.

1686 г.

По строгомъ и точномъ исполненіи всѣхъ статей сего договора, Калмыки усмирены были такъ, что долго послѣ сего не было шертныхъ записей, которыми бы Калмыцкіе Тайши обязывались удерживаться отъ набѣговъ въ предѣлахъ Россіи. Но это случилось конечно потому, что *Аюка* нашелъ выгоднѣйшимъ для себя обратить свое оружіе за Яикъ на Киргизъ-Казаковъ, которыхъ безщадно ограбилъ, и сверхъ того покорилъ своей власти Маньмолакскихъ Туркменцевъ. Послѣ сихъ

подвиговъ, прославившихъ имя его въ Средней Азіи, онъ получилъ, какъ думать должно, отъ Далай-Ламы, титулъ Хана; сдѣлался надменнѣе въ обращеніи и самовластнѣе въ управленіи подданными. При Дворѣ его явились Султаны Кубанскіе, Хивинскіе и Казачьи; даже *Абулъ-Хайръ*, бывшій въ послѣдствіи Ханомъ въ Меньшой Кэргизской Ордѣ, въ честь себѣ ставилъ служить при его Дворѣ.

ВНУТРЕННІЯ ПРОИЗШЕСТВІЯ.

Въ продолженіе счастливой для Калмыцкаго оружія войны съ Киргизами, пришли изъ Чжунгаріи въ Россію *Черные Калмыки*, (такъ въ Россіи тогда называли независимыхъ Калмыковъ), подъ предводительствомъ своего Тайцзія *Цаганъ-Батора*; но къ какому поколѣнію сіи пришельцы принадлежали, и въ какомъ числѣ кибитокъ пришли, подробности о семъ въ то время были упущены изъ вида. Извѣстно только, что *Цаганъ-Баторъ* и дѣти его чрезъ посольство просили въ Москвѣ о принятіи ихъ въ подданство и о дозволеніи кочевать между Волгою и Дономъ; но Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь предписалъ Князю В. В. Голицыну отвести имъ для кочевки степи на Луговой сторонѣ Волги при рѣкѣ Ахтубѣ [n].

Степь, орошаемая Волгою и Яикомъ, представляла

(n) См. Пол. Соб. Рос. законовъ Т. II. No 1245.

Кочевымъ народамъ много удобностей для пастушеской жизни, а близкое сосѣдство богатыхъ городовъ и селеній, столько льстило ихъ хищничеству, что, еще въ правленіе *Дайчина* пришли отъ Алтая къ Волгѣ Хошотскій Тайцзи *Хуньдулынь-Убаши* съ 3000 кибитокъ; около 1670 года, въ правленіе Пунчуково, *Доржи-Рабтанъ*, родная тетка Аюкина съ тремя же тысячами кибитокъ; а въ 1673 или 1674 годахъ, Дурботскій *Сономъ-Серынъ-Тайцзи* съ сыномъ *Мункэ-Тэмуромъ*, привелъ съ собою 4000 кибитокъ. Такимъ образомъ укрѣпляемые новыми пришельцами, владѣтели Волжскихъ Калмыковъ, признавая себя подданными Россіи, не прерывали своихъ связей съ прочими Ойратскими Домами въ Чжуньгаріи и сношеній съ Китаемъ и Тибетомъ: съ первыми по родству, съ послѣднимъ по религіи, а съ Китаемъ по дѣламъ политическимъ. Россійскій Дворъ зналъ о сихъ связяхъ, и не запрещалъ имѣть такія сношенія, которыя по существу своему не имѣли соприкосновенности съ политическими отношеніями Россіи къ другимъ Государствамъ. Почитая безполезнымъ и утомительнымъ исчислять всѣ частныя, домашнія сношенія Волжскихъ Калмыковъ съ Чжунгарцами, упомянемъ только о тѣхъ, которые были въ связи съ важными политическими произшествіями того времени на Востокѣ.

Ханъ Аюки выдалъ за *Цеванъ-Рабтана*, Чоросскаго Хана, дочь свою, которую одинъ изъ братьевъ препровождалъ въ Чжуньгарію. Въ послѣдствіи

времени самъ Аюки ѣздилъ въ Чжуньгарію, и привелъ оттуда на Волгу остатки Торготскаго поколѣнія, что и принудило главу Ойратовъ Цеванъ-Рабтана, изключить Торготовъ изъ четвернаго союза, и замѣстить ихъ поколѣніемъ *Хойтъ.* Въ 1701 году, Аюка, по убѣжденію матери своей *Дармы Балы,* родственницы главнаго Хана, собравъ отъ разныхъ удѣловъ 15,000 кибитокъ, подъ предводительствомъ сына своего *Санчжаба,* отправилъ въ Чжуньгарію. Сіе военное вспоможеніе главѣ союза, бывшаго тогда въ войнѣ съ Китайскою Имперіею, по прибытіи въ Или, навсегда тамъ осталось. Пекинскій Кабинетъ, не смотря на сей знакъ добраго, родственнаго согласія, вознамѣрился поссорить тестя съ зятемъ, и вооружить единоплеменные народы другъ противъ друга. Для достиженія сей цѣли, Китайское Министерство, нагло увѣряло Хана *Аюку,* будто *Цеванъ-Рабтанъ* ухищренно переманилъ къ себѣ *Сань-Чжаба,* и силою оставилъ у себя приведенныя имъ 15,000 кибитокъ, а его самаго выслалъ обратно въ Россію. Хотя вымыслъ сей, основанный на корыстолюбіи *Аюки,* и не удался; но политическая сія сцѣна, по свойству Восточной дипломатики, длилась десять лѣтъ, и кончилась тѣмъ, что Пекинскій кабинетъ за нѣсколько не дорогихъ подарковъ, получилъ отъ Аюки подробныя свѣдѣнія о Россіи; а Аюка избавилъ своего племянника *Рабжура* отъ десятилѣтняго насильственнаго Китайскаго гостепріимства.

Изъ Донской Исторіи читатели могли замѣтить,

что Аюкины Калмыки, вѣроятно по той причинѣ, что прочіе сосѣды были уже ими разорены, съ 1693 года стали нападать на Казачьи городки, самъ Ханъ пересылался съ Крымскимъ Ханомъ, доставлялъ съѣстные припасы Азовскому Бею; а Казаки съ своей стороны еще прежде 1693 года начали принимать къ себѣ Калмыковъ на вѣчное житье, и стали тревожить набѣгами Заволжскіе Улусы. Взаимныя разоренія во время малолѣтства Царей продолжались съ ожесточеніемъ, и Казаки и Калмыки грабили на Волгѣ и на большой дорогѣ купеческіе караваны, жгли, рѣзали другъ друга, такъ что по жалобѣ Донскаго Атамана отъ Калмыковъ Казаки сидѣли какъ бы въ осадѣ, и не смѣли въ полѣ на работу выходить; но Петръ Алексѣевичъ сдѣлался единодержавнымъ, покорилъ Азовъ и наѣздники смирились. Страхъ неминуемаго наказанія, положеннаго за набѣги договоромъ 1683 года, строгія мѣры осторожности и бдительный надзоръ Воеводъ Астраханскаго и Азовскаго, а паче внимательность Правительства къ нуждамъ Калмыковъ, столь скоро ослабили въ нихъ склонность къ безпорядкамъ и расположили ихъ къ повиновенію законамъ, что когда Петръ Алексѣевичъ предпринялъ первое путешествіе въ Голландію, то Ханъ Аюка такую уже пріобрѣлъ довѣренность, что ему предпочтительно повѣрено было охраненіе юго-восточныхъ предѣловъ Россіи. По сему случаю Бояринъ Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ 1697 года Іюля 17, заключилъ съ Ханомъ Аюки договоръ, коимъ положено:

*

1°. Въ случаѣ похода противъ Бухарцевъ, Каракалпаковъ, Киргизъ-Казаковъ снабжать Хана Аюку артиллеріею. 2°. Указами предписать въ Уфу, на Яикъ и въ Донскіе городки, чтобы Казаки и Башкирцы не заводили ссоръ съ Калмыками, и запретить имъ сіе подъ смертною казнію. 3°. Ежегодно давать Хану Аюки по 20 пудовъ пороха и по 10 пудовъ свинца. 4°. За каждаго Калмыка крещенаго безъ особливаго Указа, платить по 50 рублей. 5°. Бѣглыхъ Калмыковъ, какъ одинокихъ, такъ и съ семействами, впредь не принимать и не крестить; въ противномъ случаѣ также платить по 50 рублей; и 6°. Дозволить ему Хану посылать своихъ людей для добычи въ Крымъ и на Кубань; а если они, отраженные сильнѣйшимъ непріятелемъ, будутъ отступать къ Русскимъ городамъ, то не отгонять ихъ, а подавать имъ помощь.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ КАЛМЫКОВЪ НА ДОНЪ.

За отсутствіемъ Государя, а наче по причинѣ возникшей между Калмыками смуты, договоръ сей не былъ въ точности исполненъ. Для Калмыковъ дозволеніе ходить въ Крымъ и на Кубань за добычею было важно; но Воеводы дозволяли имъ воевать съ Татарами только тогда, когда сіи нападали на наши Украйные города. Донскіе Казаки, полюбя сосѣдей за удальство, охотно принимали къ себѣ ихъ бѣглыхъ, которые, прельщаясь вольною Казачьею жизнію, изобиліемъ и при-

вольными лугами; другіе, избѣгая наказанія за содѣянныя преступленія, уходили на Донъ отъ своихъ владѣльцевъ многими семьями съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Не смотря на запрещеніе, значительное Калмыковъ на Дону приращеніе началось съ 1699 года. Въ сіе время *Баахапъ*-Тайши, негодуя на притѣсненіе Хана-*Аюки*, испросилъ у Государя позволеніе перенести свои кочевья на Донъ къ Черкаску и отправлять службу наровнѣ съ прочими Донскими Казаками. Аюка задержалъ его жену и дѣтей, три раза силою или подговоромъ уводилъ къ себѣ за Волгу его Улусныхъ людей; и хотя по повелѣнію Государя въ 1706 году отпустилъ на Донъ жену и дѣтей *Баагана* Тайши, но Улусные его люди съ *Будучаномъ*, меньшимъ его сыномъ, не прежде какъ въ 1735 возвращены на Донъ, гдѣ и навсегда остались.

Неустройства, возникшія между Калмыками въ 1701 году, увеличили число искавшихъ вступить въ службу Донскаго Войска. Старшій сынъ Аюки, *Чакдоръ-Чжаба*, поссорясь съ отцомъ за жену, и соединясь съ братьями своими *Санчжабомъ* и *Гунделекомъ*, принудили отца со ста только кибитками искать спасенія и защиты въ Яикскомъ Казачьемъ городкѣ. Самъ *Чакдоръ-Чжаба* съ братьями, дабы укрыться отъ строгости Россійскаго Царя и быть въ безопасности отъ войскъ Его, перешелъ на лѣвый берегъ Яика. Мятежныя дѣти, оставались тамъ до того времени, пока посланный отъ

Государя Бояринъ Князь Голицинъ не примирилъ ихъ съ отцемъ. Калмыки возвратились на прежнее жительство и по прежнему подчинили себя *Аюкѣ* Хану.

Аюка, недовольный Воеводами Астраханскимъ и Азовскимъ, стѣснявшихъ его самовластіе и вольные удалые его промыслы, когда Чеченцы, Кумыки и Ногайцы напали въ 1707 году на Терскихъ Казаковъ, Ханъ Аюка не прислалъ обѣщанныхъ 5000 латниковъ; а въ слѣдующемъ 1708 году, пользуясь Буловинскимъ бунтомъ на Дону, и новымъ возстаніемъ Башкировъ, отпустилъ нѣсколько партій наѣздниковъ, которые, перешедъ на правый берегъ Волги, произвели великое опустошеніе въ Губерніяхъ Пензенской и Тамбовской. Сіи лютые грабители подъ предводительствомъ *Мункэ-Тэмура* Тайцзи, выжгли болѣе ста селъ и деревень и въ плѣнъ увели множество людей обоего пола, которыхъ распродали въ Персію, Бохару, Хиву и на Кубань. Сей разбой вынудилъ Правительство обязать Хана *Аюки* новымъ договоромъ, заключеннымъ 1708 года Сентября 30 дня, на рѣкѣ Ахтубѣ Астраханскимъ и Казанскимъ Губернаторомъ Пет. Матв. Апраксинымъ. Симъ договоромъ Аюка обязался: 1) Отнюдь не переходить на нагорную сторону Волги. 2) Послать на Терекъ 5000 конницы; и 3) Защищать всѣ низовые города отъ Астрахани до Казани. Наконецъ, тотъ же Бояринъ Апраксинъ у рѣчки Даниловки, 1710 г. Сент. 5 дня [п], обязалъ Хана дого-

[п] См. Собр. Росс. Законовъ. Т. IV. No. 2291.

воромъ, уже послѣднимъ. Кромѣ 5000 конницы, за три недѣли предъ симъ отправленныхъ противъ Башкирцевъ, отпустить на Донъ на вѣчное жительство *Мункэ Тэмура* Тайшу со всѣмъ его Улусомъ. Симъ 10,000 Калмыкамъ, принадлежавшимъ къ *Дурботскому* поколѣнію (по Русскому произношенію Дербетовой Орды), отведены кочевья по рѣкѣ Манычу.

Право, полученное Калмыками, производить набѣги на народы, тѣмъ же ремесломъ кормившихся, но не зависившихъ отъ Россіи, произвели послѣдствія, какихъ должно было ожидать. Кубанскій Султанъ *Бахты-Гирей*, въ началѣ 1715 года, нечаянно напалъ близъ Астрахани на Хана *Аюки* и захватилъ собственныя его кибитки со всѣмъ имуществомъ. Самъ *Аюки* съ семействомъ едва спасся уходомъ къ отряду Россійскихъ войскъ, которыхъ Князь Александръ Бековичъ Черкасскій вывелъ изъ Астрахани къ протоку Бохдѣ, для прикрытія Хана. Сіи войска стояли въ строю, когда Кубанскіе Татары проходили мимо ихъ; и хотя Ханъ просилъ Бековича стрѣлять по нихъ; но Князь отказалъ ему въ томъ, подъ предлогомъ, что безъ Царскаго Указа не можетъ учинить сего. Злобствующій Ханъ тотчасъ придумалъ средство отмстить Бековичу. Онъ тайно извѣстилъ Хивинскаго Хана, что сей Князь подъ видомъ посольства идетъ въ Хиву съ войскомъ, и Хивинцы по сему извѣстію скрытно приготовились къ встрѣчѣ Бековича. Извѣстно, что сей воинъ со всѣмъ

отрядомъ своимъ погибъ въ Хивѣ самымъ несчастнымъ образомъ.

Вскорѣ послѣ сего Ханъ *Аюки* примирился съ Бахты-Гиреемъ, и въ 1717 году, когда возникъ бунтъ во владѣніяхъ послѣдняго, то онъ посылалъ ему на помощь Калмыцкое войско подъ предводительствомъ своего сына *Чакдоръ-Джаба*. Сей полководецъ, раззоривъ Улусы мятежниковъ, обратно взялъ на Волгу *Джетысановъ* и *Джанбулаковъ*, которыхъ Кубанцы въ набѣгъ 1715 года увели съ собою съ Волги. Того же 1717 года, *Бахты-Гирей* учинилъ набѣгъ на предѣлы Губерній Пензенской и Симбирской, произвелъ тамъ великое опустошеніе въ селеніяхъ и увелъ съ собою нѣсколько тысячь человѣкъ въ неволю [a]. Когда же Начальники Волжскихъ городовъ, мимо которыхъ Кубанцы проходили, требовали отъ *Аюки* войска для защиты, то Ханъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ сдѣлать сего безъ Указа, такъ какъ нѣкогда Бековичь не смѣлъ безъ Царскаго повелѣнія стрѣлять въ Кубанскихъ Татаръ, когда они грабили *Калмыковъ* подъ Астраханью. Должно замѣтить, что при семъ набѣгѣ Бахты-Гирею указателями служили *Калмыки*, которыхъ *Чакдоръ-Джаба* оставилъ ему до 170 человѣкъ.

Въ 1723 году, по наущенію второй жены Хана, произошло вторичное въ Калмыцкомъ народѣ воз-

---

(a) Донской Атаманъ Фроловъ разбилъ Султана и отнялъ у него всю добычу. См. Ист. Д. В. Ч. I. стр. 178.

мущеніе, которое кончилось раззореніемъ Улусовъ *Чакторъ-Чжабовыхъ* дѣтей *Дасанга, Баксадая* и другихъ. Въ семъ же 1723 году, Государь Императоръ Петръ Великій повелѣлъ всѣхъ кочующихъ на Дону Калмыковъ оставить въ Казачьемъ званіи, а впредь никого уже не принимать. Наконецъ, знаменитый Ханъ Аюка, до глубокой старости предпріимчивый, дѣятельный и отважный, не перенесъ послѣдней дѣтской неблагодарности, и на 90 году отъ рожденія скончался въ 1724 году. По умоначертанію народовъ, живущихъ грабежемъ, Калмыки лишились въ немъ великаго человѣка, и потеря сія тѣмъ чувствительнѣе была для нихъ, что ослушные его дѣти, сдѣлавшись недостойными наслѣдовать ему, лишили народъ послѣдняго признака самобытной независимости.

ПРАВЛЕНІЕ ХАНА ЧЕРЕНЬ-ДУНДУКЪ.

1724 — 1735 г.

По смерти Хана Аюки, минуя дѣтей его и внуковъ, наименованъ и по волѣ Царскаго Величества поставленъ Намѣстникомъ Ханства Калмыцкаго *Черень-Дундукъ* [a], пожалованный 1731 года въ Ханы. Знатнѣйшіе между Калмыцкими владѣльцами *Дундукъ-Омбо*, принявшій Христіанскую

(a) Съ сего времени, за неимѣніемъ болѣе достовѣрныхъ свѣденій, заимствуемъ изъ статьи о Калмыкахъ, доставленной Офицеромъ Донскаго Войска А. К. Ку-мъ, и напечатанной въ Сѣверномъ Архивѣ 1824 въ Мартѣ.

вѣру *Петръ Тайшинъ* и прочіе внуки Аюки Хана, были весьма недовольны симъ назначеніемъ. Сіи прямые наслѣдники Ханства, бывъ подкрѣплены нѣкоторыми другими Тайшами, собрали войско, и встрѣтившись съ войсками Хана Черень-Дундукъ между Чернояромъ и Астраханью, разбили его на голову, ограбили, и всѣхъ его Улусныхъ людей, равно какъ и принадлежавшихъ его союзникамъ, забрали и по себѣ подѣлили. *Дундукъ-Омбо*, опасаясь за дерзкій свой поступокъ Царскаго гнѣва и справедливаго наказанія, ушелъ на Кубань; а Владѣлецъ *Дoржи-Назаровъ* [a], съ сыномъ своимъ *Лубжею*, за Яикъ. Князю Борятинскому поручено было, или помирить враждующихъ, или наказать дерзновенныхъ. *Доржи* благоразумно покорился обстоятельствамъ, съ довѣренностію принялъ предложеніе имянемъ Императора Всероссійскаго ему предложенное, и со всѣми находившимися при немъ людьми и имуществомъ возвратился на прежнее мѣсто жительства. *Дундукъ-Омбо*, болѣе на себя надежный, воспротивился, и потерялъ многихъ своихъ и бывшихъ съ нимъ владѣльцевъ Улусныхъ людей, которыхъ Князь Борятинской отдалъ во временное владѣніе Хану *Черень-Дундукъ*. Сей Ханъ, по видимому, недовольный расправою Русскаго Князя, захотѣлъ самъ расчесться съ своими недругами, напалъ на *Доржи-Тайши* и отнялъ у подвластныхъ ему Калмыковъ скотъ и домашній ихъ скарбъ. Несогласія снова

(a) Вѣроятно также какъ и Петръ Тайшинъ крещеный.

возгорѣлись, и нѣкоторые изъ владѣльцевъ, не желая лить свою кровь для выгодъ безразсуднаго Хана, опять бѣжали съ своими Улусами къ *Дундукъ-Омбѣ* и въ другія пограничныя мѣста.

Дундукъ-Омбо, отважный и предпріимчивый, кочуя на Кубани, могъ сдѣлаться опаснымъ для Россіи, какъ по качествамъ своимъ, такъ и потому, что онъ кочевалъ на мѣстахъ скудныхъ пастбищами. Но не смотря на такую нужду, всѣ старанія Князя Борятинскаго, склонить его къ переходу къ Волгѣ, остались тщетными. Гордясь преимуществами своего ума, онъ не хотѣлъ повиноваться Хану, ниже себя родомъ и умомъ. Дабы убѣдить сего непреклоннаго кочеваго рыцаря въ выгодахъ послушанія Правительству, кроткому и притомъ сильному, вмѣсто горделиваго Боярина, посланъ былъ къ нему въ 1734 году Донской Старшина *Данило Ефремовъ*, человѣкъ вкрадчивый, льстивый, лично съ Тайшею знакомый, и что всего важнѣе: знакомый съ кочевымъ коварствомъ и нравами. Гордый *Омбо* предлагалъ Россіи, въ замѣнъ своей покорности, самыя затѣйливыя условія; но довольный уступчивостію хитраго Ефремова, постепенно, непримѣтно для себя, самъ уступилъ ему во всѣмъ, сказавъ: что дѣлаетъ то единственно изъ дружбы къ нему.

ПРАВЛЕНІЕ ДУНДУКЪ-ОМБО.

1735 г.

Возвратясь со всѣми своими подданными на прежнее кочевье, *Дундукъ-Омбо* въ 1755 году пожалованъ Намѣстникомъ Ханства; а Ханъ *Черенъ-Дундукъ*, за слабое управленіе и допущенные имъ безпорядки, былъ отрѣшенъ. Такимъ образомъ власть Хановъ была ограничена, самоуправство смягчено и переходъ отъ дикой вольности къ совершенной подчиненности произошелъ безъ потрясеній, безъ пролитія крови и безъ дальнихъ разсужденій.

Въ то время, какъ Старшина Ефремовъ убѣждалъ Дундукъ-Омбо перейти къ Волгѣ, зять его *Гунга-Даржи*, сынъ Дурботоваго владѣльца *Четери*, съ 2000 Калмыцкихъ наѣздниковъ, переплылъ Донъ, нечаяннымъ нападеніемъ схватилъ 76 кибитокъ близъ самаго Черкаска кочевавшихъ, забралъ въ плѣнъ въ разныхъ станицахъ 246 Донскихъ Казаковъ, и собравъ болѣе 18 тысячъ разнаго скота, безъ потери, и съ богатою добычею ушелъ за Турецкую границу. Изъ крѣпости Святыя Анны, и изъ Черкаска посланы были въ погоню 1000 человѣкъ, но въ сборѣ запоздали и враговъ догнать не могли. Хотя при замиреньи все забранное было возвращено, но этотъ набѣгъ доказываетъ, что Калмыки едва ли не превосходили нашихъ Донцовъ въ искуствѣ разорять своихъ сосѣдей; ибо по толкованію всѣхъ *охотни-*

ковъ до чужаго, украсть и уйти не бывъ пойманнымъ, почитается превыше всякаго знанія, всякой славы.

Въ 1736 году, *Дундукъ-Омбо* съ 25,000 Калмыковъ и Донскихъ Казаковъ, вмѣстѣ съ лихимъ походнымъ Атаманомъ Краснощоковымъ и пріятелемъ своимъ Старшиною Ефремовымъ, по Высочайшему повелѣнію ходилъ войною на Кубань; и тамъ противу удалыхъ Черкесовъ и нашихъ бѣглецовъ *Некрасовцовъ*, отличился такимъ проворствомъ и сметливостію [a], что въ Петербургѣ всѣ наши Нѣмецкіе учители не могли опомниться отъ удивленія; и Дворъ, не смотря на уваженіе къ ученой тактикѣ Фельдмаршала Миниха, не могъ не замѣтить его неповоротливости, не могъ не отдать преимущества распоряженіямъ полудикаго, природою образованнаго Князя степей. За сію службу и подвигъ изумительной въ отношеніи быстроты, расчета маршей и отважности, *Дундукъ-Омбо* кромѣ другихъ наградъ пожалованъ Ханомъ.

Въ продолженіе вышеописанныхъ несогласій, смутъ и внутреннихъ мятежей, происходившихъ между Калмыками, число ихъ на Дону безпрерывно умножалось. Правительство Донское, дорожа ихъ приходомъ, въ 1756 году исходатайствовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣхъ Калмыковъ, зашедшихъ на Донъ во время мятежей, оставить навсегда при Войскѣ Донскомъ.

(a) См. Ист. Дон. Войска Ч. II. стр. 12.

ПРАВЛЕНІЕ ДУНДУКЪ-ДАШЕ.

1742 г.

Калмыцкіе владѣльцы, сими переселеніями раззоряемые, не могли быть довольны распоряженіемъ, въ 1736 году имъ объявленнымъ; они противились тому упорно и взаимныя нападенія, разбои и грабежи продолжались съ ожесточеніемъ. Огорченные Тайши не хотѣли безъ спора и драки уступить своей собственности; Казаки почитали долгомъ защищать пришедшихъ къ нимъ для вольной жизни и совмѣстной службы. Дабы остановить сіи гибельные для обѣихъ сторонъ безпорядки, намѣстникъ Ханства *Дундукъ-Даше*, въ 1742 году отправился въ С. Петербургъ, для испрошенія, что бы всѣхъ ушедшихъ на Донъ и Яикъ Калмыковъ съ 1731 года, повелѣно было возвратить на прежнія мѣста. Удовлетвореніе по сему прошенію, предоставлено было обыкновенному судебному порядку, и между тѣмъ, какъ забираемы были чрезъ мѣстныя начальства надлежащія *справки*, разбои и набѣги приводили въ ужасъ мирныхъ жителей, рѣзня продолжалась, неудовольствіе росло. Процессъ длился 12 лѣтъ, въ теченіе коихъ Калмыцкіе Князья, не смотря на строгое запрещеніе своего Правительства и храброе сопротивленіе Донскаго войска, успѣли многихъ изъ своихъ бѣглецовъ, однихъ силою, другихъ ласковымъ убѣжденіемъ, возвратить въ свои Улусы. Наконецъ, въ 1755 году, на про-

шеніе Хана *Дундукъ-Даше* послѣдовало рѣшеніе, коимъ повелѣно: „Согласно указа 1736 года, всѣхъ зашедшихъ на Донъ Калмыковъ, какъ находящихся въ дѣйствительной военной службѣ, и отправляющихъ оную наровнѣ съ Донскими Казаками, оставить при Войскѣ. Ушедшихъ же съ Дону въ Калмыцкіе Улусы, возвратить на Донъ обратно; если же Калмыцкіе Тайши сихъ ушедшихъ или сведенныхъ, добровольно не выдадутъ, и въ послѣдствіи найдутся въ ихъ Улусахъ такіе Калмыки, которые откочевали на Донъ до 1736 года, то войску Донскому позволено будетъ учинить *баранту*, то есть, взять силою столько Калмыковъ, сколько отъ Казаковъ бѣжало къ владѣльцамъ. Тѣхъ же, кои пришли на Донъ послѣ 1736 года, Казаки должны безъ утайки возвратить ихъ владѣльцамъ. А дабы побѣги на будущее время совершенно прекратить, то Калмыкамъ, ѣдущимъ изъ улусовъ на Донъ, получать пашпорты за подписаніемъ Хана или его намѣстника; а живущимъ на Дону и желающимъ по дѣламъ своимъ ѣхать въ Ханскіе Улусы, брать пашпорты за подписаніемъ Войсковаго Атамана. Если же и за симъ кто либо изъ Калмыковъ явится безъ таковыхъ пашпортовъ на Дону, или въ Улусахъ Ханскихъ, у таковыхъ, по отобраніи лошадей и всего имущества, какое съ ними будетъ находиться, отсылать за карауломъ на прежнія мѣста.“

Во исполненіе сего указа, въ 1754 году присланному отъ Хана *Дундукъ-Даше*, повѣренному

сдано Торгоутовъ и Дербетовъ 366 кибитокъ, въ коихъ считалось мужескаго и женскаго пола 1515 душъ. Сею рѣшительною мѣрою переходы Калмыковъ совершенно остановлены, дѣла о бѣжавшихъ Калмыкахъ кончились, и въ войсковыхъ дѣлахъ упоминается только о тѣхъ, кои по прошеніямъ Войсковыхъ Атамановъ высшимъ Правительствомъ были причисляемы къ Войску; но таковыхъ вновь поселяемыхъ на Дону было весьма не много.

Въ 1758 году, по покореніи Чжуньгарскихъ *Элютовъ* Китайцами, и по окончательномъ уничтоженіи союза *Ойратовъ*, *Шерынь* Тайцзи съ 10,000 кибитокъ, оставя свое отечество, прибылъ къ берегамъ Волги, гдѣ и поселился между своими родичами.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ КИТАЙ И НА ДОНЪ.

Къ числу знаменитѣйшихъ происшествій Калмыцкаго народа принадлежитъ уходъ ихъ съ Ханомъ *Убашею* въ 1771 году, въ числѣ 70,000 кибитокъ къ предѣламъ Китайской Имперіи на прежнее мѣсто жительства въ Илисскій Округъ; потомъ откочеваніе большаго Дербетова Улуса изъ степей Астраханской губерніи на земли войска Донскаго, случившееся въ 1788 году. Недостатокъ пастбищныхъ мѣстъ, частые споры и драки, а можетъ быть и умышленныя обиды и притѣсненія, претерпѣваемыя ими отъ Донскихъ

Казаковъ, принудили ихъ въ 1794 году отойти опять за Волгу, гдѣ по Высочайшему повелѣнію отведены имъ были подъ кочевье земли. И здѣсь недовольные притязательными распоряженіями мѣстнаго начальства, они опять пришли на землю войска Донскаго; и, согласно желанію ихъ, по Именному повелѣнію, состоявшемуся 1798 года Августа 30 дня, были причислены съ владѣльцемъ ихъ *Экремомъ-Хоньчукосымъ* къ войску Донскому, для отправленія службы наровнѣ съ Казаками.

Въ 1799 году, по Высочайшему повелѣнію, данному на имя Войсковаго Атамана, Генерала отъ Кавалеріи Орлова 1-го, въ Дербетовой ордѣ учреждено было правленіе, состоявшее изъ одного Генералъ-Маіора, одного Штабъ-Офицера и самаго владѣльца Дербетовой Орды. Правленію сему предписано: 1) Сдѣлать поголовную перепись всѣмъ Калмыкамъ, съ назначеніемъ каждому лѣтъ. 2) Раздѣлить на части и опредѣлить къ онымъ начальниковъ изъ Калмыковъ. 3) Наблюдать между ими порядокъ и благоустройство, рѣшать ихъ ссоры и проч. 4) Правленію сему быть подъ распоряженіемъ Войсковой канцеляріи. 5) Два опредѣленные чиновника должны имѣть смотрѣніе за поведеніемъ владѣльца и Калмыковъ.

ПЕРЕХОДЪ БОЛЬШОЙ ДЕРБЕТОВОЙ ОРДЫ СЪ ДОНА ЗА ВОЛГУ.

1800 годъ.

При первомъ приступѣ къ выполненію сей Высочайшей воли, встрѣтились препятствія странныя, неожиданныя. При всей доброй волѣ, исполненіе первой статьи утомило и чиновниковъ и Калмыковъ; ибо большая часть послѣднихъ не знали сколько кому отъ роду лѣтъ; Казаки же, не зная по Монгольски переиначили Калмычьи имена и прозвища *по своему* такъ, что перепись пришлось бросить въ огонь. По Калмычьему понятію лучше ограбить и убить, нежели принуждать человѣка стоять на вѣчной стражѣ для соблюденія благоустроенія и порядка, пастухамъ едва ли нужнаго. Народу безпечному, и лѣнивому, праздность и скитаніе предпочитающему всякому другому земному благу, вводимый порядокъ крайне не понравился. Новость сія показалась Калмыкамъ не токмо оскорбленіемъ, но даже тяжкимъ притѣсненіемъ. А какъ къ тому, Донскіе чиновники, вмѣсто возможнаго снисхожденія, изъ усердія къ службѣ хотѣли въ точности исполнить данное имъ порученіе, то по симъ причинамъ, главный изъ духовныхъ особъ, *Сабанъ Бакша*, ушелъ съ своимъ *Хуруломъ* и со всѣми *Шабинерами* (подвластные монастырю Калмыки) въ Астраханскую степь. Сему примѣру послѣдовали и нѣкоторые владѣтели, которымъ вводимый порядокъ надоѣлъ скорѣе другихъ. Побѣги продолжались безпре-

рывно, такъ что Калмычье Правительство, учрежденное отъ Войска Донскаго, не могло остановить ихъ, и увидѣло наконецъ, что вскорѣ не для кого будетъ хлопотать о порядкѣ. О сихъ обстоятельствахъ было доведено до свѣденія Государя Императора, отъ Коего въ 1800 году Іюня 13го дня, поручено Астраханскому Губернатору Генералъ-Лейтенанту Кноррингу 2^{му}, слѣдующее: „Если Калмыки не согласятся возвратиться на прежнее свое кочевье, то оставить ихъ въ маломъ Дербетѣ, ибо для Государства никакой разницы не дѣлаетъ, кочуютъ ли они на маломъ, или на большомъ Дербетѣ, лишь бы не выходили изъ Нашихъ границъ.“ -

По обнародованіи сей Высочайшей воли, весь большой Дербетовый улусъ откочевалъ въ степь Астраханскую. Такимъ образомъ, Донское войско лишилось 9,457 добрыхъ конниковъ, храбростію отличныхъ, къ службѣ всегда готовыхъ и ревностныхъ, и какъ необходимыхъ для хозяевъ пастуховъ и коноваловъ войску весьма полезныхъ. О нихъ-то знаменитый Атаманъ Фролъ Миняевъ, въ отпискѣ къ Царю сказалъ: „*Куда же мы вмѣстѣ съ ними* (Калмыками) *пойдемъ, они будутъ наши крылья и бодрость, а непріятелемъ страхъ и досада.*“

О КАЛМЫКАХЪ ВООБЩЕ.

Политическое образованіе Государства изъ четырехъ Монгольскихъ поколѣній, соединившихся

союзомъ, подъ названіемъ *четырехъ Ойратовъ* извѣстныхъ, было весьма не прочно. Хотя верховная власть по наружности и сосредоточивалась въ одномъ лицѣ *Чоросскаго* Хана, но сей повелитель, въ дѣлахъ относившихся до всего народа союзомъ соединеннаго, не могъ ничего важнаго предпринять безъ согласія прочихъ трехъ Хановъ и высшаго Духовенства. Всѣ четыре Хана управляли своимъ отдѣльнымъ поколѣніемъ независимо, и каждый удѣльный Князь управлялъ своимъ участкомъ, также независимо. Эта Феодальная управа, нетерпѣвшая единодержавія, раздѣленіемъ ослабляла силы Государственнаго тѣла такъ, что при малѣйшей ссорѣ, неудачной войнѣ, могущественнѣйшіе народы исчезали одни за другими; одно только славное ихъ имя сохранено Исторіею. Такъ погибли Скиѳы, Гунны, Авары, и по той же самой причинѣ сильные *Ойраты* исчезли съ лица земли, и уже забыты — потому что мало зла людямъ учинили.

Волжскіе наши Калмыки, какъ и всѣ кочевые народы, не знающіе ни земледѣлія, ни ремеслъ, и живущіе одним скотоводствомъ, не имѣли никакой законной управы; судопроизводство совершалось у нихъ словесно. Принятые обычаи служили закономъ при рѣшеніи дѣлъ, и сіи обычаи напослѣдокъ изложены въ *Степномъ Уложеніи*, изданномъ въ 1640 году. Въ семъ Уложеніи, какъ въ зеркалѣ, отражается кочевая нравственность; въ немъ ясно изображаются обычаи, образъ мыслей,

способы жизни и степень просвѣщенія Монгольскаго народа.

Смертная казнь опредѣлена въ двухъ только случаяхъ: 1) Кто оставитъ своего владѣтеля во время битвы, того убить и ограбить. 2) Кто усмотритъ приближеніе сильнаго непріятеля, и о томъ не увѣдомитъ другихъ, того со всѣмъ семействомъ также раззорить и умертвить.

Телесныя наказанія, лишеніе чести, невольничество и ссылка вовсе исключены; вмѣсто сего введено взысканіе скотомъ въ пользу обиженной стороны. Наказаніе по военной части и за воровство тяжелѣе прочихъ.

Отцеубійство наказывается лишеніемъ жены, дѣтей и всего имущества. А если отецъ убьетъ сына, то лишается только всего имѣнія.

О вѣроисповѣданіи, училищахъ и наградахъ за добродѣтели ни слова не сказано; а за обиды, нанесенныя духовнымъ лицамъ, положено двойное наказаніе противу прочихъ. Замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ законовъ *Степнаго Уложенія*, есть постановленіе, чтобы въ каждый годъ сорокъ юртъ сдѣлали себѣ двои латъ, такъ, что бы по истеченіи 20 лѣтъ, каждая юрта имѣла полную броню. Впрочемъ, не смотря на простоту степныхъ законовъ, мѣра преступленій опредѣляется въ нихъ обстоятельствами, умышленностію и неумышленностію.

Не смотря на то, что Монголы около осьми

столѣтій имѣютъ собственное письмо, и Духовенство ихъ занималось Астрономіею, Медициною и Живописью, весьма впрочемъ несовершеннымъ образомъ, весь народъ вообще не имѣетъ еще никакого понятія о наукахъ, Художествахъ и ремеслахъ. Великій ихъ законодатель *Баторъ-Хонъ-Тайцзи*, творецъ Степнаго Уложенія, имѣлъ столь малое образованіе, что всѣ его великія дѣла ограничились построеніемъ для себя небольшой крѣпостцы, и въ небольшихъ опытахъ земледѣлія. Сынъ его, *Галданъ-Бошокту* образовавшійся въ Хлассѣ, хотя имѣлъ высшія соображенія; но, не находя возможности превратить своихъ подданныхъ въ земледѣльческій народъ, завоевалъ восточный Туркестанъ, только для того что бы получать оттуда хлѣбъ и ткани, — два предмета, по которымъ народъ его находился въ зависимости отъ Китая. Сей Государь ввелъ въ употребленіе собственную мѣдную монету.

Калмыцкіе Ханы, вели такую же пастушескую жизнь и жили въ такой же кибиткѣ, какъ и самый бѣдный изъ ихъ подданныхъ, они кушали изъ такихъ же деревянныхъ корытъ; и славный ихъ *Баторъ-Хонъ-Тайцзи*, въ 1655 году, при сношеніяхъ съ Воеводами Сибирскими, просилъ подарить ему, какъ вещи чрезвычайно дорогой и дивной: непроницаемаго пулями панцыря, винтовки, десять свиней, двѣ Индѣйки и десять постельныхъ собачекъ. Сіе невѣжество, сія простота, безпечность и праздность, содѣлывали Ойратовъ,

также какъ и нашихъ Приволжскихъ Калмыковъ, до совершеннаго ихъ подданства Китаю и Россіи, склонными къ хищничеству, попрошайству; корыстолюбивыми, легкомысленными, лукавыми, вѣроломными.

Волжскіе Калмыки раздѣлялись для внутренняго управленія на *Аймаки*, Аймаки на *Цзайсаны*; *Шабинерами* назывались подвластные монастырю Калмыки. По состоянію же, раздѣлялись они на военныхъ и духовныхъ. Первое изъ нихъ раздѣлялось на дворянъ и податныхъ, которые платили небольшой оброкъ своимъ владѣльцамъ. Ханъ довольствовался доходомъ отъ своего удѣла; Государство не имѣло общественной казны, и потому у всѣхъ Монгольскихъ поколѣній не было ни одного общественнаго заведенія.

О КАЛМЫКАХЪ, ПРИПИСАННЫХЪ КЪ ДОНСКОМУ ВОЙСКУ.

Калмыки, приписанные къ Донскому войску, кочуютъ на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ по рѣкамъ Салу, Куберсѣ, Гашунамъ, Манычу до устья большаго Егорлыка, по Кагальнику, Ельбузѣ и рѣчкѣ Эй. Донскіе Калмыки дѣлятся на *Улусы*, Улусы на *Сотни*, Сотни на *Хутуны*. Улусовъ считается три: *Верхній*, *Средній* и *Нижній*; Верхній Улусъ состоитъ изъ *четырехъ Сотень*, Средній *изъ двухъ*, а Нижній *изъ четырехъ Сотенъ*. Кромѣ сихъ есть

еще особыя три Сотни, подъ названіемъ: *Верхняя Тараникова*, *Нижняя Тараникова* и *Бѣляева*. Къ каждой сотнѣ приписано отъ 10 до 15 *Хутуновъ*, а въ каждомъ Хутунѣ считается отъ 10 до 25 *кибитокъ* или семействъ.

Улусы удерживаютъ одно только древнее названіе: въ нихъ нѣтъ никакой власти, которая управляла бы принадлежащими къ нему Сотнями. Напротивъ, каждая Сотня отдѣльно управляется своимъ *Сотникомъ*, избираемымъ по общему согласію всѣхъ Калмыковъ, къ той Сотнѣ приписанныхъ; въ помощь ему придается *Пятидесятникъ*, также какъ и Сотникъ избираемый. Сотникъ наблюдаетъ очередь при командированіи Калмыковъ на службу, прекращаетъ споры и драки, между ими случающіеся. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ, въ каждой сотнѣ избираютъ изъ среды себя *Судей*, честнаго поведенія, которые и рѣшаютъ дѣла судомъ словеснымъ, руководствуясь старыми обычаями и Степнымъ Уложеніемъ.

Всѣ сотни состоятъ подъ главнымъ управленіемъ чиновника, назначаемаго Войсковымъ Атаманомъ, который называется *Приставомъ* надъ Калмыками.

Калмыки слѣдуютъ *Буддисскому* исповѣданію, у нихъ *Далай-Лама* то же, что у Католиковъ Папа. Донскіе Калмыки имѣютъ своего *Ламу*, другіе ихъ священнослужители называются: *Бакшы*, *Гилюнь* и *Гицули*. Духовенство Калмыцкое знаетъ свою грамоту, и по навыку, или по наслышкѣ охотно

занимается леченіемъ больныхъ, которыхъ, впрочемъ весьма небольшое число достается въ ихъ руки. Оно постоянное имѣетъ сношеніе съ Тибетомъ, и получаетъ изъ города Лассы, Священныя книги, четки, лекарства, ноты, рѣзныя кумиры и утварь для своихъ *Хуруловъ*, такъ называются войлочныя палатки, въ коихъ отправляютъ они свое богослуженіе. Безобразные идолы и оглушающая церковная музыка Калмыковъ, для зрѣнія и слуха ужасны. Музыкальные ихъ инструменты состоятъ изъ барабановъ, или лучше, лукошекъ, изъ нѣчто похожаго на литавры, тарелки, колокола; трубы же, или рога столь огромны, что нѣсколько человѣкъ держатъ ихъ на плечахъ при играніи. Надобно имѣть Калмыцкій вкусъ и Калмыцкія уши, чтобы выдержать такую гармонику.

Подвижные домы Калмыковъ, называемые *кибитками*, при небольшемъ улучшеніи, могутъ быть удобнѣе всякой лагерной палатки. Устроеніе ихъ состоитъ изъ тонкихъ деревянныхъ рѣшетокъ и жердей, покрываемыхъ войлоками, и обстанавливаемыхъ *чаканами*, или цѣновками, изъ камыша и травы дѣлаемыми. Наружный видъ кибитки представляетъ невысокій цилиндръ, сверху покрытый конусомъ. Кибитка имѣетъ только одну дверь, для входа и для свѣта; а на вершинѣ конуса отверстіе для выхода дыма. Устроеніе ихъ такъ немногосложно, что Калмыкъ менѣе нежели въ полчаса, можетъ домъ свой снять, уложить на

двуколесную свою *арбу* (телегу) или на вьюкъ, и опять поставить.

Калмыки, причисленныя къ Донскому войску, питаясь однимъ мясомъ и молокомъ, пребывая всегда на открытомъ воздухѣ, и проводя время въ совершенной почти праздности, наслаждаются завиднымъ здоровьемъ. За всѣмъ тѣмъ, хотя между ими и есть по силѣ чудные богатыри, но не многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости; ибо, подобно Гуннамъ, ѣдятъ всякую мертвечину, пьютъ много *кумыса* и отъемной Русской сивушки, а въ работахъ, укрѣпляющихъ силы здороваго человѣка, совсѣмъ не упражняются. Кромѣ войлоковъ и самаго грубаго издѣлія, для кочеваго обихода потребнаго, не знаютъ они никакого рукодѣлья: Промышленность ихъ ограничивается мѣною скота, продажею лошадей, чего слишкомъ достаточно для содержанія ихъ семействъ, даже съ нѣкоторою *для* ихъ быта роскошію. По описанію, Калмыки очень походятъ на Гунновъ и отчасти на Китайцовъ: глаза имѣютъ малые, волосы какъ смоль черные, ротъ большой, носъ маленькій, сплюснутый, скулы выдавшіеся, цвѣтъ лица желто-оливковый; росту малаго, широкоплечи, нескладны. По наружности они задумчивы, и когда находятся въ спокойномъ расположеніи духа, кажутся неповоротливыми; но отъ природы умомъ не обижены, въ дѣлахъ смѣтливы, въ сраженіяхъ храбры и предпріимчивы, и въ присмотрѣ за скотомъ такъ искусны, что всѣ Донскіе заводчики

безъ Калмыцкихъ табунщиковъ и пастуховъ обойтиться не могутъ; и не смотря на то, что за этихъ пастуховъ вносится въ войсковую казну по 140 рублей ежегодно, кромѣ особенной условной имъ платы, они предпочитаются всѣмъ другимъ. По образу жизни, походной, скитающейся, въ которой не примѣтно и первыхъ началъ гражданскаго образованія, полу-дикой сей народъ имѣетъ свои добродѣтели. Честность и прямодушіе суть тѣ почтенныя качества, за которые Казаки уважаютъ ихъ и весьма дорожатъ ихъ сотовариществомъ. Нравы Калмыковъ нынѣ совершенно измѣнились: По кочевому умоначертанію, они могутъ теперь называться самымъ лѣнивымъ самымъ счастливымъ народомъ на земномъ шарѣ, и притомъ самымъ мирнымъ, послушнымъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ инородныхъ (кромѣ Казанскихъ Татаръ) подданныхъ Имперіи Россійской. Калмычки, въ противуположность мужчинамъ, очень трудолюбивы; но при отвратительномъ безобразіи, ужасно неопрятны. Онѣ служатъ мужьямъ своимъ какъ невольницы, къ чему женскій полъ обрѣченъ у всѣхъ непросвѣщенныхъ народовъ. Дѣти ихъ до 14 лѣтняго возраста, подобно Цыганамъ, но только лѣтомъ, бѣгаютъ по степи и вокругъ своихъ кибитокъ нагія.

III. СТАРИННЫЕ ОБЫЧАИ.

РЫЦАРСКАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ [a].

Въ первомъ періодѣ историческаго существованія *казачества вольнаго*, *безстрашнаго*, до возшествія на престолъ Царя Алексѣя Михайловича, Донцы вели жизнь рыцарскую, полудикую, почти кочевую; земледѣлія они не знали, хозяйствомъ не занимались, питались рыбою и дичиною; все наслажденіе полагали въ войнѣ, набѣгахъ и грабежѣ; и дѣйствуя подобно партизанамъ, всю жизнь проводили подъ открытымъ небомъ на бивакахъ.

По правому берегу Дона, отъ устья рѣки Аксая до границъ нынѣшней Воронежской Губерніи, въ глуши лѣсовъ, между болотъ были разсѣяны небольшія Казачьи городки. Они состояли изъ шалашей и землянокъ наскоро построенныхъ; ихъ обносили плетнемъ, обвѣшаннымъ терномъ съ присыпнымъ

(a) Все относящееся до Донскаго быта заимствую изъ свѣдѣній доставленныхъ мнѣ Г. Кирсановымъ, изъ сочиненія Г. Сухорукова, напечатаннаго въ Русской старинѣ; изъ старинной книги: Описаніе Дона и канала, предполагаемаго для соединенія Волги съ Дономъ, съ картою, иждивеніемъ Его Царскаго Величества напечатанной въ Амстердамѣ въ 1703 году. Соч. Вице-Адмирала Крюйса; и отчасти изъ преданій еще свѣжихъ, близкихъ къ намъ происшествій, разсказанныхъ мнѣ стариками.

валомъ. Такія укрѣпленія были достаточны для отраженія нападеній небольшихъ конныхъ отрядовъ. Казаки не заботились о красотѣ и удобности землянокъ своихъ, дабы, какъ говаривали ихъ прадѣды, *не игралъ на нихъ глазъ вражескій;* и при нашествіи сильнаго врага оставляли ихъ безъ сожалѣнія. „Пускай, говорили они, бусурманы жгутъ городки наши, мы въ недѣлю выстроимъ новые; и скорѣе они устанутъ жечь, чѣмъ мы возобновлять ихъ."

Съ весны, нѣкоторая часть Казаковъ, изъ всѣхъ городковъ собиралась въ Раздорахъ, а потомъ въ Черкаскѣ. Во все лѣто до глубокой осени располагались они близъ города станомъ и составляли такъ называемое *главное войско.* Отсюда, по общему совѣту, отправлялись во всѣ стороны небольшіе отряды для поисковъ. Въ семъ воинскомъ станѣ наблюдалась самая строгая воинская осторожность; двойная цѣпь пикетовъ, и дальныхъ конныхъ разъѣздовъ охраняли войско, которое всегда было готово, какъ для нападенія, такъ и для отраженія. Мѣстное положеніе Черкаска, затопляемаго вѣшнею водою и въ послѣдствіи обнесеннаго землянымъ валомъ вооруженнымъ пушками, представляло непреодолимый оплотъ отъ покушеній непріятельской конницы, не имѣвшей артиллеріи.

Въ семъ *главномъ войскѣ* кипѣла вѣчная дѣятельность: при первой вѣсти о вторженіи непріятеля въ предѣлы Донской земли, или въ Украйну

Войсковой или Походный Атаманъ, съ нѣсколькими сотнями отважныхъ наѣздниковъ немедленно устремлялся въ тылъ врагу, сторожилъ его на перевозахъ, при бродахъ, или скрываясь въ скрытыхъ крѣпкихъ мѣстахъ, на возвратномъ его пути, внезапнымъ натискомъ, отбивалъ у него добычу и плѣнниковъ. Вмѣстѣ съ выступленіемъ главнаго войска, нѣсколько отрядовъ отъ 50 до 200 человѣкъ вихремъ неслись въ Тавриду, къ Ногаямъ, или подъ Азовъ. Украдкою, цѣликомъ чрезъ степь, направляясь по звѣздамъ и по солнцу, всегда почти ночью, или во время бури и суроваго ненастья, нападали они въ расплохъ на своихъ противниковъ. Пользуясь ихъ смятеніемъ, Казаки быстро протекали Улусы музульманскіе, громили, жгли, грабили все, что попадалось имъ подъ руку, и прежде нежели устрашенный врагъ могъ опомниться и собраться для отраженія, удалые молодцы отмстивъ имъ сторицею, возвращались въ войско съ табунами коней и прелѣстными плѣнницами.

Въ проворствѣ, ловкости и во всѣхъ воинскихъ хитростяхъ, употребляемыхъ при наѣздахъ, Казаки далеко превосходили, столь же дерзкихъ, храбрыхъ и неутомимыхъ своихъ соперниковъ. Вообще въ этихъ поискахъ, какъ говорится, *Казакъ шелъ въ травѣ съ травою ровенъ:* высокій ковыль, кустарникъ, оврагъ, заборъ, все способствовало всаднику невидимкѣ. Воины и кони умѣли всѣмъ пользоваться. Переправу чрезъ широкія рѣки не-

реняли они отъ Азіатцевъ: для сего клали сѣдло и вьюкъ на нѣсколько пуковъ камыша плотно связаннаго (что называлось *салою*), привязывали его веревкою къ шеѣ или къ хвосту лошади, самъ же Казакъ держась за узду, пускался съ конемъ вплавь. *Вожаки*, слѣдовавшіе впереди, умѣли отличать на травѣ слѣдъ непріятельской конницы, такъ что по *Саклѣ*[а] узнавали, во сколько лошадей прошелъ непріятель, куда пошелъ, и когда именно прошелъ, сегодня, вчера, или третьягодня.

Во время общей тревоги, Казаки собирались изъ 5[ти] и 6[ти] городковъ въ одинъ, укрѣплялись и отсиживались въ немъ. Гдѣ бы непріятель ни появился, вездѣ находилъ сопротивленіе; посыльные скакали во всѣ стороны и давали знать объ опасности. Станичные Есаулы, схвативъ знамя, во весь духъ неслись по улицамъ, сзывая Атамановъ молодцовъ на бой. Вѣстовая пушка или колоколъ подавали знакъ къ тревогѣ. Старики и жены немедленно перегоняли стада и табуны на острова, или скрывали ихъ позади болотъ въ камышахъ; лодки приковывали къ берегу цѣпями или затопляли; все прочее имущество закапывали въ ямы, или погреба, по *займищамъ*[б] устроиваемые.

(а) Татарское слово, какъ многія другія, сдѣлавшееся у Казаковъ техническимъ.

(б) Займищемъ у Казаковъ называется прилегающій къ рѣкѣ лугъ, который вешнею водою покрывается.

Такимъ образомъ, Казаки, ведя жизнь удалую, (чтобы не сказать болѣе), почитали непріятелемъ всякаго, у кого можно было отнять *зипунъ*, отъ чего и сами назывались *зипунниками*. Азовцы, самые неугомонные враги, были имъ всѣхъ несноснѣе. Раздѣленные 50 верстами пустаго пространства, они сталкивались съ ними на каждомъ шагу. По нѣскольку разъ въ годъ заключали между собою миръ и столько же разъ оный разрывали. Впрочемъ мирно не могли они долго жить и потому, что въ войнѣ заключался источникъ ихъ довольства и богатства. Иногда по настояніямъ Русскихъ Государей, (и то рѣдко) они сносили мѣсяцъ или болѣе наглости Азовцевъ; но считали это важнымъ пожертвованіемъ и всегда старались поставить на видъ Государю: „*что для него терпятъ миръ съ Азовцами, что онъ взялъ за себя всю волю ихъ на водѣ и на сушѣ; а у нихъ-то и лутшій зипунъ билъ, чтобы повся дни подъ Азовъ и на море ходитъ; и что содержа долговременный миръ, они останутся босы и голодны.*“ Съ обоихъ сторонъ не дорожили дружбою, не уважали договоровъ и не рѣдко случалось, что перемиріе прерывалось въ тотъ самой день, когда было заключено; ибо войну предпочитали миру и потому еще, что во время мира должны были соблюдать точно тѣ же осторожности, какъ и во время войны. Только опасаясь опалы или какой другой грозы отъ Царей, Казаки принужденно заключали миръ. Они почитали безчестіемъ просить мира, говоря: „мы даемъ миръ, а просить его намъ *непригоже*.“

Всякій мирный договоръ былъ сопровождаемъ извѣстными обрядами и утверждался присягою *лучшихъ Атамановъ*, а со стороны Азовцевъ шертованіемъ Князя (*Бея*) и старѣйшинъ города. Тогда войско размѣнивало заложниковъ, угощало мировщиковъ и довѣренныхъ и одаривъ ихъ запасомъ, виномъ и медомъ, отпускало обратно. Изъ Азова же, по повелѣніямъ Султана, при заключеніи общаго мира съ Россіею, отпускали войску извѣстное число котловъ, соли, сѣтей и тысячу злотыхъ. Въ мирное время обѣ стороны соблюдали только наружные признаки дружбы, торговали, ѣзжали въ гости; но Казаки старались пользоваться малѣйшимъ поводомъ къ ссорѣ и часто драка пьянаго Казака съ Азовцемъ, возрождала войну. Какъ одною только войною они могли кормиться, то по сему оскорбленіе товарища принимали безчестіемъ цѣлому народу. Напримѣръ, Азовцы, поймавъ на промыслѣ Казака, остригали ему усы и бороду, и война начиналась немедленно. Войсковой Атаманъ возвращалъ размирную, снова по приказанію Царя ссылался; снова мирились, плѣнныхъ на обѣ стороны возвращали, и нѣсколько дней спустя, снова тѣмъ же начинали. Размирными чествовали одних только Азовцевъ, съ прочими бусурманами не было мира; ихъ били по всякъ день. Размирные обыкновенно оканчивались слѣдующимъ выраженіемъ: „*Нынѣ все великое Донское Войско приговорили съ вами миръ нарушить; вы бойтесь насъ, а мы васъ станемъ остерегаться. А се письмо и печать Войсковая.*“

Не смотря на безпрерывную почти войну и неукротимую ненависть, Донцы умѣли пріобрѣтать доброжелателей въ самомъ Азовѣ, которые за ласковое угощеніе, подкрѣпляемое деньгами и подарками, сообщали имъ всѣ вѣсти о предпріятіяхъ и замыслахъ Турковъ и Татаръ. Людей сихъ не безчестили укорительнымъ наименованіемъ шпіоновъ, или переметчиковъ; а называли добрыми пріятелями, *прикормленными* людьми. Напротивъ Азовскимъ Туркамъ рѣдко удавалось узнать, что дѣлается и думается въ Черкаскѣ; если же и удавалось что-либо развѣдывать, то неиначе, какъ чрезъ тѣхъ же прикормленныхъ людей, и немногихъ перебѣжчиковъ и *Охрѣянъ* (отступниковъ). Для вящшей осторожности, Казаки тщательно старались скрывать настоящее положеніе и топографію своей страны. По сей-то причинѣ Турецкихъ и Крымскихъ Пословъ, провозя Дономъ въ Москву и обратно въ Азовъ, не выпускали изъ *Чердаковъ*, такъ назывались каюты, какія они строили на стругахъ своихъ для знаменитыхъ особъ. Вообще, Казаки старинныхъ временъ, жили насторожа уши, жили съ умомъ; и не даромъ похвалялись они, говоря: *зипуны-то на насъ сѣрые, да умы бархатные.*

Заключимъ статью сію достойнымъ примѣчанія для рыцарскихъ временъ обычаемъ. Для стадъ своихъ и табуновъ, Донцы готовили на зиму сѣно, которое всегда оставалось въ лугахъ; ибо въ городкѣ было тѣсно и опасно отъ огня. Дабы оно

уцѣлѣло при набѣгахъ непріятельскихъ, Казаки со всѣми сосѣдами установили правило, чтобы сѣна ни въ какомъ случаѣ не жечь: разоряй и сожигай городки; бей людей, дѣлай всѣ возможныя варварства, но сѣна не трогай.

СБОРЪ ВОЛЬНИЦЫ ВЪ ПОХОДЪ.

Необходимость жить и кормиться одною добычею, не позволяла Казакамъ различать, позволительно или нѣтъ ходить для грабежа, въ предѣлы собственнаго своего отечества; иногда и чувство самохраненія принуждало ихъ къ сему. Нужда, какъ говорится, законъ перемѣняетъ, и не должно удивляться, что даже въ строгое правленіе Петра Великаго, который все между ими устроилъ и направилъ къ лучшему, Казаки осмѣливались еще разбойничать на Волгѣ, и въ смежныхъ съ ними Россійскихъ областяхъ [a].

Казакъ, задумавъ погулять, или, какъ они говорили, *поохотиться*, ни у кого не спрашивалъ на то позволенія, и никто изъ начальствующихъ не запрещалъ ему того: обыкновенно выходилъ онъ въ своей станицѣ на сборное мѣсто къ Станичной избѣ, и кидая вверхъ шапку, громко восклицалъ: "Атаманы молодцы послушайте!... *на Синё морѣ, на Черное поохотиться; на Куму иль на Кубань рѣку за ясырьми* (плѣнными); *на Волгу*

---

[a] См. Ч. I. стр. 214 и 256

матушку рыбки половить; иль подъ Астрахань, на Низовье за добычью; иль въ Сибиръ пушистыхъ звѣрей пострѣлять [a].“ Желающіе въ знакъ согласія, также бросали шапки вверхъ, и клали въ шапку *глашатая* деньги. По собраніи потребнаго числа охотниковъ, глашатай, называемый также *вожакомъ*, шелъ съ ними въ кабакъ, а въ послѣдствіе времени, когда на Донской землѣ построены были Церкви, въ *Голубецъ*, (такъ назывались бесѣдки, строимыя на кладбищахъ), гдѣ до сыта напившись, выбирали между собою Походнаго Атамана, опредѣляли куда итти и назначали день отправленія въ походъ. Люди богатые и чиновные, Станичные Атаманы, Есаулы и простые Казаки, на свой счетъ строили лодки, снабжали бѣдныхъ конями, оружіемъ, запасомъ и одеждою, съ условіемъ получить по возвращеніи ихъ половину изъ слѣдующей имъ добычи. Во время похода наблюдалась самая строгая подчиненность: Походный Атаманъ имѣлъ власть лишить живота всякаго изъ избравшихъ его; но по возвращеніи домой, послушаніе кончалось, Казаки безъ различія чиновъ расходились опять равными. Уважались только старшины, составлявшіе совѣтъ и Управу Донскаго Войска. Сіи почитались между ими людьми знатными, выборными, которые послѣ временъ

(a) Нравы на Дону нынѣ много измѣнились; охотниковъ уже нѣтъ, но память обряда, употреблявшагося при сборѣ вольницы въ походъ, хранится въ слѣдующемъ обычаѣ. По субботамъ мальчикъ верхомъ, имѣя веникъ подъ мышкою, торжественнымъ шагомъ проѣзжая Станичною улицею, пронзительнымъ гласомъ вопіетъ: *Атаманы-молодцы, въ баню! въ баню!*....

Петра Великаго, составили первое звѣно Донскихъ Аристократовъ; и кто удостоивался званія Войсковаго старшины, тотъ уже переселялся въ Черкаскъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

ОХОТНИКИ.

Охотниками, иначе *отвагами,* на Дону назывались удалые наѣздники. Охотиться, разумѣлось у Казаковъ двоякимъ образомъ: „*за непріятелями и за звѣрьми.*" Къ числу знаменитыхъ охотниковъ перваго рода принадлежатъ: *Ермакъ Тимофѣевичъ,* въ семъ званіи ратовавшій на Волгѣ; который покореніемъ Сибири изгладилъ первое свое титло, и содѣлался уже героемъ, нашимъ Кортесомъ, нашимъ Пизарромъ, болѣе сихъ именитыхъ Испанцевъ и достойнѣйшимъ образомъ стяжавшимъ славу и вѣчную память въ нашей Исторіи и Церкви. Въ семъ же смыслѣ, *Стенька Разинъ, Прокофьевъ, Пугачевъ* и многіе другіе менѣе извѣстные, именовались также охотниками: собственно ворами и разбойниками назывались только тѣ, которые дерзнули бы охотиться противу собратій своихъ, или осмѣлились бы промышлять въ Россійскихъ областяхъ, когда Войсковое Правительство то имъ строго воспретило, и имѣло возможность воздержать ихъ отъ того. Казаки охотились болѣе малыми отрядами, отъ 5 до 50 человѣкъ, пѣшіе и конные, часто попарно и въ одиночку; и въ столь маломъ числѣ отбивали у

бусурманъ, съ коими вели вѣчную, непримиримую войну, табуны, скотъ и брали *ясырей*, женъ и дѣтей, и все что попадалось подъ руку. Даже до временъ Войсковаго Атамана Степана Даниловича Ефремова (1755 года), *добывались* Казаки безъ помѣхи; но съ сего времени охота у нихъ поуменьшилась; а нынѣ и вовсе прекратилась.

Въ числѣ послѣднихъ знаменитыхъ охотниковъ, почитался *Иванъ Матвѣевичъ Краснощоковъ*, наведшій страхъ и ужасъ по Кубани. Черкесы прозвали его *Аксакъ* (a). Чтобы показать, какого рода удальствомъ отличались сіи *рыцари-добыватели*, я разскажу здѣсь случившееся съ Краснощоковымъ произшествіе. Въ лѣсахъ Кубанскихъ встрѣтился онъ съ Горскимъ *Джигитомъ* (наѣздникомъ), по прозванію *Овчаромъ*, также вышедшимъ поохотиться. Богатыри знали другъ друга по молвѣ общей; желали встрѣтиться и, встрѣтились. Краснощоковъ узналъ друга по осанкѣ молодецкой, началъ стеречься, чтобы не спустить съ руки *яснаго сокола*. Близъ берега рѣки, надъ обрывомъ, у опушки лѣса, облокотясь и положа буйную голову на лѣвую руку, распростершись ницъ, лежалъ *Овчаръ* передъ огонькомъ. Казалось онъ не слышалъ свиста бури, и грѣясь, не чувствовалъ холода и ненастья. Горской рыцарь былъ не новичекъ въ своемъ ремеслѣ, почуялъ звѣря издали, а съ мѣста не тронулся; смотритъ будто на

(a) Аксакъ значитъ хромый. Краснощоковъ отъ прострѣла ноги пулею, хромалъ.

огонекъ, а вкось видитъ, и не торопится; выжидая, чтобы даромъ винтовки своей *не марать.* Краснощокову предстояло дѣло трудное, опасное; у него ружье было короткое, а у врага было далеко: но какъ податься назадъ было бы стыдно, и удалому не подъ нравъ, то онъ подумалъ, огляделся, смѣкнулъ дѣломъ; — пригнулся и поползъ густою травою, *тишкомъ* и *молчкомъ.* Приближась на свой выстрѣлъ, Донской Витязь прииникнувъ къ землѣ, едва успѣлъ выставить въ сторонѣ на подсошкѣ, свою шапочку *трухменку*, какъ пуля свиснула и пронзила ее на сквозь. Тогда нашъ *Аксакъ* всталъ, подошелъ къ *Овчару*, и въ *припоръ* ружья убилъ его на повалъ. Оружіе и и рѣзвый *аргамакъ* (а) доставили Краснощокову за смѣлый подвигъ добрую добычу.

Подобные подвиги назывались Донцами забавою, любимымъ упражненіемъ. Самые разбои ихъ въ Россійскихъ предѣлахъ и особенно по Волгѣ, имѣли въ себѣ нѣчто особенное, хотя буйное и непохвальное, но характерное; такъ напримѣръ: въ 1660 году, разбойничій Атаманъ *Васька Прокофьевъ*, прибывъ съ шайкою своею на одинъ Астраханскій *учугъ* (б), и нашедъ его пустымъ, писалъ къ владѣльцу онаго: „Были мы Атаманы-молодцы на твоемъ *учугѣ*, и не нашли въ немъ

(а) Порода сего жеребца, и донынѣ сохранена въ табунахъ знатоковъ, подъ названіемъ *Овчарской.*

(б) Перебойка чрезъ рѣку съ ловушками, для ловленія рыбы.

ничего; приказываемъ: вышли туда 50 ведръ вина, 10 пудъ меду, 50 мѣшковъ пшеничной муки, да земли и опоки, что серебро льютъ. Если ослушаешься, атаманы-молодцы выжгутъ твои учуги; а буде сверхъ чаянія станешь жаловаться воеводѣ, то не пеняй на насъ.“

Знаменитые, отважные подвиги обыкновенно награждались пѣснею. Богатырскія пѣсни о подвигахъ *Ермака, Краснощокова* и многихъ другихъ, по сю пору поются Казаками напѣвомъ стариннымъ заунывнымъ, съ умиленіемъ и восторгомъ неописаннымъ. Вотъ чѣмъ награждались заслуги храбрыхъ витязей! Сія почесть, воздаваемая общимъ мнѣніемъ, почиталась, какъ и справедливо, превыше всякихъ наградъ, удовлетворяла самому алчному славолюбію и поддерживала рыцарскій духъ въ народѣ. Каждый Казакъ, безъ различія званія, могъ заслужить ее единою личною храбростію и удальствомъ.

Изъ числа славныхъ охотниковъ, Маныцкіе Казаки: *Мингалъ*, *Козинъ*, *Хопряшкины* и *Богаевцы* были послѣдними, отличавшимися отвагою и удальствомъ. Мингалъ болѣе другихъ сдѣлался извѣстнымъ и славился въ пѣсняхъ. Роспись знаменитыхъ наѣздниковъ, прославившихся во время Атаманства Алексѣя Ивановича Иловайскаго, около 1776 года, оканчивается двумя братьями: *Инжиромъ* и *Ѳедоромъ Гомоновыми*, изъ коихъ послѣдній былъ живъ еще въ 1824 году.

ПОИСКИ НА МОРѢ.

Морскія предпріятія, хотя болѣе другихъ опасныя, предпочитались инымъ, какъ наиболѣе прибыточныя. Достойно удивленія то, что самые отважные поиски совершались на судахъ самаго плохаго устройства. Изъ жалованныхъ грамотъ Царей видно, что Донскому войску отпускались на строеніе лодокъ *трубы*, такъ назывались вѣтловыя и липовые деревья, изъ которыхъ сердцевина выколачивалась. Каждая труба распиливалась пополамъ, и составляла основаніе для двухъ лодокъ. Къ основанію или дну, изъ середины прикрѣплялись ребра; а съ концовъ выгнутыя кокоры, которыя снаружи до надлежащей высоты обивались досками. По какому размѣру строились Донскія лодки, о томъ Вице-Адмиралъ Крюйсъ, служившій Петру Великому, оставилъ довольно подробное описаніе. Суда сіи, говоритъ Крюйсъ, строятся безъ палубъ и походятъ на Неаполитанскіе *Скампавіа*, или Испанскіе *Баркелунге*. Корма и носъ у нихъ острые, длиною они отъ 50 до 70 и болѣе футовъ; а шириною отъ 18 до 20 футовъ. Донцы, такъ какъ и Запорожцы, по описанію Боплана [a], обводятъ лодки свои пуками

---

[a] Запорожскія лодки дѣлались длиною въ 60, шириною отъ 10 до 12; глубиною или высотою въ 12 футовъ. Суда сіи строились безъ палубъ, ихъ снаружи конапатили, высмаливали, для большей крѣпости обвязывали кругомъ, отъ кормы до носа, лычными, сплетенными съ боярышникомъ веревками; а для прикрытія отъ непріятельской стрѣльбы привязывали къ обводной лычной веревкѣ, толстые камышевые снопы, крѣпко поперегъ стянутые. Носъ и

тростника, которые служатъ имъ грудною защитою противъ ружейной пальбы, и вмѣстѣ для того, что бы на волненіи дать имъ большую *остойчивость*, т. е. меньшую шаткость. Въ хорошую погоду ставится небольшая мачта съ подъемнымъ на реи парусомъ, который подымается только при попутномъ вѣтрѣ, при противномъ же и боковомъ употребляются весла, которыхъ на каждой лодкѣ бываетъ отъ 16 до 40, а Казаковъ садится отъ 60 до 100 человѣкъ. Донскія лодки, также какъ и Запорожскія, имѣютъ на кормѣ и на носу по рулю, или по загребному веслу; онѣ легки на ходу и нагоняютъ не только Татарскія, но и Турецкія суда. Прежде Донскія лодки пушекъ не имѣли, но при Петрѣ Великомъ стали вооружать ихъ однимъ или двумя фальконетами; ибо по шаткости и слабому скрѣпленію судовъ, они не могли бы снести болѣе тяжелыхъ пушекъ и сильной пальбы. Нѣсколько боченковъ съ пресною водою и сухарями, просомъ, толчью изъ сухаго хлѣба и сухой рыбы, сушенымъ мясомъ, соленою рыбою и толокномъ составляли весь запасъ. Водки брать въ походъ не позволялось, ибо трезвость почиталась необходимостію при исполненіи отважныхъ предпріятій. Казаки выходили на брань въ ветхой одеж-

---

корма имѣли одинаковую форму, а потому, чтобы не терять напрасно времени при полномъ поворотѣ назадъ, каждая лодка снабжалась двумя рулями. Такія лодки, вооруженныя 4 или 6 фальконетами; имѣя по 10 и по 15 веселъ со стороны, ходили легче Турецкихъ галеръ. 60 плотниковъ отдѣлывали лодку въ двѣ недѣли; на каждую изъ нихъ садилось отъ 40 до 60 Казаковъ.

дѣ, на оружіи не было никакихъ украшеній; полированныя ружья нарочно смачивали разсоломъ, что бы позаржавѣли: „на ясномъ желѣзѣ *играетъ глазъ*,“ говорили они. Словомъ, Казаки шли добывать *зипунъ*, имѣя самую бѣдную наружность, дабы симъ лишить непріятеля надежды чѣмъ нибудь отъ нихъ поживиться.

Отплытіе на поиски всегда сопровождалось нѣкоторымъ благоговѣйнымъ торжествомъ, возвращеніе праздновалось съ шумною радостію. Въ первомъ случаѣ весь народъ стекался къ часовнѣ (до половины XVII столѣтія церквей еще не было); вмѣстѣ съ походнымъ войскомъ слушали обѣдню и молебенъ Чудотворцу Николаю, котораго молили о покровительствѣ подвизавшихся на брани и вышедъ на площадь пили прощальный ковшъ меду и вина. Потомъ провожали походное войско до судовъ, на берегу еще на прощаніе выпивали по ковшу, и оставались тутъ до тѣхъ поръ, пока веселые ратники, напѣвая дружнымъ хоромъ: „*ты прости, ты прощай нашъ тихій Донъ Ивановичъ*,“ терялись изъ виду. Тогда остальные, дабы, какъ они говорили, *сгладить путь-дорожку* своимъ походнымъ собратамъ, доканчивали недопитое, желая отплывшимъ побѣды и добычи.

На столь утлыхъ челнахъ, какими назвать можно Донскія лодки, кое-какъ построенныхъ, худо снабженныхъ, и еще хуже управляемыхъ; безъ карты и компаса, едва по солнцу и звѣздамъ

умѣя показать четыре страны свѣта; Казаки преплывали бурное Черное море, громили прибрежныя селенія, брали приступомъ крѣпости [а]; а военные корабли, вооруженные громомъ и молніею, съ однимъ ружьемъ и саблею въ рукахъ брали абордажемъ, и съ великою добычею, состоявшею въ драгоцѣнныхъ наволокахъ, камкахъ, коврахъ, шелковыхъ матеріяхъ, въ золотой и серебряной монетѣ, возвращались въ низкія свои землянки. Подвиги Казаковъ на морѣ, могли бы казаться несбыточными, если бы оныя не были засвидѣтельствованы правдивою Исторіею: Самъ Петръ Великій на Азовскомъ морѣ [б] Донскими лодками взялъ абордажемъ два линѣйныхъ Турецкихъ корабля. Какимъ образомъ Казаки на слабыхъ своихъ челнахъ могли проходить мимо Азовской крѣпости, у стѣнъ которой всегда стояли галеры и другія военныя суда; какимъ образомъ переходили они *бонъ*, во всю ширину рѣки тремя желѣзными цѣпями укрѣпленный, и съ обоихъ сторонъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ защищаемый, — это и доселѣ можетъ казаться невѣроятнымъ. Болѣе нежели дерзновенная отважность и мужество, потребны были для таковыхъ отчаянныхъ предпріятій; и Казаки совершали ихъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Обыкновенно, въ самую темную ночь, при бурномъ попутномъ вѣ-

---

(а). Въ 1616 году взяли городъ Синопъ, что въ Анатоліи; въ 1620 году разорили монастырь близь Царя-града; въ 1630 году взяли въ Крыму городъ Карасовъ; а въ 1637 году Азовъ, сильно укрѣпленный.

(б) 1696 года 13 Мая во время осады Азова

трѣ, туманѣ, и проливномъ дождѣ, прокрадывались они мимо укрѣпленій, перетаскивали лодки чрезъ *бомъ* между связями онаго, и мелководными *гирлами*, гдѣ военныя суда, глубже лодокъ въ грузу сидящія, не могли ихъ преслѣдовать; выходили въ море часто безъ потери. Иногда предъ нападеніемъ, ночью, внизъ по теченію рѣки, Казаки пускали бревна, кои ударяя въ бомъ содержали въ безпрестанной тревогѣ Турецкій гарнизонъ, и нерѣдко доводили его до того, что Турки пренебрегали сими *плавнями*, чѣмъ Донцы пользовались, и часто проходили крѣпость безъ выстрѣла. Наконецъ, наскуча такими усиліями, они прорыли въ 1772 г. между Каланчею и Мертвымъ Донцомъ свой *Казачій ерикъ* (каналъ), которымъ уже свободно выходили въ море. Иногда же, поднявшись вверхъ по Донцу, перевозили они свои *стружки* сухимъ путемъ на Міусъ, и сею рѣчкою выплывали въ море.

Азовскій Паша, какъ скоро узнавалъ о появленіи на морѣ Донской флотиліи, во всѣ стороны и кругомъ моря посылалъ гонцовъ для предостереженія жителей, которые заблаговременно съ имуществомъ отходили на время отъ береговъ въ степь. Но Казаки, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, иногда упреждали гонцовъ, выходили на берегъ въ скрытыхъ мѣстахъ, старались нападать въ расплохъ, и смѣлымъ, быстрымъ натискомъ брали приморскія крѣпостцы и селенія; подобно партизанамъ, уклонялись отъ превосходныхъ

силъ, являлись тамъ, гдѣ ихъ не ожидали, хватали что имъ попадалось подъ руки, добычу грузили на суда и поспѣшно скрывались или отплывали далѣе на новые поиски. Атаманы ихъ всегда имѣли ту осторожность, что нападали, тамъ гдѣ возможно пріобрѣсть добычу съ меньшею потерею: если нѣтъ надежды на успѣхъ, то тѣмъ же путемъ мимо Азова, возвращались на Донъ въ свои Юрты. Когда же случалось встрѣтиться съ многочисленнымъ врагомъ, Казаки отступали къ морскому берегу, входили въ устье рѣкъ, гдѣ затопляли свои суда въ камышахъ и разсыпались врозь. По миновании опасности, снова собирались къ судамъ, выливали изъ нихъ воду, приправляли весла, и по прежнему пускалися въ море.

Въ открытомъ море, брали иные осторожности: если подъ вѣтромъ показывалось нѣсколько военныхъ кораблей, то немедленно опустя парусъ и положа мачту, изо всей силы гребли противу вѣтра, стараясь заблаговременно удалиться отъ нихъ; и если по близости находился берегъ или мель, то уходили туда, не опасаясь нападенія. Если же, встрѣчались съ кораблемъ или галерою, не сильно пушками вооруженными, то смотря по направленію вѣтра, обходили корабль такимъ образомъ, чтобы къ вечеру солнце было позади лодокъ и прямо въ глаза непріятелю. За часъ до захожденія солнца, приближались они къ кораблю, на разстояніе трехъ или четырехъ верстъ; по наступленіи же ночи подходили ближе, окружали

его, и нежданные приставали къ галерѣ съ боку, а къ кораблю съ кормы или носу; и брали ихъ такимъ образомъ, частію въ расплохъ, но всегда превосходнымъ числомъ людей. При такихъ встрѣчахъ, безпечность Турковъ и осторожность Казаковъ, ручались за успѣхъ нападенія, при первомъ взглядѣ кажущагося невозможнымъ. Во время только совершеннаго безвѣтрія, когда корабли стоятъ посреди моря, подобно неподвижной громадѣ; Казаки нападали на нихъ не скрываясь, и покоряли ихъ открытою силою. При умѣренномъ вѣтрѣ, когда нѣтъ большаго волненія, купеческія безоружныя суда брали они прямо абордажемъ, не принимая никакихъ особенныхъ предосторожностей. Забравъ деньги, негромоздкіе товары, оружіе, небольшія пушки и все то, чѣмъ удобнѣе нагрузить лодку, взятый корабль со всѣмъ экипажемъ пускали на дно, прорубая подводную его часть. Сіе дѣлали они потому, что кораблемъ на морѣ править не умѣли а провесть его къ Черкаску мимо Азова, за мелководіемъ было не возможно.

При всѣхъ сказанныхъ нападеніяхъ, Казаки теряли много людей, ибо прежде нежели они успѣвали пристать къ кораблю и взойти на него, ихъ поражали картечью и меткою, въ такомъ близкомъ разстояніи, ружейною стрѣльбою. Если же по несчастію примѣчаемы были съ кораблей, среди дня, при свѣжемъ вѣтрѣ и на открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ и мелей, когда лодки ихъ

находились у непріятеля подъ вѣтромъ, тогда большая ихъ часть погибала неминуемо. Военный корабль на всѣхъ парусахъ, подобно орлу, устремлялся тогда на нихъ: однихъ на ходу давилъ своимъ носомъ, и не останавливаясь въ быстромъ своемъ полетѣ, съ обоихъ бортовъ осыпалъ другихъ ядрами и картечью и пускалъ ихъ на дно, не щадя и сдававшихся. При такой злосчастной встрѣчѣ, часто на морѣ случающейся, лодки, какъ стадо робкихъ птицъ, разсѣевались и старались по возможности удалиться отъ корабля, кому куда пригоднѣе. Число лодокъ и превосходное число людей не составляло тогда преимущества, и чѣмъ они тѣснѣе шли, тѣмъ болѣе представляли кораблю вѣрную цѣль и смерти вѣрную добычу. Счастливымъ долженъ себя почесть тотъ, кто при такой бѣдѣ оставался въ живыхъ; ибо Донскія лодки плавали такъ близко одна отъ другой, что не гдѣ имъ было поворотиться.

Много лодокъ погибало отъ бурь, много и отъ малаго искусства кормчаго; но удальцы предавались опасностямъ съ постояннымъ мужествомъ, или лучше сказать, они не понимали опасностей, по невѣденію, полезному для нихъ въ семъ случаѣ. Тѣ, которые спасались отъ разбитія о скалы, и отъ недостатка воды и запасовъ, еще съ большимъ трудомъ избѣгали отъ рукъ враговъ своихъ, которые послѣ всякой бури высылали въ море военные корабли для нападенія на Казаковъ. Такимъ образомъ въ сраженіяхъ съ воен-

ными судами теряли они много людей, и рѣдко возвращались изъ похода съ потерею менѣе половины своихъ сподвижниковъ. Но сіи утраты не обезохочивали ихъ отъ морскихъ поисковъ: благоразумно уклоняясь отъ превосходной силы, въ плаваніи держась вблизи береговъ, и, принимая другія предосторожности, возвращались онѝ домой, хотя съ чувствительною потерею; но всегда почти съ знатною добычею. Морской промыселъ долго почитался между ими прибыльнѣйшимъ; и многіе отъ него обогатились.

На возвратномъ пути, съ такимъ же затрудненіемъ прокравшись вверхъ по теченію Дона мимо Азова, Казаки, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Черкаска останавливались, поровну дѣлили между собою добычу, что у нихъ называлось *Дуванъ дуванить.* Одного *ясыря* (плѣнныхъ) собиралось иногда на Дону тысячь до трехъ и болѣе. Цѣна выкупа за Пашей доходила до 30 тысячь злотыхъ, рядовыхъ и простолюдиновъ вымѣнивали на Русскихъ плѣнниковъ, многими сотнями приводимыхъ изъ Украйны въ Азовъ, для чего близь нижнихъ юртъ учрежденъ былъ *окупной яръ* или размѣнное мѣсто. Женъ знатныхъ Мурзъ также отдавали на окупъ, прочихъ же привѣтливымъ обхожденіемъ пріохочивали ко всегдашнему у себя жительству, и обыкновенно, окрестя, женились на нихъ. Иногда жены зажиточныхъ Казаковъ, брали ихъ къ себѣ въ домъ для хозяйства, или въ собесѣдницы.

Если поиски Казакамъ удались, тогда встрѣчали ихъ съ честію и особеннымъ торжествомъ. Пока возвратившіеся изъ похода дѣлили добычу, Походный Атаманъ извѣщалъ Войсковаго Атамана о своемъ пріѣздѣ, и всѣ ратники, находящіеся въ Черкаскѣ, и составляющія такъ называемое *главное войско*, по приглашенію Есауловъ, сбирались у пристани. Побѣдители, одѣтые въ лучшія изъ добычныхъ одеждъ, съ распущенными знаменами и пѣснями, подъѣзжая привѣтствовали стоящихъ на берегу ружейными выстрѣлами, имъ отвѣчали съ крѣпости пушечными. Суда останавливались противъ часовни, и по отпѣтіи благодарственнаго молебна, прибывшіе воины смѣшивались съ родными и товарищами, ихъ ожидавшими. Обрядъ сей, основанный на томъ религіозномъ понятіи, что всякій успѣхъ дѣла должно приписывать волѣ Божіей, и до сего времени постоянно наблюдается: Войско, возвращающееся изъ похода, обыкновенно идетъ прямо къ церкви. Послѣ взаимныхъ поздравленій, возвратившіеся изъ похода показывали друзьямъ свою добычу, дарили ихъ, и тутъ же у пристани, или на городской площади, усѣвшись въ кружки, пили вино и крѣпкій медъ, и подъ шумокъ, за дружескимъ ковшомъ, хвалились своими подвигами, обыкновенно для *краснаго словца* въ расказѣ преувеличенными.

ВОЙСКОВОЙ КРУГЪ.

Войско *Донское*, по волѣ Царей имѣя свои права и преимущества, имѣло и особое правленіе. Собраніе всѣхъ чиновъ войска и народа, составляло такъ называемый *Войсковый кругъ*, права коего ограничивались внутренними только дѣлами войска. Каждый Казакъ, безъ различія званій, имѣлъ на кругу голосъ. Всѣ дѣла судныя, правительственныя и военныя рѣшались по большинству голосовъ. До тѣхъ поръ, пока Казаки, по снисхожденію Царей, могли своевольничать, Войсковые Атаманы самоуправствовали, и потворствомъ и уклончивостію иногда злоупотребляли общественную довѣренность. Отписки въ Посольскій Приказъ и всѣ бумажныя дѣла справлялъ *Войсковой Дьякъ*. Законовъ писанныхъ не было: Рыцари-Казаки всѣ рѣшали по своей *волѣ*, примѣняя ее къ старымъ обычаямъ и примѣрамъ. До начала XVIII столѣтія, Войсковые Атаманы избирались ежегодно, и любимые, умѣвшіе угождать, оставались въ должности до тѣхъ поръ, пока правленіе ихъ нравилось Казакамъ. Нерѣдко за неудачный походъ, или по причинѣ какой либо домашней смуты, Казаки смѣняли и иногда казнили смертію своихъ Атамановъ. По смѣнѣ, обращались они въ прежнее состояніе, и въ свою очередь отправляли службу рядоваго Казака.

Вотъ какимъ образомъ, народъ предпріимчивый и отважный обдумывалъ свои дѣла: Коль скоро

*

получится Царская Грамота, или Указъ, или случится какое нибудь общее войсковое дѣло, то всѣ Казаки, по повѣсткѣ или *сполоху*, сбирались на площадь къ войсковой избѣ. Когда соберется довольно много народа, Войсковой Атаманъ, окруженный людьми начальными и *бывалыми*, предшествуемый *Есаулами*, и предносимый войсковыми регаліями, самъ съ булавою въ рукахъ, знакомъ своей власти, выходилъ изъ избы и становился посреди собранія. Есаулы, положивъ жезлы свои и шапки на землю, читали молитву, кланялись сперва Атаману, а потомъ на всѣ стороны Казакамъ. Послѣ сего брали они жезлы и шапки, подходили къ Атаману, и принявъ отъ него приказаніе возглашали: *Помолчите Атаманы молодцы и все великое Донское войско*! За симъ Есаулы объясняли дѣло словесно, и наконецъ вопрошали: *Любо ли вамъ Атаманы молодцы?* Тогда со всѣхъ сторонъ Казаки кричали: *любо* или *не любо*. Въ послѣднемъ случаѣ Атаманъ самъ объяснялъ дѣло, толковалъ пользу его, склонялъ къ своему мнѣнію; но убѣжденій его рѣдко слушали, и воля народа исполнялась. Въ разномысліи не возможно было согласить Казаковъ къ рѣшенію прямо и очевидно полезному; въ такомъ случаѣ прибѣгали подъ руку Царя, и Его воля исполнялась безпрекословно. Приговоры круга исполнялъ Войсковой Есаулъ, который, пришедъ къ осужденному, объявлялъ ему, что войско требуетъ его головы, руки или ока, и казнь совершалась немедленно. Войсковыхъ Есауловъ было два: они

завѣдывали войсковыми доходами, полицiею, казнями и стражею города. Есаулы почитались прежде знатными на Дону чиновниками; нынѣ они имѣютъ титло безъ власти и службу безъ дѣла.

При сборѣ всего войска въ походъ по Царскому повелѣнiю, или когда Казаки сами задумывали достать *Зипунъ*, и вымѣстить бусурманамъ обиду, то во времена рыцарскiя, когда вольные промыслы производились безъ позволенiя высшаго правительства; Войсковой Атаманъ предлагалъ *дѣло походное* всему Казачеству, обсуживать *со всего Казацкаго ума въ Войсковомъ кругу*, бывшемъ до 1775 года главнымъ ихъ Судилищемъ и Управою. Въ собранiе круга не допускались молодые Казаки и вообще всѣ вновь прибылые. При такихъ сборахъ, особенно при ожидаемомъ нападенiи враговъ, изъ *Войска* разсылались *граматки* (приказъ) вверхъ по Дону, по всѣмъ городкамъ, чтобы сходились Казаки въ Черкаскомъ для ратнаго дѣла. По сборѣ достаточнаго числа Казаковъ, Войсковой Атаманъ сбиралъ ихъ *на Кругъ*, гдѣ избирали они себѣ Походныхъ Атамановъ, предпочитая умъ и знанiя, опредѣляли число походныхъ воиновъ, и назначали день для выхода; потомъ, раздѣлившись на отряды и заготовивши харчи, помолившись выступали въ походъ. Предъ выступленiемъ Казаки весело *гуляли*, и пропивали или проигрывали въ зерна все что имѣли, въ надеждѣ будущихъ благъ. При сборѣ въ походъ, начальные люди всемѣрно старались скрывать свои намѣренiя; для сего въ

Кругу назначалось просто: итти на море, итти въ походъ. Скрытность была нужна, ибо Азовцы употребляли всѣ хитрости, чтобы узнать что́ дѣлается на Дону.

Избраніе Войсковыхъ Атамановъ и другихъ начальныхъ людей было всегда шумно, и рѣдко обходилось безъ драки. Тутъ всякой хотѣлъ поставить на своемъ, и надобно было большое умѣнье и гибкость права, чтобы большую часть голосовъ согласить въ свою пользу. Смѣняемый Атаманъ, снявъ шапку, кланялся Казакамъ на всѣ четыре стороны, и потомъ смиренно клалъ булаву на столъ, поставленный посреди круга. Вновь избранный Атаманъ, принявъ Булаву изъ рукъ Есаула, также кланялся, благодарилъ за честь и клялся Атаманамъ-Казакамъ не щадить жизни для отечества и радѣть объ общемъ благѣ.

Люди порочные, осужденные или чѣмъ либо наказанные, къ общему на кругѣ совѣту не допускались: имъ прощали вины съ условіемъ заслужить ее кровію, при какомъ нибудь отважномъ предпріятіи. Сіи преступники назывались *пенными*, они по приговору круга лишались права гражданства: ихъ всякій могъ бить и грабить и суда имъ въ войскѣ не было.

По смерти Петра Великаго, при постепенномъ ходѣ просвѣщенія, права Круга не могли быть терпимы: они отъ времени уже устарѣли, обстоятельства перемѣнились, такъ, что въ 1738 году, Войсковой Атаманъ былъ уже назначенъ

безъ выбора Казаковъ по Высочайшему повелѣнію, чѣмъ права круга были только ограничены; но премудрая Императрица Екатерина II, учрежденіемъ Войсковой Канцеляріи (1775 года), уничтоживъ ихъ вѣче, пріуготовила преобразованіе; а Императоръ Павелъ I (1798 г.), сравненіемъ Войсковыхъ чиновъ съ армейскими, на вѣчныя времена утвердилъ спокойствіе сего края. Такими постепенными измѣненіями, права Круга и равенство Казаковъ, столь долго злоупотребляемыя, непримѣтно и безъ потрясенія исчезли навсегда. Нынѣ Войсковой Кругъ, не имѣя никакой власти собирается только по случаю торжествъ и церковныхъ праздниковъ; Полковой Кругъ занимается полковыми дѣлами; а Станичные Круги завѣдываютъ своими хозяйственными дѣлами.

Изъ регалій, нынѣ въ Войсковой Канцеляріи хранимыхъ, достойны замѣчанія: *Бунчукъ Бѣлой;* знамя богато украшенное; его носятъ предъ Войсковымъ Атаманомъ, когда онъ самъ бываетъ съ войскомъ въ походѣ. *Булава* и *перначъ*, какъ знаки власти, вручались Войсковымъ Атаманамъ при избраніи ихъ. *Бобылевъ хвостъ*, то же что Турецкій санджакъ. Бобылемъ называли коня, чисто бѣлаго. Бобылевъ хвостъ, состоитъ изъ древка, у коего, вмѣсто набалдашника, золотой шаръ, на верху украшенный двуглавымъ орломъ; бѣлый конскій хвостъ выходилъ изъ шара. Сей знакъ въ Войсковомъ кругу, означалъ *волю.*

———

БУДАРА.

Въ 1618 году, Царь Михаилъ Θеодоровичь, въ награду за службу Казаковъ и для вящшаго поощренія ихъ къ большему усердію, положилъ, ежегодно отпускать изъ Московской казны Войску Донскому, 7000 четвертей муки, 500 ведръ вина, 250 пудъ пороха, 150 пудъ свинца и 17,142 рубля денежнаго жалованья; да на *Будары* (перевозныя суда) 1169 рублей 60 копѣекъ. Съ сего времени отрядъ, составленный изъ лучшихъ по службѣ Казаковъ, подъ предводительствомъ избраннаго на сей случай Атамана, называемаго *Атаманомъ зимовой станицы*, съ однимъ Войсковымъ Старшиною, какъ нѣкое посольство, отправлялось въ Москву, гдѣ, равно какъ и на пути, содержалось на казенномъ иждивеніи. По прибытіи въ Москву, въ назначенный день принимали Донцовъ съ особенными почестями и обрядами: Дьякъ или Бояринъ, выступивъ впередъ и низко поклонившись Царю говорилъ: „*Вамъ*, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, *Донскіе Казаки, станичный Атаманъ* (такой-то) *съ товарищи челомъ бьютъ.*" За симъ обратясь къ Казакамъ продолжалъ: Великій Государь Его Царское Величество *жалуетъ тебя Атамана съ товарищи къ своей Государской рукѣ.*" По совершеніи сего обряда представляющій возглашалъ: „Великій Государь Его Царское Величество *жалуетъ тебя Атамана и Казаковъ и все великое войско Донское, велѣлъ спросить о здоровьѣ и службу вашу милостиво похваляетъ.*"

Послѣ представленія, вся станица была угощаема во дворцѣ Царскимъ столомъ съ *удовольствомъ* и *подчивана романеею.* При отпускѣ, Государь обыкновенно жаловалъ Атаману и Есаулу саблю съ своимъ портретомъ и Государственнымъ гербомъ, золотою насѣчкою на полосѣ изображеннымъ. Иногда же дарили имъ серебряный позлащенный ковшъ, на ручкѣ коего, также насѣчкою, изображался портретъ, на днѣ гербъ; а снаружи вокругъ вычеканивалась надпись, за какую службу данъ, годъ, мѣсяцъ и число. Казаковъ награждали суконами и камками. Сверхъ того; Атаманъ получалъ денежнаго жалованья 143 руб. 50 коп., Есаулъ 71 рубль; каждому Казаку по 48 руб. $66\frac{1}{2}$ коп., да на подводы Атаману на три лошади, Есаулу на двѣ, и двумъ Казакамъ на одну, считая на 10 верстъ на одну лошадь по алтыну. Такимъ образомъ каждая станица, удостоенная чести *узрѣть свѣтлыя* Царскія *очи*, обласканная и щедро одаренная, радостно возвращалась на Донъ. Такою политикою Цари достигали цѣли, располагали войскомъ по волѣ своей, и всегда имѣли на Дону преданныхъ и благодарныхъ имъ людей.

Жалованье Царское отправлялось изъ Москвы обозомъ, въ Воронежѣ нагружалось на *Будары* и сплавливалось внизъ по Дону до главнаго города. Въ каждой станицѣ наличные чиновники и Казаки встрѣчали *Будару*, (которая называлась также *казною*), съ стрѣльбою, потомъ молебствовали о здравіи Государя и благосостояніи Войска Донскаго; въ заключеніе станичные старики въ

чердакъ (такъ называлась комнатка посреди барки, изъ дубьевъ сплоченная), изъ пожалованнаго Походному Атаману ковша пили за здравіе Монарха, и за все Великое Донское Войско. Отъ станицы до станицы провожали *Будару* вооруженные Казаки, которые въ торжественномъ порядкѣ, съ стрѣльбою и пѣснями, слѣдовали за нею берегомъ.

По прибытіи Будары къ Черкаску, встрѣчали ее пушечною пальбою; потомъ Войсковой Атаманъ приказывалъ бить *сполохъ*. По сборѣ, Атаманъ, предшествуемый регаліями и знаменами, войску за службу жалованными, прибывъ на площадь, привѣтствовалъ Кругъ сими словами: Государь, за службу жалуетъ войско „*рѣкою столбовою тихимъ Дономъ, со всѣми запольными рѣками, юртами и всѣми угодьями; и милостиво прислалъ Свое* Царское *годовое жалованье*.“ За симъ Атаманъ, предносимый регаліями и съ булавою въ рукахъ, въ сопровожденіи круга шествовалъ въ соборъ, гдѣ отслуживъ за здравіе Государя и Войска молебенъ, приглашалъ начальныхъ людей къ себѣ на пиръ. На другой день *гуляли въ чердакѣ*, у Атамана Зимовой станицы, и изъ пожалованнаго ему ковша въ круговую пили Царскую сивушку при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Старики и Казаки, бывшіе на сборѣ, угощались на Войсковое иждивеніе. Къ пожалованному Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ денежному и хлѣбному жалованью, въ 1779 году, Императрица Екатерина II пожаловала въ прибавокъ къ прежнему еще 5000 руб. и 5000 четвертей хлѣба.

Съ 1809 года, по представленію бывшаго Наказнаго Атамана вмѣсто хлѣба отпускается деньгами всего съ годовымъ жалованьемъ 111,511 рублей 60 копѣекъ; и праздникъ *Будары*, съ того времени болѣе не существуетъ.

ОБЫЧАИ ДОНЦЕВЪ ПЕРВАГО ПЕРІОДА.

Въ рыцарскія времена, (до 1680 г.) большая часть Казаковъ вели безбрачную жизнь, такъ, что въ иномъ городкѣ не было болѣе одного или двухъ женатыхъ. Казаки опасались знакомить сердце съ прелестію любви, и юноша, побѣжденный нѣжною страстію, въ кругу своихъ товарищей, преслѣдуемъ былъ колкими насмѣшками. Но къ концу перваго періода, когда умноженіемъ народонаселенія личная безопасность была довольно обезпечена, тогда Казаки охотно выбирали себѣ женъ изъ прелестнѣйшихъ плѣнницъ. Вообще семейная жизнь такъ нравилась Казакамъ, что дѣтей у женатаго нянчили всѣ его станичники; за всѣмъ тѣмъ немногіе вѣнчались по уставу Церкви; всѣ прочіе ограничивались однимъ объявленіемъ предъ народомъ объ избранной ими женѣ. Для сего женихъ и невѣста приходили вмѣстѣ въ собраніе народа на площадь или предъ станичную избу. Помолясь Богу, кланялись они на всѣ стороны, и женихъ, назвавъ невѣсту по имени, говорилъ: *ты будь мнѣ жена.* Невѣста, поклонившись ему въ ноги, отвѣчала также, называя его по имени: *а ты будь мнѣ мужъ.*

Послѣ сихъ словъ цѣловали другъ друга, и принимали отъ всего собранія поздравленіе. Утвержденное такимъ образомъ супружество почиталось законнымъ. Сей обрядъ въ старину былъ всеобщій у Казаковъ, и даже тѣ, кои въ послѣдствіи сочетавались по правиламъ Церкви, необходимо должны были предварительно его исполнить.

Сколь легко было, по обычаямъ Казаковъ, заключать супружество, столь же легко было и разорвать его. Отправляясь въ дальній походъ, или просто подъ предлогомъ, что жена ему не нравилась, Казаки обыкновенно бросали свои землянки, а женъ продавали. Для сего выводили ихъ на зборъ и говорили: *не люба!* а кому она нравилась, продавали съ торгу, и часто уступали ее за харчи, нужные въ походѣ, и притомъ въ такомъ количествѣ, сколько можно навьючить на лошадь, не обременяя ее. Купившій *отказанную* жену, прикрывалъ ее полою своего кафтана, и по прежнему обряду говорилъ предъ народомъ: *ты будь мнѣ жена* и проч. Прикрытіе полою, Казаки почитали весьма важнымъ символомъ: оно значило снять съ отказанной жены безчестіе развода.

Власть мужа надъ женою была неограниченна,— сія общая черта въ народномъ духѣ, долго препятствовала прелестному полу имѣть вліяніе на общежитіе и на смягченіе нравовъ; долго женщины ограничивались кругомъ своей семьи, и

немногими знакомствами съ сосѣдками. Онѣ не участвовали въ бесѣдахъ мущинъ, также вели жизнь праздную, разгульную; о домѣ и хозяйствѣ не думали; и переходя изъ рукъ въ руки, столь мало уважались, что какого бы званія ни были, должны были при встрѣчѣ уступать дорогу всякому Казаку, и кланяться каждому старику.

Не подумайте однакожъ, чтобы неуваженіе къ необходимѣйшему для общежитія таинству проистекало отъ неуваженія къ Вѣрѣ; напротивъ, Казаки всегда были очень набожны. Отправляясь на промыслъ непозволительный, даже зазорный, (просто, сидя подъ мостомъ, грабить по дорогѣ проѣзжавшихъ), они преусердно молились Угоднику Николаю и всѣхъ Святыхъ призывали на помощь, обѣщая въ случаѣ удачи, часть изъ добычи. Для сихъ приношеній избрали они два монастыря: одинъ *Никольскій* ниже Воронежа, въ Борщевѣ; другой *Рожественской Черньевъ* въ Шацкѣ. Къ обогащенію сихъ своихъ монастырей Донцы ничего не жалѣли: для колоколовъ жертвовали отнятыми у непріятеля испорченными пушками; серебро же, золото, жемчугъ и драгоцѣнные каменья, блистая въ ризницахъ и на иконостасѣ, свидѣтельствовали объ усердной вѣрѣ нашихъ набожныхъ рыцарей. Въ сихъ монастыряхъ, Казаки, потерявшіе силу воевать, посвящались въ монахи; увѣчные и раненые, какъ въ инвалидномъ домѣ, находили пріютъ, покой и содержаніе. Въ сихъ же монастыряхъ сохранялись

и частные пожитки, особенно дорогія вещи, которыхъ они не оставляли въ своихъ городкахъ, по причинѣ частыхъ набѣговъ непріятельскихъ.

Въ Черкаскѣ всегда было большое стеченіе народа: кромѣ Казаковъ, собиравшихся въ главное войско, торговые люди изъ Украинскихъ городовъ, покрывали рѣку своими судами; Воевода съ Царскимъ жалованьемъ и Турецкіе Послы съ многочисленными ихъ свитами; Астраханскіе и другихъ Украинскихъ городовъ посыльщики для узнанія на Дону вѣстей; Запорожцы, пріѣзжавшіе вмѣстѣ съ Казаками съ морскихъ поисковъ; наконецъ Волжскіе, Терекскіе и Яикскіе Казаки, толпами приходившіе на Донъ для *вольнаго промысла*, разнообразили картину военнаго стана, которую представляло *главное войско*. Въ сихъ многочисленныхъ собраніяхъ Казаки являлись въ одеждѣ, уборахъ и въ оружіи, принадлежавшихъ различнымъ племенамъ: на нихъ собственно своего ничего не было. Русскія, Турецкія, Черкесскія и Татарскія одежды, представляли смѣсь, пестроту, иногда пріятную, иногда странную. Одинъ въ лазоревомъ *настрафильномъ* зипунѣ и съ жемчужнымъ ожерельемъ; другой въ бархатномъ полукафтаньѣ и въ лаптяхъ; третій, въ смуромъ Русскомъ кафтанишкѣ, и въ сапогахъ золотомъ шитыхъ, съ булатною Черкескою *шашкою* и богатымъ Турецкимъ *сайдакомъ* (лукъ); на иномъ сверхъ одежды тафтяная рубашка, въ рукахъ Русская рогатина и вмѣсто плаща узорчатой ко-

веръ; у всѣхъ шелковые Персидскіе кушаки, Турецкія богатыя ружья и булатные ножи съ черенками рыбьяго зуба. Наконецъ, въ бархатѣ и атласѣ, чтобы блеснуть предъ пріѣзжими, преспокойно садились они посреди грязной улицы......

Старые Донцы проводили время въ беззаботной праздности и любили повеселиться въ дружескихъ бесѣдахъ. Накормить и напоить пріѣзжаго почиталось обязанностію: въ серебряныхъ чашахъ подавали вино и крѣпкій медъ; другихъ напитковъ не имѣли, и особенно уважали первое такъ, что для лучшей похвалы угощенія, Казаки говорятъ и теперь, „*я у него былъ и вино пилъ.*"

Столь же весело проводили время и во всѣхъ другихъ городкахъ: Казаки обыкновенно всякій день собирались на площадь или къ становой избѣ. Здѣсь, сидя въ кружку, они вязали сѣти и тенета, слушали во время работъ разсказъ одного изъ пожилыхъ своихъ собратій о молодецкихъ его походахъ, и воспламеняясь славными подвигами товарищей, пѣли богатырскія пѣсни, начиная каждую припѣвомъ: *Да вздунай най дуна-на вздунай Дунай.* Жили они истинно по братски: набьетъ ли кто дичины, наловитъ ли рыбы, *отвѣдывали* ее всѣ вмѣстѣ, и хозяинъ ничего не оставлялъ себѣ въ запасъ. На Дону сохранилось преданіе, будто въ старину товарищества Казаковъ раздѣлялись *по сумамъ* точно такъ, какъ нынѣ въ походахъ по *кашамъ* (артелямъ). Человѣкъ

десять, двадцать или болѣе товарищей, имѣли общую суму, въ которой хранили свой запасъ и все добытое; потому Казаки еще и нынѣ называютъ товарища и друга: *односумъ.* На *майданѣ* [a] старики играли въ шашки или въ зернь; молодые же на площади въ кости и бабки. Посредствомъ послѣдней игры, Казаки пріобрѣтали такую меткость, что пуская изъ рукъ каменья, убивали птицъ и зайцевъ.

Сія привольная и братская жизнь сильно привязывала Казаковъ къ родинѣ; они славили свой *тихій Донъ,* называя его: *кормилецъ родимый.* Въ плѣну и на одрѣ смертномъ, Казакъ, прощаясь со всѣмъ, что имѣлъ драгоцѣннаго въ жизни, всегда обращался къ Дону: *ты прости, мой тихій Донъ Ивановичъ! мнѣ по тебѣ не ѣздити, дикаго звѣря не стрѣливать, вкусной рыбы не лавливать.*

Такая жизнь и наружное довольство соблазняли нашихъ простолюдиновъ: цѣлыми ватагами переходили они на Донъ: часто Русскіе торговцы, продавъ или промѣнявъ свои товары на избытки Казачьей добычи, хаживали съ Казаками въ походъ, и потомъ, полюбя и получивъ навыкъ къ Казачьему ремеслу, оставались жить на Дону.

(a) Майданъ по Турецки значитъ площадь: Казаки усвоили это имя станичнымъ или становымъ избамъ.

IV. НРАВЫ И ОБЫЧАИ

ВТОРАГО ПЕРІОДА.

до 1725 года.

Торговыя связи съ Россійскими городами, ежегодныя посольства въ Москву за Царскимъ жалованьемъ (съ 1618 года), постоянное пребываніе Воеводы съ служилыми людьми въ Черкаскѣ (съ 1645 г.), годъ отъ году совершенствовали общежитіе Казаковъ; но болѣе примѣтная перемѣна произошла послѣ покоренія Азова въ 1637 году. Въ семъ торговомъ городѣ, сблизились они съ народами болѣе ихъ просвѣщенными, привыкли къ нѣкоторой роскоши, къ удобствамъ жизни, и болѣе пяти лѣтъ проживъ въ домахъ оставленныхъ Турками и отчасти построенныхъ Генуезцами, узнали преимущество зданій выстроенныхъ по правиламъ Архитектуры, предъ своими землянками. При защитѣ Азова (1641 г.), Казаки познакомились съ истинною славою, а познакомившись, почувствовали свое достоинство, стали

гордиться именемъ *Казачества вольнаго* и *безстрашнаго*, и справедливо похваляясь, что взяли и отсидѣли Азовъ своимъ *дородствомъ* и *разумомъ*. Сіе честолюбіе было началомъ развитія между ими гражданской жизни: рыцарскія привычки стали ослабѣвать, нравы отъ пріобрѣтенной славы и добычи начали смягчаться, и все, постепеннымъ, едва примѣтнымъ ходомъ, пошло къ улучшенію. Въ первыхъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича, на Дону стали строить часовни, а на кладбищахъ *голубцы* [a], около же 1660 года въ Черкаскѣ была уже построена первая церковь Воскресенія.

Въ половинѣ XVII столѣтія на Дону было много достаточныхъ людей, Разинъ вдругъ обогатилъ ихъ такъ, что въ Черкаскомъ городкѣ было уже нѣсколько порядочныхъ домовъ, построенныхъ по Азіатскому образцу; а въ другихъ городкахъ явились деревянныя церкви, и вмѣсто землянокъ, рубленыя избы. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, лучшіе Донскіе Атаманы, пріохоченные ласковымъ пріемомъ и почестями, при Дворѣ имъ оказываемыми, часто живали въ Москвѣ, и присмотрѣвшись къ жизни Бояръ Русскихъ, не стали чуждаться пышности, и непримѣтно удаляясь отъ старинныхъ обычаевъ, исподоволь вводили у себя разныя новости. Атаманы: Наумъ Васильевъ, Иванъ Семеновъ, Корнилій Яковлевъ и Михайло

(a) Родъ бесѣдокъ, строимыхъ на кладбищахъ и служащихъ вмѣсто надгробныхъ памятниковъ

Самаринъ принадлежа къ числу богатыхъ Казаковъ, сдѣлались особенно извѣстными введеніемъ новостей въ общежитіи; но Атаманъ *Фролъ Минаевъ* первый, кажется, переступилъ за предѣлы простой жизни, и съ его времени, то есть, съ 1680 года, начинается второй періодъ въ отношеніи къ общежитію Донцовъ; ибо обычаи уже замѣтно измѣнились и нравы приняли лучшее направленіе. Съ смертію Разина кончился настоящій рыцарскій бытъ Донцовъ: Алексѣй Михайловичъ, встревоженный народнымъ мятежемъ, взялъ надлежащія и болѣе строгія мѣры къ удержанію буйнаго удальства и вольныя промыслы Казаковъ были нѣсколько ограничены. Петръ Алексѣевичъ положилъ имъ предѣлы еще болѣе тѣсные.

До покоренія Азова въ 1696 году, острый бусурманскій мечь и пламя безпрерывно маячили въ глазахъ Казаковъ, и хотя они уже были богаты и довольно сильны, и вели жизнь болѣе осѣдлую нежели кочевую; но жизнь ихъ была весьма заботна, и часто тотъ, кто ходилъ въ гродетуровомъ зипунѣ, не имѣлъ куска хлѣба, и не зналъ куда голову приклонить. Служа передовою стражею противу хищныхъ Крымскихъ Татаръ, Ногаевъ, Калмыковъ и Черкесъ, которые Украинскіе наши города и селенія почитали своею вотчиною, доставлявшею имъ ежегодный, вѣрный доходъ; Казаки не могли обзаводиться прочнымъ хозяйствомъ, посему землю пахать, до временъ

Петра Великаго, и сами Цари имъ не соизволяли: „*дабы воинскимъ промысламъ помѣшки не было,*" для исполненія чего, *войско* (такъ называлось Правительство Донское) учинило строгій приговоръ, „*если который Казакъ станетъ пахать, того бить до смерти и грабить.*" Покореніе Азова и построеніе Таганрога доставило Петру Великому возможность обезпечить спокойствіе своей Украйны и вмѣстѣ съ тѣмъ смирить своевольство Казаковъ.

На какой степени просвѣщенія и нравственности находились Донскіе Казаки въ первые годы царствованія Петра I, покажетъ представляемый у сего читателямъ любопытный отрывокъ, изъ сочиненія Вице-Адмирала Крюйса переведенный съ Голландскаго подлинника, подъ заглавіемъ: *Описаніе Дона и канала предполагаемаго для соединенія Волги съ Дономъ,* *съ картою,* иждивеніемъ Его Царскаго Величества напечатаннаго въ Амстердамѣ въ 1703 году. Въ семъ современномъ сочиненіи, кромѣ нѣкоторыхъ историческихъ ошибокъ, которыя мы выпускаемъ, заключается достовѣрнѣйшее описаніе Донскаго края, и особенно нравы Казаковъ тогдашняго времени изображены съ величайшею вѣрностію.

„При впаденіи рѣки Вороны въ Донъ, начинается Казачья земля. Городки, лежащіе на Дону, весьма не корыстны, имѣютъ мало замѣчательнаго, могущаго остановить вниманіе любопытныхъ. Большая ихъ часть построены на островахъ,

обнесены двойными палисадами, въ нѣкоторыхъ есть цитадели, состоящія изъ рубленыхъ круглыхъ башенъ, защищаемыхъ достаточнымъ гарнизономъ."

„*Черкаскъ*, главный изъ Казачьихъ городковъ, построенъ на острову, составляемомъ рукавами Дона; укрѣпленъ по старинному бастіонами и круглыми башнями, вооруженныхъ 80 орудіями, добытыхъ Казаками съ Турецкихъ кораблей. Гарнизонъ состоитъ изъ семи или осьми тысячъ человѣкъ конныхъ, пѣшихъ и матросовъ. Черкаскъ имѣетъ удобную, торговую пристань. Домы, кромѣ немногихъ, по причинѣ долго продолжающейся водополи, строются на сваяхъ, весьма тѣсно, почти безъ дворовъ и раздѣляются на два жилья. Одна половина дома съ печьми для жилья зимою, въ другой проводятъ лѣто; въ сей послѣдней стѣны всегда бѣлы и содержатся въ такой чистотѣ, какъ посуда. Въ Черкаскѣ Казаки держатъ совѣты о военныхъ дѣлахъ, и тутъ мѣстопребываніе ихъ Атамана."

„Почва земли по обоимъ берегамъ Дона не одинакова: есть лѣса, каменистые бугры, песчаные холмы, мѣловые и другія горы, посему много есть мѣстъ неудобныхъ для хлѣбопашества. На низменныхъ же мѣстахъ, по берегамъ рѣкъ, земля такъ жирна, что безъ унавоживанія жители получаютъ отъ работъ своихъ вдвое противъ того, что земледѣльцы добываютъ въ другихъ странахъ. При всѣмъ томъ, хлѣбопашество у Казаковъ

въ презрѣніи: имъ занимаются только невольники изъ плѣнныхъ, которые едва сѣютъ столько хлѣба, сколько потребно для прокормленія семействъ, къ коимъ они принадлежатъ. Здѣшніе лѣса приносятъ разные плоды, какъ то: яблоки, груши, вишни, смородину и проч. безъ всякаго присмотра. Донскіе Казаки недостатокъ хлѣба замѣняютъ рыбою, разнымъ мясомъ, яйцами и молокомъ; всего этого у нихъ находится въ излишествѣ. Имъ стоитъ только бросить сѣть, что бы имѣть рыбу; ибо Донъ изобилуетъ осетрами, бѣлугами, стерлядями, щуками, окунями и проч. Всѣ сіи рыбы весьма вкусны и такъ дешевы, что сазана въ 24 фунта мы, (говоритъ Крюйсъ), покупали за копѣйку. Рогатаго скота, овецъ, свиней и всякой дичи на Дону множество. Казаки, какъ и многіе Сѣверные народы, охотники до крѣпкихъ напитковъ; однако въ походѣ, особенно въ морскихъ поискахъ, рѣдко встрѣтите пьянаго; ибо запрещается имъ подъ опасеніемъ строгаго наказанія брать съ собою вино и водку: обыкновеніе, достойное похвалы въ такомъ народѣ, который многіе почитаютъ варварскимъ; въ семъ отношеніи Казаки превосходятъ нашихъ (*Голландскихъ*) матросовъ.“

„Земскіе обычаи Донскихъ Казаковъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, какъ мало извѣстные, стоятъ того, чтобы описать ихъ нѣсколько обстоятельнѣе. Они вообще бѣлолицы, сановиты и храбры. Болѣзней почти не знаютъ.

Большая часть умираетъ или въ сраженіяхъ съ непріятелемъ, или отъ старости. Женщины красавицы [a], имѣютъ глаза темные, большія ноги, маленькія руки; волосы черные, правильные черты; очень обходительны и вѣжливы съ чужестранцами. Платье носятъ точно такое же, какъ Турчанки, съ тою только разницею, что головной уборъ нѣсколько ниже: онѣ не закрываютъ лицъ. Всѣ наблюдаютъ большую опрятность въ одеждѣ, мужчины носятъ почти Польскіе кафтаны.“

„Казаки добродушны и щедры, не копятъ богатства; имѣютъ много ума, хитры и особенно искусны въ военномъ дѣлѣ. Никто лучше Казака не умѣетъ напасть на непріятеля быстро и нечаянно, заманить его въ засаду и воспользоваться малѣйшею его оплошностію. Они весьма храбры, равнодушно переносятъ голодъ, жажду и всѣ случающіяся въ войнѣ тягости. Жаль, что при такихъ качествахъ они легкомысленны и непостоянны, хотя въ бумагахъ и называютъ себя всегда *вѣрными*. Они любятъ вольность, и свое правленіе, въ которомъ каждый Казакъ имѣетъ равное участіе; по сей причинѣ нѣтъ у нихъ родоваго дворянства, и подчиняются одному только начальнику, который избирается ими единогласно. Они называютъ его Войсковымъ Атаманомъ, подъ нимъ участвуютъ въ управѣ Старшины и Есаулы.

(a) Большею частію изъ плѣнницъ, Черкешенокъ, Турчанокъ и Татарокъ.

Сіи, также какъ и Войсковой Атаманъ избираются, и не легко могутъ отказаться отъ поручаемой имъ должности: часто случалось, что таковыхъ, почитая измѣнниками, или недоброжелателями общей пользѣ, казнили смертію. Когда избранному объявляютъ его чинъ, онъ благодаритъ собравшихся *на Кругъ* за честь, и клянется *братьямъ* (инаго названія Казаки другъ другу не даютъ) до *исхода души своей* не щадить жизни для общаго блага и быть вѣрнымъ исполнителемъ возложеннаго на него порученія. "

„Должность Войсковаго Атамана состоитъ въ надзорѣ за правосудіемъ и въ предводительствованіи войскомъ, когда оно все выступаетъ въ походъ. Власть его хотя не ограничена закономъ, но стѣснена обычаями, такъ что малѣйшій проступокъ, особенно неудачный походъ, могутъ стоить ему головы; но тотъ изъ нихъ, который успѣетъ угодить правленіемъ своимъ Казакамъ, уже правитъ ими самовластно. Избранный Казаками Войсковой Атаманъ, подтверждается въ своемъ званіи отъ Его Царскаго Величества, и если оно послѣдуетъ, то Атаманъ остается по смерть въ своемъ достоинствѣ. Кромѣ Войсковаго Атамана, каждый городокъ для судныхъ дѣлъ имѣетъ своего Атамана, называемаго Станичнымъ, а для городоваго управленія Есаула, которые перемѣняются ежегодно. Власть Есаула и уваженіе, которымъ онъ пользуется, сходны съ властію древнихъ Аѳинскихъ Архонтовъ. Есаулъ, какъ градской

глава, долженъ итти въ полѣ впереди своей дружины. Хотя Казакамъ и позволено имѣть свое правленіе, избирать своихъ начальныхъ людей и разбираться въ домашнихъ ссорахъ старыми обыкновеніями; но какъ Русскіе и подданные Царя, они повинуются Ему и Воеводамъ Его, какъ люди служилые."

„Между дозволенными правами, есть одно *иногда* употребляемое Донцами, а именно: осужденіе на смерть женъ своихъ и власть разводиться съ ними, не давая никому въ томъ отчета и не вѣдаясь съ обвиненными судомъ. Сіе дѣлается просто, слѣдующимъ образомъ: если мужъ наскучитъ женою, то онъ чрезъ *глашатая* велитъ собраться народу на рынокъ и взявъ ее за руку, вступаетъ съ нею въ *кругъ*, произнося слѣдующія слова: „*Друзья и братья, вѣрные Казаки! я нѣсколько времени имѣлъ женою* такую-то. *Она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ. Кто ее желаетъ, можетъ ее взять.*" Сказавъ сіе, онъ отнимаетъ отъ нее свою руку, и она свободна. Если кто изъ присутствующихъ, Казакъ или пришлый, захочетъ взять ее къ себѣ въ жены, тотъ платитъ мужу небольшую сумму денегъ. Впрочемъ мужъ имѣетъ безпрекословное право жену свою бить, продавать, можетъ даже за малѣйшую вину убить ее, или утопить."

„Воровство наказывается у нихъ весьма строго: показаніе двухъ достовѣрныхъ свидѣтелей достаточно для того, чтобы обличеннаго казнить смертію.

Сіе производится слѣдующимъ образомъ: въ верхнемъ кафтанѣ преступника зашиваютъ рукава, набиваютъ ихъ пескомъ, а потомъ связавъ руки и ноги бросаютъ въ Донъ, безъ малѣйшаго отлагательства времени."

„Между Казакам и мало находится художниковъ, ремесленниковъ, или людей, которые жили бы торговлею. Кромѣ починки оружія и сбруи, они сами для себя ничего не дѣлаютъ, и все добываютъ грабежемъ, особенно морскими поисками, въ чемъ съ дѣтства прилежно упражняются. Женщины сидятъ за прялицею, вообще болѣе трудолюбивы, но также любятъ наряды и праздность. Казаки прилежно ухаживаютъ за конскими и верблюжьими табунами, ибо сіи животныя нужны имъ для дальнихъ походовъ, а особенно съ Татарами, Калмыками и за-Кубанскими Горцами, которые всѣ воюютъ на коняхъ. Оружіе Казаковъ состоитъ изъ луковъ и стрѣлъ, саблей и винтовокъ, которыми стрѣляютъ очень мѣтко и скоро. Пушекъ кромѣ крѣпостей, въ полѣ не употребляютъ и обходиться съ ними не умѣютъ."

„До 1703 года, Казаки побѣждали одною храбростію, теперь сражаются они съ бо́льшимъ искуствомъ; ибо служа при арміи, научились отъ войскъ Его Царскаго Величества строиться и дѣлать разные повороты: раздаваться, смыкаться и удвоивать ряды; стрѣлять поочередно, проходить въ интервалы и проч. Нынѣшніе Казаки въ чистотѣ движеній и дѣйствіи ружьемъ подходятъ

къ Нѣмцамъ, даже *Голландцамъ* (писалъ Голландецъ) и другимъ народамъ. Подъ предводительствомъ Атамановъ и Есауловъ своихъ, они раздѣляются теперь на полки и сотни, и состоятъ изъ пѣхоты и конницы. При осадахъ Азова, Шлиссельбурга и прочихъ крѣпостей, они служили какъ драгуны и рейтары, и дѣйствуя правильно, въ полной мѣрѣ оказали свою храбрость.“

Сіе свидѣтельство иностранца, даетъ полное понятіе о жизни и свойствахъ Казаковъ временъ Петровыхъ. Доблій сей Царь, при осадѣ Азова ближе познакомившись съ домашнимъ бытомъ Донцовъ, рѣшился измѣнить его какъ не приличный для воиновъ, при тогдашнемъ же положеніи Государства, ненужный для политики, и вредный для ихъ самихъ. Онъ приступилъ къ тому съ удивительнымъ для юноши благоразуміемъ и осторожностію: предписавъ въ Россіи повсемѣстное употребленіе Нѣмецкаго платья и бритье бороды, не наложилъ сихъ обязанностей на Донцовъ; и не нарушая коренныхъ обычаевъ и древней простоты ихъ нравовъ, Государь, съ добрымъ сердцемъ и благою мыслію приступилъ ко введенію между Казаками урядства и гражданственности: постепенно, не торопясь.

Во первыхъ, для исправленія ихъ нравственности, Государь своимъ иждивеніемъ построилъ по городкамъ нужное число церквей и часовенъ, далъ все нужное для содержанія ихъ, приказалъ совершать браки по уставамъ Церкви, и строго

запретилъ наложничество, самовольный разводъ съ женами и вѣнчаніе по старому Казачьему рыцарскому обычаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Бургундскіе винодѣлы, близъ Цымлянской станицы, насаждали виноградъ, приказано по всей Донской землѣ разводить сады и огороды, и непремѣнно сѣять столько хлѣба, сколько нужно для ежегоднаго содержанія всего населенія Донской земли. Важнѣйшее измѣненіе старины, начавшейся съ 1700 года, состояло въ преобразованіи Войсковой управы, которой въ настоящемъ значеніи еще не было; ибо шумныя и безчинныя собранія *Войсковаго круга*, гдѣ всякой вопилъ и требовалъ исполненія того, чего ему хотѣлось, не льзя было назвать правительствомъ благоучрежденнымъ. Вмѣсто прежней *неурядицы*, вошедшей въ пословицу, учреждено *Правленіе Старшинъ*, посредствомъ коего власть правительственная перешла, изъ рукъ буйной толпы, въ руки Войсковаго Атамана и немногихъ Старшинъ, составившихъ Управу Войска, въ званіи представителей и ходатаевъ, избранныхъ отъ всѣхъ городковъ, или станицъ Казачьихъ, и дѣйствовавшихъ во всемъ по повелѣнію Верховной власти. Сіи *Старшины*, подъ предсѣдательствомъ Войсковаго Атамана, рѣшали гражданскія дѣла и объявляли приговоры свои, основанные на совѣсти, здравомъ смыслѣ и принятыхъ издревле понятій и обычаевъ: законовъ писанныхъ Казаки все еще не имѣли. Исполненіе Царскихъ указовъ, всѣ походныя назначенія и наряды очередной при арміи службы, и вообще

всѣ военныя дѣла, съ сего времени стали производиться по распоряженію Войсковаго Атамана и Старшинъ. *Войсковые же круги* сколь можно рѣже сзывались въ случаяхъ особенной важности, и то только тогда, когда члены Правительства найдуть то нужнымъ. По волѣ Войсковаго Атамана, и то вѣроятно для того, чтобы не вдругъ измѣнить прежній обрядъ, иногда для разсужденія о походномъ дѣлѣ, приглашались на совѣтъ люди *разумные, бывалые.* Войсковое правленіе въ семъ періодѣ называлось *Канцеляріею войсковыхъ дѣлъ*, въ немъ *Войсковой Есаулъ* докладывалъ дѣла, а *Войсковой Дьякъ* подписывалъ ихъ. Исполнительная власть принадлежала Войсковому Атаману. Не смотря на многія другія благодѣтельныя и полезныя учрежденія, Казаки, недовольные желаніемъ Государя, остановить бродяжничество, переселеніе раскольниковъ изъ Россіи на Донъ, бѣгство ихъ на Кубань; и ограничить самовольное распространеніе границъ Донской земли, и построеніе новыхъ городковъ не на показанныхъ мѣстахъ, по наущенію дерзновеннаго Буловина, тайно руководимаго Мазепою, взбунтовались. Гнѣвный Государь, не терпѣвшій никакихъ безпорядковъ, а паче неподчиненности, усмиривъ строптивыхъ и непокорныхъ, заплатилъ имъ новыми благодѣяніями. Послѣ Буловинскаго бунта, избранный вольными голосами въ Войсковые Атаманы Максимъ Фроловъ, сынъ знаменитаго Фрола Минаева, утвержденъ Государемъ въ семъ званіи на всю жизнь. Нѣкоторые полагаютъ, что не прежде 1717 года

другой сынъ Минаева, Василій Фроловъ, былъ утвержденъ Государемъ въ званіи Войсковаго Атамана на всю жизнь. По свидѣтельству же Крюйса, какъ болѣе вѣроятному, должно почитать, Лукьяна Максимова (около 1700 года) первымъ, который, по избраніи его вольными голосами, былъ Государемъ утвержденъ въ званіи Войсковаго Атамана по смерть. Симъ средствомъ власть Атамановъ упрочена, и они, не имѣя болѣе нужды, для поддержанія себя, потворствовать вольницѣ, пріобрѣли болѣе уваженія отъ народа и сдѣлавшись значительнѣе, могли исполнять Высочайшія повелѣнія съ большею настойчивостію. Наконецъ, въ 1721 году, Донское войско изъ вѣденія Сената поступило въ вѣденіе Военной Коллегіи, и съ сего времени исполненіе ея указовъ сдѣлалось точнѣе и рѣшительнѣе.

Въ царствованіе Петра Великаго, Казачьихъ городковъ или станицъ считалось 121; изъ коихъ 30 лежали по Донцу, 20 по Хопру, 11 по Медвѣдицѣ, 10 по Бузулуку, прочія по Дону. Въ сіе же время народонаселеніе Донской земли простиралось до 60,000 человѣкъ. Въ мирное время только 10,000 изъ нихъ, а въ военное отъ 15 до 20,000 отправляли службу. Съ 1711 года при объявленіи Турціи войны, 14,266 человѣкъ, бывшихъ въ походѣ стали получать содержаніе отъ казны [a].

(a) См. Голикова Дополн. XXII, 264

Фролъ Минаевъ, котораго Государь за отличную службу, вмѣсто Фролки сталъ называть *Минаичь*, не менѣе двадцати разъ былъ избираемъ въ Войсковые Атаманы и въ продолженіе 50 лѣтъ дѣятельной, воинской жизни, успѣлъ пріобрѣсть значительное богатство. Проживши при дворѣ Петра Великаго довольно долгое время, онъ въ старости своей любилъ показывать у себя заимствованную отъ Русскихъ вельможъ пышность. Обширный домъ его, лучшій въ Черкаскѣ, стоялъ на прекрасномъ мѣстѣ. Плѣнные Татара и Турки составляли его прислугу: они смотрѣли за конюшнею, за псовою охотой; безъ гостей были обыкновенными его собесѣдниками, обѣдали и ужинали съ нимъ вмѣстѣ; а при гостяхъ, вмѣстѣ съ тремя его сыновьями служили ему за столомъ. Хозяйкѣ уже не запрещалось показываться гостямъ, и Фролъ Минаичь, кажется, былъ первый на Дону, у котораго общество украсилось присутствіемъ женщины. Всякой Казакъ говорилъ ему просто: *ты Фролъ Минаичь* или *твоя милость.* Къ нему приходилъ всякой кто хотѣлъ, безъ зова. Старики разсказывали о своихъ походахъ, о дѣлахъ предковъ; молодые, почтительно стоя въ сторонѣ, со вниманіемъ слушали. Часто разсказы сіи, столь близкіе къ сердцу каждаго Казака, напоминали объ отличномъ подвигѣ котораго нибудь изъ собратій; тогда являлась *стойка* пѣнистаго меда, и сыновья Фрола, а иногда и самъ онъ, подносили старикамъ заздравные ковши и воспламенѣнные симъ старцы запѣвали

богатырскія пѣсни. Угощеніе его доказывало избытокъ. Комнаты въ домѣ его были устланы богатыми Персидскими коврами, вдоль по стѣнамъ съ одной стороны были лавки, а съ другой простаго дерева раздвижныя стулья; на кои, для знаменитыхъ только гостей, клались подушки, шитыя золотомъ и серебромъ по червчатому атласу; на стѣнахъ развѣшано было богатое оружіе и конская збруя; за столомъ, отъ стакановъ до чашъ и блюдъ, все было серебреное.

По усмиреніи Буловинскаго бунта, рыцарскія времена и промыслы для Казаковъ миновали. Государь, какъ мудрый властитель, не смотря на упрямое сопротивленіе и закоренѣлую привычку жить *вольно*, не покоряясь никакому порядку и закону, шелъ не останавливаясь, шелъ исполинскими стопами отъ улучшенія къ улучшенію; и, какъ заботливый хозяинъ, не упустилъ ни единой возможности сдѣлать добро, и извлечь пользу изъ предмета, по видимому безплоднаго. Великій Царь, съ свойственною только Ему дѣятельностію, трудился съ такимъ постоянствомъ и силою *воли*, что Казаки вскорѣ, почти невзначай, увидѣли себя въ лучшемъ положеніи, въ новомъ быту; и по неволѣ должны были жить какъ велятъ, а не какъ хочется. Кругъ занятій, увеселеній ихъ развернулся; домашняя, семейная ихъ жизнь сдѣлалась разнообразнѣе; въ строеніяхъ оказалось болѣе удобства и чистоты; и Казаки мало по малу начинали обзаводиться, и радѣть о сель-

скомъ хозяйствѣ. Постепенное пріобрѣтеніе собственности, постепенное и образованіе вводило; нравы и обычаи сообразно сему также измѣнялись. При Атаманѣ Васильѣ Фроловѣ [a] (1716 г.) видпѣется уже нѣкоторая прочность въ обсѣдлости и домоводствѣ; но своеволіе народнаго управленія, и привычки рыцарскихъ временъ, еще долгое время останавливали ходъ просвѣщенія и вредили вводимому порядку.

(a) Дѣти знаменитаго Минаича, вѣрнаго Царю слуги, по обычаю предковъ, приняли фамилію *Фроловыхъ*

V. НРАВЫ И ОБЫЧАИ
ТРЕТЬЯГО ПЕРІОДА.
по 1775 годъ.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ КАЗАКОВЪ.

По смерти Петра Великаго общежитіе Казаковъ быстро начало усовершаться. Сему наиболѣе способствовали нѣкоторыя обстоятельства, измѣнившія отношенія Донцовъ къ ихъ сосѣдамъ. Правительство запретило Казакамъ, (исключая военнаго времени) производить морскіе набѣги, и для вѣрнѣйшаго ихъ удержанія отъ сего, въ 1729 году, ниже Черкаска построена была крѣпость *Святыя Анны.* Вскорѣ затѣмъ Азовъ былъ взятъ и срытъ до основанія (1739 г.) а годомъ прежде, безъ выбора народнаго по Высочайшей волѣ пожалованъ изъ Старшинъ Войсковымъ Атаманомъ *Данило Ефремовъ* [a], человѣкъ преданный Двору, который, имѣя болѣе своихъ предмѣстниковъ власти и довѣренности, умѣлъ смирить строптивыхъ и устранить многіе безпорядки, тяготившіе внутреннее правленіе. Его стараніемъ и умомъ *Правленіе Старшинъ* заслужило общую довѣренность и уваженіе; и самъ онъ сдѣлался истиннымъ главою, Начальникомъ, служащаго войска. При его атаманствѣ *воля* народная уже ни въ чемъ не про-

---

[a] Тотъ самый, который уговорилъ Калмыцкаго Хана Дундукъ-Омбо возвратиться съ Кубани на Волгу.

являлась. Съ сего времени Казаки, не находя для себя пищи въ немногихъ военныхъ занятіяхъ внѣ жилищь, по неволѣ обратились къ семейной жизни и прилежнѣе стали заниматься домоводствомъ. Старики охотнѣе стали перенимать новости, кои ненарушали ихъ коренныхъ обычаевъ, и Русскія обыкновенія вводились почти непримѣтно. Умный *Ефремовъ*, имѣя, по тогдашнему времени, хорошій вкусъ, и съумѣвъ пріобрѣсть значительное богатство, самъ любилъ боярствовать, любилъ жить весело и поощрялъ къ тому своихъ подчиненныхъ. Въ его время на Дону жили, какъ говорится, припѣваючи. Въ нижнихъ юртахъ всегда было большое стеченіе народа; здѣсь царствовало веселіе. Весною и лѣтомъ, кромѣ Казаковъ, обыкновенно собиравшихся въ Черкаскъ, для очередной службы, по тяжебнымъ и торговымъ дѣламъ, Русскіе купцы изъ Воронежа, Бѣлгорода, Валуекъ, Ливенъ, Ельца, Оскола и другихъ, покрывали Донъ своими судами и привозили къ нимъ хлѣбъ, холстину, вино, медъ, порохъ и свинецъ. Въ то время кипѣла въ Черкаскѣ торговая дѣятельность; избытки Казачей добычи уже не въ такомъ количествѣ, какъ въ прежнія времена, или въ мѣну. Калмыки и Ногайцы пріѣзжали на Донъ или для продажи *ясыря*, лошадей, скота, или для того, чтобы погулять съ знакомыми имъ Казаками.

Важнѣйшее измѣненіе старины, послѣдовавшее при Ефремовѣ, состояло въ томъ, что хозяйки, и особенно пожилыя, уже свободно могли

показываться въ собраніяхъ мужчинъ; но все еще не смѣли онѣ вмѣшиваться въ общій разговоръ и одушевлять бесѣды своею любезностію. Дѣвицы пользовались еще меньшею свободою: воля ихъ ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ, онѣ только на свадебныхъ празднествахъ могли быть вмѣстѣ съ мущинами, все прочее время проводили онѣ въ домашнемъ одиночествѣ, или въ кругу своихъ подругъ. Занятія ихъ ограничивались шитьемъ и смотреніемъ за кухнею. Немного труда и искуства потребно было, чтобы получить званіе *чиберки*, (которое давалось досужимъ швеямъ), сшить *кубилекъ*, выстегать узорами одѣяло или кафтанъ, выстрочить *ожерелокъ* кривымъ *танкомъ*, *бурсачками*, *разводами* и проч. Этому обучали ихъ Татарки, и до сего времени почитающіяся на Дону славными *чиберками*. Весьма немногія обучались читать по Псалтырю или по Акафисту; писать же вовсе не учили, опасаясь, что грамотныя заведутъ переписку съ мужчинами, изъ коихъ впрочемъ весьма немногіе умѣли читать и писать, большая же часть съ трудомъ могли подписывать свою фамилію. Каждый праздникъ, дѣвицы въ нарядномъ платьѣ ходили вмѣстѣ съ бабушками или нянюшками, къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ; и только тутъ и на свадьбахъ могли онѣ украдкою взглядывать на мужчинъ, а говорить съ ними, Боже оборони! Ввечеру садились онѣ или расхаживали на крыльцахъ домовъ своихъ, скрываясь всякій разъ, какъ скоро завидятъ проходящаго молодаго мужчину. Иногда собрав-

шись, играли онѣ въ *кремешки*, въ *жмурки*, въ *лапту*, пѣли и плясали подъ пѣсни, подъ варганъ или подъ гребешокъ. Иногда подъ надзоромъ старухъ чинно и стройно водили хороводы по улицѣ. Мужчины, стоя поодаль, могли только въ нѣкоторомъ разстояніи любоваться играми дѣвицъ. Игры сіи и пляски во всемъ сходствовали съ Русскими. Зимою дозволялось дѣвушкамъ кататься *на каталкахъ*, т. е., съ разбѣгу скользить по льду на ногахъ. Всѣ сіи радости оканчивались за-свѣтло; и если бы которая, хотя немного запоздала, то мамушка нѣсколько дней сряду твердила бы ей: *„не стыдно ли дѣвушкѣ, до-поздна таскаться, что женихи скажутъ?“*

При Ефремовѣ, строгое затворничество женщинъ примѣтно стало ослабѣвать. Въ собраніяхъ подругъ, молодая хозяйка, держа въ одной рукѣ стаканъ съ медомъ, а другою подбоченившись, уже *дерзала* пристукивать каблуками своихъ туфель, и припѣвать: *„туфли къ милому глядятъ, полюбить его хотятъ.“* Дѣвицы же присвоили себѣ свободу выходить на улицу, то есть, сѣвши подлѣ *рундука* (помостъ, отъ котораго начинается лѣстница) смотрѣть на нее, погрызывая арбузныя или тыквяныя жареныя семена. Тутъ же, на раскинутомъ коврѣ, жены старшинъ, сдѣлавъ складку, и пославъ *ясырку* [a] купить меду въ кабакѣ;

---

[a] Плѣнныя Турчанки и Татарки употреблялись для услугъ; и теперь старообычныя старушки называютъ горничныхъ *ясырками*

передавая изъ рукъ въ руки кружку, выхваляли старину и пѣли духовныя стихиры. Проходилъ ли мимо нихъ мужчина, онѣ привѣтливо поклонившись, приглашали его: *подойди къ намъ родненькой*, и подчивали его медомъ, а тотъ выпивъ до дна и поблагодаривъ, клалъ имъ на подносъ деньги. Молодыя женщины позволяли себѣ еще болѣе: онѣ уже начали выходить на улицу, посидѣть и полюбоваться общимъ веселіемъ народа, т. е. просто, посмотрѣть на мужчинъ и себя показать въ праздничныхъ *кубелекахъ*. Не смотря на сію *вольность*, женщины обязаны еще были, на узкихъ помостахъ грязной улицы, уступать мѣсто всякому вооруженному Казаку, почтительно кланяться всякому пожилому, и не прежде садиться, какъ когда онъ отходилъ на довольное разстояніе. Молодые люди стыдились сдѣлать при старикѣ малѣйшую непристойность; иначе старецъ могъ наказать его, не опасаясь гнѣва родителей. Въ семъ періодѣ, въ бесѣдахъ даже и женщины любили говорить по Татарски, что принималось за знакъ хорошаго образованія.

Воспитаніе дѣтей было истинно военное: новорожденному, всѣ родные и знакомые отца приносили въ даръ *на зубокъ*, стрѣлу, патронъ, пулю, лукъ, ружье и т. п. Когда по истеченіи сорока дней, мать, взявъ въ церкви очистительную молитву, возвращалась съ ребенкомъ домой, отецъ надѣвалъ на него какъ нибудь саблю, сажалъ на лошадь, подстригалъ волосы въ кружокъ, и воз-

вращая сына матери, поздравлялъ ее съ *Казакомъ.* Когда у младенца прорѣзывались зубы, отецъ и мать, посадивъ его на лошадь, возили въ церковь служить молебенъ Іоанну воину о томъ, что бы сынъ ихъ былъ *храбрымъ Казакомъ.* Первыя слова, которымъ научали малютку были: *чу* (ѣхать) и *пу* (стрѣлять). Трехлѣтніе уже сами ѣздили на лошади по двору, а въ пять лѣтъ безстрашно скакали по улицамъ и участвовали въ дѣтскихъ маневрахъ.

Прадѣды Донцовъ любили попить и поѣсть: на званыхъ пирахъ бѣдный и богатый ставилъ на столъ непремѣнно полное число блюдъ. Обѣды начинались обыкновенно *кругликомъ* (пирогомъ) съ рубленымъ мясомъ и перепелками; за нимъ слѣдовало 8 или 10 холодныхъ: студень, сѣкъ, *лизни* (языки), приправленные солеными огурцами; полотки изъ поросенка, гуся, индѣйки, часть дикой свиньи въ разварѣ, лебедь, соленый журавль, все па разныхъ блюдахъ. Послѣ холодныхъ подавали горячія, также блюдъ до 10: щи, похлебку изъ курицы, сваренной съ сарацинскимъ пшеномъ и изюмомъ, борщъ, *моркву*, т. е. супъ изъ баранины съ морковью; *шурубарки* (ушки), *дулму*, изъ капусты съ рубленымъ мясомъ съ огурцами и батлажанами; лапшу, супъ изъ дикой утки и пр. Всѣ супы приправлялись лукомъ. Соусовъ вовсе не знали, а послѣ суповъ тотчасъ подавали жаркія: гуся, индѣйку, поросенка съ начинкою, цѣлаго ягненка съ чеснокомъ, часть дикой козы,

дрофы, дикихъ утокъ и другую дичину, все также на особыхъ блюдахъ. Между простымъ народомъ и теперь ѣсть телятину почитается за грѣхъ. Вмѣсто пирожнаго подавали: блинцы, лапшевникъ, кашникъ, молочную кашу, и наконецъ *урс*, кашу изъ пшена на кисломъ молокѣ приготовляемую, молоко сіе также называлось по Татарски *сюзьмою*. По милости, вѣчной памяти достойнаго Петра Алексѣевича, къ десерту подавали вкусные абрикосы, персики, виноградъ, вишни, бергамоты, яблоки и Царскія или Персидскія груши. За всякимъ кушаньемъ подавали медъ и вино, а дабы никто не отговаривался и выпивалъ до дна, то съ перваго стакана начинались тосты: первый, за здравіе Государя, хозяинъ возглашалъ: „*Здравствуй, Царь Государь въ Кременной Москвѣ, а мы Донскіе Казаки на тихомъ Дону.*" Потомъ слѣдовалъ тостъ войска Донскаго: „*Здравствуй, Войско Донское съ верху до низу и съ низу до верху.*" Потомъ пили здоровье Атамана, и по очереди всѣхъ гостей.

Въ старину на Дону не знали экипажей: Казаки всегда ѣздили верхомъ; однѣ только женщины употребляли простыя таратайки, покрытыя узорчатымъ войлокомъ. Въ повозки сіи запрягались клячонки, неспособныя къ верховой ѣздѣ: Казаки думали, что достоинство лошади оскорбляется упряжью. Первый *рыдванъ* появился въ домѣ Атамана Данилы Ефремова безъ рессоръ, на ремняхъ; усѣянный мѣдными гвоздями съ большими головками. Экипажъ сей новостію своею

такъ удивлялъ тогда всѣхъ жителей, что когда Атаманша ѣздила въ немъ по городу, то народъ выбѣгалъ на улицы и къ окнамъ, крича: *сама ѣдетъ*. Вскорѣ показалась у Ефремовыхъ *коляска* и *зимній возокъ*, росписанный яркими красками, обитый войлоками, бархатомъ, со стеклами и съ жаровнею посрединѣ. Экипажи сіи запрягались изувѣченными лошадьми; Калмыкъ занималъ мѣсто кучера; а дородная дѣвка босикомъ на запяткахъ вмѣсто слуги. Казакъ ни за что въ мірѣ не согласился бы поѣхать съ женщинами; это почиталось такимъ безчестіемъ, котораго ничемъ не льзя было загладить. Старшина Пав. Ѳом. Кирсановъ [a], уже въ послѣдней половинѣ минувшаго столѣтія, первый въѣхалъ въ *санялъ* на бѣгунѣ съ пристяжными, что изумило весь городъ. Спустя нѣкоторое время, другой Старшина, Мартыновъ, показался въ *одноколкѣ* на гордомъ конѣ.

Въ семъ періодѣ, въ семейной жизни, Казаки не различались по званію, или по состоянію: простой Казакъ, лѣтами и заслугами почтенный, въ частныхъ обществахъ равныя имѣлъ права съ Старшиною. Чинолюбіе было въ началѣ своемъ, оно еще не заразило, не испортило простоты. Чины, какъ рѣдкость, какъ малое исключеніе Царской милости къ весьма немногимъ, не

---

[a] Сыну котораго обязанъ я многими любопытными свѣдѣніями о Донскомъ бытѣ.

составляли еще предпочтительнаго достоинства; умъ и храбрость более уважались. Знаменитый *Краснощоковъ* не по чину своему, а по удальству и наѣздничеству почитался на Дону первымъ, и не смотря на то, что онъ не былъ Войсковымъ Атаманомъ; но мнѣніе его въ важныхъ войсковыхъ дѣлахъ предпочиталось всѣмъ другимъ. Хотя званіе Войсковаго Атамана перестало быть избирательнымъ, и власть его сдѣлалась значительнѣе, прежнее обхожденіе не измѣнялось. Атаманы: *Данило Ефр. Ефремовъ*, бывшій уже Генералъ-Маіоромъ и послѣ Тайнымъ Совѣтникомъ; сынъ и преемникъ его *Степанъ Даниловичъ* (1753 г.); и *Алексѣй Ив. Иловайскій* (1774 г.) люди уже знатные и чиновные, не чуждались сообщества Казаковъ, и даже въ военное время не отвергали во многихъ случаяхъ совѣта рядоваго Казака. Къ нимъ всякій приходилъ какъ къ своему товарищу и за-просто говорилъ имъ *ты*. Въ Рождество старики и знатные Старшины [a], ходили вмѣстѣ изъ дома въ домъ *Христа славить*, начиная обыкновенно съ Войсковаго Атамана. Самъ Атаманъ приставалъ къ обществу Старшинъ и вмѣстѣ съ ними ходилъ ко всѣмъ жителямъ города. Во всякомъ домѣ пѣли они: *Христосъ раждается*, за что хозяинъ обязанъ былъ заплатить имъ. Собранныя такимъ образомъ деньги, иные отдавали въ церковь; дру-

---

(a) До 1754 года, Старшины избирались и смѣнялись народомъ, безъ отношенія къ высшему Правительству; съ сего же года избранныя Старшины подтверждались въ своемъ званіи Военною Коллегіею.

гіе покупали на нихъ медъ и отъемное Царское вино для бесѣдъ своихъ.

СМОТРЪ ВОЙСКУ И ВОЙСКОВОЙ СУДЪ.

Въ третьемъ періодѣ, *все великое Войско Донское* уже не всегда собиралось къ Черкаску; и не было въ томъ надобности: набѣги и военные промыслы производились только частно, одними *отвагами.* Но какъ Казаки, особенно *Низовые,* еще не привыкли къ тихимъ домашнимъ упражненіямъ, то Войсковые Атаманы старались забавлять ихъ, пользуясь всякими приличными къ тому случаями. Когда полки, назначенные для смѣны другихъ, находившихся въ пограничной стражѣ и въ обоихъ Столицахъ для посылокъ и почтовыхъ разъѣздовъ, становились лагеремъ для смотра, жители города оживлялись воспоминаніемъ древнихъ рыцарскихъ своихъ потѣхъ. Всякой день, пока полки оставались близъ города, въ присутствіи Войсковаго Атамана обучались они, и повторяли всѣ обороты, употребляемые ими противу непріятеля. Полки, въ Черкаскѣ находившіеся, строились лавою на ударъ, нападали съ *гикомъ* и стрѣльбою, разсыпались, наѣздничали, перестрѣливались; и на всемъ скаку стрѣляли въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ.

Въ Маіѣ многолюдство въ городѣ увеличивалось; ибо въ сіе время *все великое войско Донское*

разсматривало дѣла станицъ и распредѣляло Казаковъ. Для сего Войсковой Атаманъ съ Старшинами, составлявшими Правительство, выходилъ за городъ на возвышенныя мѣста, кои не потоплялись бывающими въ семъ мѣсяцѣ разливами Дона, и тамъ, разбивъ лагерь, творили судъ. Являлись челобитчики съ просьбами объ отставкѣ, о поновленіи границъ, о которыхъ выходилъ между Станицами споръ; и ни одинъ не отходилъ недовольнымъ. Изувѣченный на войнѣ, получалъ отставной листъ и небольшую награду; спорное же дѣло, сонмъ старѣйшинъ поручалъ одному изъ среды своей разобрать на мѣстѣ; тотъ склонялъ тяжущихся къ согласію на *общую правду*, т. е. на рѣшеніе старожила. Сей, поклявшись на Евангеліи поступать по совѣсти, долженъ былъ съ иконою въ рукахъ пройти точно по тѣмъ мѣстамъ, какъ помнилъ онъ прежнюю межу; и дѣло кончалось, безъ дьяка, безъ проволочки, скоро, рѣшительно, безъ большихъ издержекъ; но къ сожалѣнію, не льзя сказать, чтобы всегда справедливо: человѣческій судъ не можетъ быть правдивымъ, нелицепріятнымъ, беспристрастнымъ. За всѣмъ тѣмъ, тяжебныхъ дѣлъ было еще мало. Вообще всѣ Казаки, а особенно жившіе въ верховыхъ Станицахъ (6), поставляли себѣ въ обязанность мирить всякія ссоры и тяжбы. Тамъ Станичные Атаманы и старики, избираемые тяжущимися, рѣшали дѣла словесно, сами кланялись

---

(6) Въ семъ періодѣ городки назывались уже Станицами.

въ ноги тяжущимся, чтобы они помирились и не ѣздили судиться въ Черкаскъ. Обличенные въ какомъ либо насиліи, тутъ же среди Круга на сходкѣ наказывались *насѣками* [a] Есауловъ, которые всегда находились при Атаманахъ, и подобно Римскимъ ликторамъ, впереди ихъ ходили. Если станичные Атаманы не успѣвали примирять тяжущихся, то высылали ихъ въ Черкаскъ. Спорщики сѣвши на коней, степью, или на *каюкъ* Дономъ пускались въ Черкаскъ; но наскучивши дальнею дорогою, уединеніемъ, и боязнію издержекъ, выпивши по чаркѣ, будто неумышленно заводили между собою разговоръ; выпивши по другой, забывали о враждѣ, и съ половины дороги возвращались домой примирившись.

Старѣйшины главнаго судилища занимались дѣлами только до полудня, а остатокъ дня проводили въ забавахъ. Забавы сіи имѣли общій характеръ, свойственный народу воинственному. По тѣснотѣ улицъ въ Черкаскѣ, толпы веселаго, дѣятельнаго народа выходили за городъ къ палисаднику, которымъ обнесенъ былъ весь городъ, или въ сады. Здѣсь молодежъ, одни съ ружьями, другіе съ луками и стрѣлами, размѣривъ мѣсто, разставляли цѣли, и вотъ: первая стрѣла вонзилась надъ кругомъ, вторая вошла въ кругъ, третья въ самую середину круга. Пули одна другой мѣтче: рѣдкая возвысится или понизится на

(a) Трость съ серебрянымъ наболдашникомъ и доньнѣ употребляемая во время церемоніаловъ Станичными Атаманами и ихъ Есаульцами.

палецъ. Яйцо брошенное вверхъ, на лету разбиваемо было въ дребезги. Воинственные юноши проводили въ сихъ забавахъ большую часть дня, безпрерывное упражненіе въ стрѣльбѣ доставляло имъ удивительную мѣткость: были между Казаками такіе стрѣлки, которые выбивали пулею монету, положенную между пальцами, не зацѣпивъ держащаго ее. Разсказываютъ, что Государь Петръ Первый, во время похода подъ Азовъ, остановившись въ Верхне-Курмоярской Станицѣ, и замѣтивъ утку, плавающую подъ противоположнымъ берегомъ Дона, изволилъ спросить: нѣтъ ли тутъ Казака, который застрѣлилъ бы ее? Вызвался молодой воинъ *Пядухъ*, поднялъ пищаль и убилъ утку не цѣлившись. *Исполать, Казакъ!* сказалъ Государь, *и я убью, но только прицѣлюсь.*

Въ продолженіе смотра Войску, мальчики выходили изъ города цѣлыми легіонами: они раздѣлялись на двѣ арміи, выбирали себѣ предводителей и близь палисадника строили лагерь изъ камыша. Въ бумажныхъ шапкахъ и лядункахъ, съ бумажными знаменами и хлопушками, на палочкахъ верхомъ, сходились, высылали стрѣлковъ и *наѣздниковъ-забіякъ*, нападали, сражались, рубились лубочными саблями, кололи другъ друга легкими тросточками, отбивали знамена, брали въ плѣнъ; и съ трофеями побѣды, при звукѣ трещетокъ, тазовъ, сковородъ, съ пѣснями и грѣбешковою и дудочною музыкою, торжественно возвращались въ городъ. Старики и самъ Ала-

манъ подзывали къ себѣ проворнѣйшихъ, ласками ихъ, и въ награду дарили лакомствами.

Старики, размѣстившись въ бѣсѣдахъ, подлѣ *рундуковъ* или въ *голубцахъ*, и усѣвшись кружками, каждый поочередно приносилъ *ендову* крѣпкаго тройнаго *касильчатаго* меда и разнося кружки за упокой усопшихъ, и въ честь живущихъ, пѣли священные гимны и богатырскія пѣсни, повторяемыя всею бесѣдою, съ присказкою по окончаніи каждой пѣсни: „*Да! заслужили наши Казаки Богу, Государю и всевеликому войску Донскому!* Иногда пускали по Дону деревянные поплавки, съ прикрѣпленною къ нимъ цѣлью. Стрѣлки собирались къ станичнымъ избамъ, которыхъ по числу Станицъ города Черкаска было девять. Избы сіи были построены на берегу Дона: начиналась стрѣльба со всѣхъ станичныхъ избъ, и которая станица прежде успѣвала сбить цѣль, ту прочія станицы обязаны были угощать сивушкою и медомъ.

При смотрѣ войска, ежедневно послѣ обѣда, нѣсколько Казаковъ, въ угожденіе Начальникамъ, на короткомъ разстояніи пробовали коней своихъ на скачкѣ, на поворотахъ, гарцовали предъ ними, стрѣляли въ цѣль и т. п. Иногда для потѣхи Атамановъ-молодцовъ, Калмыки, приписанныя къ войску, приводили въ лагерь своихъ силачей-борцевъ. Богатыри сіи обнажались до половины и вымазывались жиромъ: побѣдителемъ признавался изъ нихъ тотъ, который противника своего

бросить на землю вверхъ лицомъ. Борьба сія часто стоила жизни или увѣчья одному изъ подвижниковъ; но это не мѣшало побѣдителю и державшимъ за него закладъ пировать на счетъ побѣжденнаго и его стороны. Непримѣтно вечеръ заставалъ пирующихъ, и все собраніе расходилось по домамъ на-веселѣ.

ПЕРЕПИСЬ МАЛОЛѢТКОВЪ.

Малолѣтками называются юноши, достигшіе девятнадцати-лѣтняго возраста, срока, въ который ихъ переписываютъ для пріуготовленія къ службѣ, на два года отпускаютъ домой, а послѣ сего времени они уже поступаютъ въ дѣйствительную службу, и несутъ ее въ свою очередь наровнѣ съ прочими. Для переписи ихъ, для приведенія къ присягѣ на вѣрность службы и внесенія ихъ въ списки, Войсковой Атаманъ назначалъ удобное мѣсто, куда собирались изъ 20, 30 и болѣе станицъ, Атаманъ съ выборными стариками, и всѣ *малолѣтки* на лучшихъ коняхъ и въ полномъ походномъ вооруженіи.

Обширный лагерь разбивался посреди ровной долины, на которой недѣли по двѣ и по мѣсяцу, въ присутствіи Войсковаго Атамана, продолжались военныя игры. Одна толпа юношей пробовала скачкою быстроту лошадей; другая на всемъ скаку стрѣляла въ цѣль; тамъ удальцы перекинувъ черезъ сѣдло стремена, стоя на ногахъ,

неслись во весь опоръ, на дикихъ лошадяхъ, отбиваясь саблею, или цѣлясь ружьемъ; либо разостлавъ на землю бурку, и бросивъ на нее плеть, монету и т. п. хватали ихъ на всемъ скаку. Наконецъ, выѣзжали поединщики и начинали бой плетьми. За симъ открывалось новое зрѣлище: большая часть молодыхъ воиновъ неслись толпою къ рѣкѣ, стремглавъ, съ крутизны бросались въ воду, и безвредно переплывали на другой берегъ. Тѣмъ, которые отличались проворствомъ, мѣткостію въ стрѣльбѣ, ловкостію и удальствомъ, Войсковой Атаманъ дарилъ уздечки, приборы къ сѣдлу, оружіе и прочее. Эта награда пріобрѣтала имъ уваженіе товарищей. Съ наступленіемъ вечера производились кулачные бои.

СТАНИЧНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Праздники станичные во всѣхъ девяти станицахъ, къ Черкаску приписанныхъ, отправлялись одинаковымъ образомъ. Они состояли въ скачкѣ, стрѣляніи въ цѣль, и маневрахъ, легкому войску свойственныхъ. Каждое увеселеніе оканчивалось *попойкою* на станичный счетъ, предлогъ, въ старыя времена, по необходимости почитавшійся полезнымъ, а нынѣ оставленный, исключая отпускъ воиновъ въ походъ, и встрѣчу, по возвращеніи оныхъ въ домы.

Въ день Чудотворца Николая (6 Декабря), молебенъ служили по всѣмъ станичнымъ избамъ

съ особеннымъ обрядомъ. На столъ ставили большую чашу вина, и вокругъ четыре подсвѣчника со свѣчами. Когда Священникъ съ причетомъ начинали величаніе Угодника, четыре старика брали чашу, и припѣвая величаніе, качали оную надъ свѣчами. По окончаніи молебна подносили чашу попу, потомъ пили изъ нее старики и другіе по очереди. Пированіе на Николинъ день продолжалось по цѣлой недѣлѣ.

VI. НЫНѢШНІЙ БЫТЪ ДОНЦЕВЪ.

НРАВЫ И ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ПРОСТАГО НАРОДА.

Настоящій переломъ въ нравахъ и обычаяхъ начался съ 1775 года, т. е., съ того времени какъ учреждена Войсковая Канцелярія, коею равенство Казаковъ и права ихъ *Круга* и *Вѣча* были совсѣмъ уничтожены. Съ того же времени, какъ чины войска Донскаго (1798 г.) сравнены съ армейскими чинами, все на Дону измѣнилось; и улучшенія быстро слѣдовали одни за другими. *Тихій Донъ,* въ самомъ дѣлѣ пріутихъ, успокоился: исчезли дерзновенные охотники, не стало славныхъ *рыцарей-добывателей*; каждый носитъ уже свой *зипунъ*, одѣвается по формѣ, ходитъ вытянувшись, смотритъ фрунтовымъ; и заботливость о хозяйствѣ дошла уже до того, что и послѣдняя копѣйка, какъ говорится, трудомъ достается. Прежнія безпорядки

*

и неустройства, подобно землетрясенію все на Дону такъ превратили, что въ настоящемъ положеніи Донская сторона представляетъ нестройную глыбу земли, еще не вездѣ обработанную и необросшую произрастеніями. Не удивительно, что старики не узнаютъ новаго поколѣнія: народъ раздѣлился на два сословія: въ простомъ много уже бѣдныхъ, и не смотря на улучшеніе въ правленіи и домоводствѣ, явилось много нѣдоимщиковъ, а вина и съѣстныхъ припасовъ въ половину противу прежняго не издерживается; новое же дворянство уже боярствуетъ и составляетъ самую спѣсивую аристократію. Теперь на Дону чинолюбіе составляетъ первенствующую страсть, а слѣпая подчиненность главную черту ихъ характера.

Новому преобразованію Донскаго быта, безпрекословно, всѣхъ болѣе способствовалъ знаменитый Атаманъ Графъ Матвей Ивановичъ Платовъ. Сей достойный всякаго уваженія мужъ, родившись отъ незнатныхъ и небогатыхъ родителей, съ одною Русскою грамотою, безъ дальнѣйшаго образованія, одними природными своими способностями, умѣлъ пробиться сквозь толпу равныхъ, стать на первую степень достоинства въ своемъ отечествѣ, и потомъ, играть предъ цѣлымъ свѣтомъ самую блистательную роль. Платовъ учился въ школѣ одного долговременнаго опыта, умѣлъ пользоваться счастіемъ, удачею, заслугою; смѣло и умно шелъ по

слѣдамъ слѣпой Фортуны; умѣлъ угодливостію и простотою обращенія заслужить вниманіе первыхъ вельможъ и любимцевъ трехъ царствованій, и по счастію для него, образовался *по своему*, сдѣлался *человѣкомъ нашего вѣка.* Жилъ бариномъ, умѣлъ нравиться Двору, любилъ и дѣлалъ добро для одного добра, и оставилъ по себѣ память добраго человѣка, храбраго воина и добродѣтельнаго гражданина.

Гостепріимство, набожность, почтеніе къ родителямъ и старшимъ людямъ, слѣпое повиновеніе начальникамъ и особенно, благоговѣніе къ Царскому сану, составляютъ нынѣ отличительныя добродѣтели всѣхъ сословій Донцовъ. Они любятъ пустынныя свои степи также, какъ Швейцарцы свои снѣжныя горы: достойныя вѣроятія люди увѣряли меня, что Казаки, отправляясь въ походъ, берутъ горсть земли, и хранятъ ее въ узелкѣ на шеѣ, дабы, умерши на чужой сторонѣ, лечь въ могилу съ перстію родной земли. Между ими есть много, такъ называемыхъ разумныхъ головъ; при всей наружной простотѣ, они хитры и ведутъ себя по извѣстной старинной пословицѣ: „*ползкомъ, гдѣ низко; тишкомъ, гдѣ склизко.*" Вообще, иногда слишкомъ высокомѣрны, иногда слишкомъ уклончивы; хвастливы и искательны; корыстолюбивы и не совсѣмъ скупы; имѣютъ умъ тонкій, гибкій и оборотливый; — и, по одному навыку разсуждаютъ о дѣлахъ выше своего состоянія умно и основательно. Казаковъ, не льзя

равнять съ простою чернію: они люди служивые, много видѣвшіе, много испытавшіе, и если они не научились многому полезному, то по крайней мѣрѣ приглядѣлись къ нему.

Можно сказать, что всѣ Казаки крѣпкаго сложенія: между ними много статныхъ, великорослыхъ молодцовъ, и такихъ *піякъ*, которые готовы гулять по нѣсколько дней сряду, оставаясь на ногахъ. Вообще они веселаго нрава, живы, добры, въ нуждѣ терпѣливы, и весьма многіе достигаютъ глубокой старости, къ чему способствуетъ здѣшній климатъ, весьма здоровый, особливо людямъ, въ немъ родившимся. Кромѣ лихорадокъ въ низовыхъ частяхъ Дона, происходящихъ отъ остающейся по мѣстамъ стоячей воды, здѣсь нѣтъ почти никакихъ другихъ болѣзней.

Казаки предпочтительно занимаются скотоводствомъ, и хотя не привыкли еще къ земледѣлію, и не любятъ изнурять себя полевыми и другими тяжелыми работами; но вообще пользуются довольствомъ. Много есть богатыхъ, но къ сожалѣнію не мало и бѣдныхъ; во первыхъ потому, что богатые и властные люди, завладѣвъ лучшими землями, бѣдныхъ и безгласныхъ притѣснили; во вторыхъ отъ перемѣны образа войны, которая прежде доставляла имъ добычу, и наконецъ потому, что оставя простоту, познали нѣкоторую роскошь. Казаки въ хозяйствѣ бережливы, пищу употребляютъ питательную, здоровую, домà содержатъ въ чистотѣ; впрочемъ ведутъ жизнь до-

вольно праздную и занимаются только чѣмъ-либо легкимъ. Женщины ихъ, по частой отлучкѣ мужей, пашутъ, сѣно косятъ, продаютъ вино, и кромѣ внутреннихъ домашнихъ обязанностей, отправляютъ почти всѣ работы, приличныя мужчинамъ. Напротивъ, не ткутъ и не прядутъ, и ни въ какихъ почти женскихъ рукодѣліяхъ не упражняются. Бѣдныя сіи женщины не могутъ похвалиться красотою: имѣютъ черты грубыя, мужскія; но тѣ изъ нихъ, которыя пользуются довольствомъ; вообще очень не дурны собою; ибо не роскошь, а довольство благопріятствуетъ красотѣ.

При расположеніи станицъ не думали о правильности и умѣстности; строенія въ нихъ представляютъ кучу уютныхъ домиковъ и бѣдныхъ мазанокъ, кое-какъ разбросанныхъ. Улицъ въ нихъ нѣтъ, а какіе-то закаулки узкіе и кривые. Большая часть станицъ, построенныхъ по берегу Дона, отъ разлитія, терпятъ немалые, но по привычкѣ, сносные убытки. Вообще они расположены на мѣстахъ выгодныхъ для обороны, но неудобныхъ для нынѣшняго быта; ибо хотя гумна и скотные дворы построены позади избъ, и въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, но по причинѣ разбросаннаго положенія дворовъ и тѣсноты, отъ пожара ни мало симъ не охраняются. Только нынѣ Войсковое Правительство стало заботиться о томъ, что бы селенія имѣли правильное расположеніе; для чего большая часть станицъ получили планы и въ случаѣ новой постройки, дома должны строится

не по произволу, а на показанномъ мѣстѣ. Деревни, чиновникамъ принадлежащія, построены еще хуже: каменныхъ домовъ нѣтъ, деревянныхъ мало, а глиняныя мазанки вообще тѣсны и весьма рѣдкія имѣютъ полъ.

Порядокъ жизни и времяпрепровожденіе нарушаются только особенными праздниками. Казаки встаютъ съ восходомъ солнца, по утру рано *снѣдаютъ*, предъ полуднемъ обѣдаютъ, послѣ трапезы отдыхаютъ, около 6 часовъ *полуднуютъ*, а по закатѣ солнца *вечеряютъ*. Пища Казаковъ состоитъ нынѣ изъ смѣси Русскихъ и Малороссійскихъ блюдъ, къ тому переняли они много отъ Татаръ, какъ то: *сюзьму*, *ремчукъ*, *крутъ* и *мандрыки*, приготовляемые изъ молока. Напитки составляютъ подобную же смѣсь: сивушка и Татарская буза, иногда медъ и Архипелажскія вина; квасъ и пиво не употребляются. Вечеркомъ всѣ выходятъ на улицу: старики, сидя на прилавочкахъ, бесѣдуютъ о старинѣ и своемъ житьебытьѣ; молодыя женщины и дѣвки поютъ, и тихо, плавно водятъ хороводы, по Русскому обычаю. Нынѣ женщины допускаются въ мужскія общества, и нѣтъ уже бесѣды, ни праздника, въ коихъ бы онѣ не участвовали; но будучи допускаемы, забавляются однако же особо. Молодцы напротивъ, живо, скоро и развязно пляшутъ казачка подъ балалайку, или подъ пѣсни плясовыя, извѣстныя и нашимъ крестьянамъ. Иногда поютъ пѣсни богатырскія (любовныхъ никогда), про до-

брыхъ коней и поле чистое; иногда же забавляются другими играми: въ чехарду, горѣлки, борются, бѣгаютъ въ запуски, играютъ въ мячи, перекидываются колесомъ и тому подобное. Нѣкоторыя игры и инструменты заимствованы также отъ Татаръ, какъ то: *айданчики* (a) и *кумысъ*. Въ сельскихъ скрыпачахъ-самоучкахъ недостатка нѣтъ.

Татара, приписанные къ войску, достойны еще большаго уваженія, нежели Калмыки, по праву своему, кроткому, правдивому и по искуству во многихъ ремеслахъ. Они занимаются земледѣліемъ и садоводствомъ, живутъ въ домахъ, любятъ порядокъ и опрятство, къ тому трудолюбивы и по вѣрѣ своей весьма благочестивы. Женщины ихъ почитаются лучшими швеями и рукодѣльницами на Дону.

РАЗДѢЛЕНІЕ ПО ПРАВАМЪ И ОБЫЧАЯМЪ.

Донскіе Казаки во правахъ и обычаяхъ, весьма различествуютъ между собою. Различіе сіе произошло отъ времени переселенія ихъ на Донъ, и отъ измѣненій, послѣдовавшихъ по сношеніямъ съ сосѣдними народами и иновѣрцами. Въ общемъ

(a) Кости изъ бараньихъ ножекъ.

мнѣній, существующемъ на Дону, Казаки раздѣляются на три касты.

Низовые, почитаются первыми основателями общества Донскихъ Казаковъ, первоначально составившагося изъ Русскихъ крестьянъ, тогда вольныхъ и имѣвшихъ право переходить изъ страны въ страну, отъ помѣщика къ помѣщику. Сіи удальцы, искавшіе лучшихъ приволій, и любившіе свободу буйную, неподчиненную никакой власти; много переняли отъ пограничныхъ съ ними воинственныхъ племенъ, особенно Татаръ и Калмыковъ. Уклоненіе отъ природныхъ Русскихъ обычаевъ, наиболѣе замѣтно между *Низовыми*: въ употребляемомъ ими Русско-Малороссійскомъ нарѣчіи, много есть словъ Татарскихъ, Калмыцкихъ и Турецкихъ; самый обликъ ихъ представляетъ смѣсь иноплеменную. Кавказскія красавицы не рѣдки теперь на Дону: женщины высшаго круга и болѣе зажиточныя, имѣютъ пріятныя черты, станомъ стройны и ростомъ высоки. Все повѣствуемое въ Русской Исторіи о Казакахъ, главнѣйше должно относить къ *Низовымъ*, которые и теперь менѣе другихъ занимаются земледѣліемъ, не упражняются въ ремеслахъ; но безъ труда и многихъ заботъ получая значительный доходъ отъ скотоводства и рыбной ловли, всю жизнь проводятъ въ праздности, любятъ попить, покричать и табачку покурить. Жены ихъ также любятъ погулять на досугѣ, къ любви склонны, а къ нарядамъ страстны. По

частымъ и долгимъ отлучкамъ, мужья ихъ также не слишкомъ ревнивы.

Серединцы, обитающіе отъ Бесергеневской вверхъ по Дону до Островской Станицы, почитаются вторыми переселенцами, перешедшими на Донъ въ слѣдъ за низовыми. Они происходятъ, какъ думаютъ низовцы, отъ крѣпостныхъ крестьянъ и разнаго званія вышедшихъ изъ Россіи людей. Нѣкоторые полагаютъ, что сіи послѣдніе смѣшались съ оставшимися на Дону до прихода ихъ племенами, Скиѳами, Болгарами и Казарами; но это несправедливо и неосновательно, подобнаго смѣшенія не было и быть не могло. Они стройны, пригожи, имѣютъ быстрый умъ, способны къ легкоконной службѣ, и во всѣхъ обычаяхъ своихъ мало различествуютъ отъ низовыхъ Казаковъ.

Верховыми Казаками называются жительствующіе на верховьяхъ Дона отъ Островской Станицы до Березовской, по рѣкамъ Хопру, Медвѣдицѣ, Бузулуку и Иловлѣ; они имѣютъ свойства народа смежныхъ съ ними Губерній. Между ними много есть раскольниковъ, бѣжавшихъ на Донъ въ началѣ царствованія Петра Великаго. Сіи Казаки, въ домоводствѣ рачительны, занимаются хлѣбопашествомъ и овцеводствомъ; сильны, тучны, насмурны, расчетливы, на конѣ тупы, и почитаются не слишкомъ способными къ Казачьей службѣ; ибо держатъ плохихъ лошадей и сами неповоротливы. Къ привиллегіямъ и обычаямъ своихъ

собратій не имѣютъ они большой привязанности. Верховые Казаки, мало обращались въ торговлѣ, а потому мало пріобрѣли и людкости. Женщины ихъ также права тяжелаго, въ любви равнодушны, въ обращеніи однообразно холодны.

ОДЕЖДА И ОРУЖІЕ.

Немногія изъ семействъ дворянскихъ старообычныхъ, и пристрастныхъ ко всему бывалому, до сихъ поръ одѣваются по старинному. Одежда сія состоитъ изъ смѣси Польскаго, Русскаго, Татарскаго и Черкесскаго покроя.

Мужскую одежду составляетъ *кафтанъ*, который спускается ниже колѣнъ; онъ дѣлается изъ парчи и дорогихъ матерій и застегивается площами (родъ пуговицъ) серебреными и позолоченными; подпоясывается *поясомъ*, проткапнымъ золотомъ и съ золотою бахрамою. Сверхъ кафтана надѣваютъ *Черкеску* суконную съ разрѣзными рукавами и *законражьями* (обшлага), обложенную кругомъ золотымъ позументомъ съ блестками; на груди сумки, по образцу Черкескихъ; на поясѣ *кинжалъ* на *гайтанѣ*. На кафтанномъ поясѣ носятъ *шашку*, сафьянныя ножны коей, вышиваются золотомъ и серебромъ, и украшаются бляхами и каменьями. *Сапоги* изъ краснаго и желтаго сафьяна, Астраханскаго покроя. *Исподнее платье*, изъ матеріи, широкое, снизу вбирается въ сапоги.

Рубаха полотняная, разрѣзанная на двѣ полы Калмыцкимъ покроемъ; застегивается дорогою *запанкою;* галстуговъ не носятъ. *Шапка* съ соболь-имъ околышемъ, верхъ косой, изъ краснаго или голубаго бархата, вышивается золотомъ въ узоръ и обкладывается позументомъ. Въ зимнее время носятъ *шубы* изъ лисьихъ и собольихъ мѣховъ, покрытыя бархатомъ, и по краямъ опушенныя бобромъ или соболемъ. Въ осеннюю погоду, сверхъ черкески носятъ *кирси* съ шелковыми петлицами и мохрами; другіе надѣваютъ *азямы* длинныя и широкія, родъ бекеша съ прямыми рукавами; верхомъ же употребляютъ черныя Индейскія *бурки,* изъ шерсти овечьей и надерганыя; на шапкѣ *башлыкъ* Черкесской.

Женской нарядъ составляютъ: *повойникъ,* парчевой, 6^ти^ вершковъ вышиною; сверхъ повойника повязывается платокъ, къ которому прикалываются цвѣты, или разноцвѣтныя строусовыя перья. Въ праздники носятъ *шапки* собольи съ четвероугольнымъ верхомъ изъ малиноваго бархата, въ узоръ вышитаго жемчугомъ, алмазами и яхонтами. Изъ подъ шапки висятъ надъ ушами *чикилики,* вынизанныя въ сѣтку жемчугомъ; *повязка* (налобникъ) изъ розоваго атласа, тоже вышитая жемчугомъ. *Перла,* родъ нагрудника доходящаго до пояса, унизывается жемчугомъ, на плечахъ банты изъ позумента украшаются драгоцѣннымъ камнемъ съ осыпью. Верхъ *рубашки* дѣлается изъ шелковой матеріи; широкія оплечья и рукава

изъ парчи; низъ рубашки отъ пояса до подола изъ полотна; *ожерелокъ* и рукава застегиваются дорогими *запонками.* Штаны атласные, или изъ какой-либо другой легкой и прозрачной матеріи, подобные тѣмъ, какіе носятъ Турчанки. *Кубелекъ,* родъ тюника, немного ниже колѣнъ, украшается подъ мышками *ластавками;* по поясницѣ *уперами;* на грудяхъ *капкачемъ;* который застегивается только до пояса, золотыми или жемчужными *площами* въ видѣ сливы. *Кавракъ* (кафтанъ), для выхода изъ дома надѣвается сверхъ кубелека, застегивается также только до пояса. *Билезики* (браслеты) золотые, жемчужные, или состоятъ изъ бриліантоваго фермуара. *Ичитки* или сапожки *мишинные* и сафьянные, въ подъемѣ простроченные серебромъ или мишурою, по Турецкому образцу употребляются вмѣсто чулокъ; на нихъ надѣваются разныхъ цвѣтовъ сафьянныя *туфли. Поясъ* бархатный, выложенный жемчугомъ, каменьями, золотыми или серебряными бляхами, застегивается крючками.

Дѣвицы украшаютъ косу лентами и *торкачемъ* (платкомъ), коимъ обвязавъ голову, длинные концы опускаютъ по косѣ, которая *аки труба по плечамъ лежаху. Челоухъ,* шапка или кокошникъ, родъ камилавки изъ краснаго бархата, вышивается жемчугомъ и каменьями; *косникъ* изъ золотыхъ цѣпочекъ и червонцевъ. Прочіе наряды дѣвицъ, тѣ же что у женщинъ.

Жены и дочери рядовыхъ Казаковъ, и вообще

люди старые и богатые одѣваются по старинному. Для стариковъ сей великолѣпный нарядъ весьма приличенъ; старушки, въ своихъ кубелекахъ и шапкахъ, какихъ я видѣлъ, походятъ на монахинь. Молодыя женщины теряютъ весьма много: странный вообще нарядъ, и особенно великое количество бѣлилъ и румянъ скрываютъ природныя ихъ прелести, какъ бы подъ маскою. Лучшее украшеніе прекраснаго пола, грудь, узкіе кубелеки съ длинными и широкими спинками, сжимаютъ, сплющиваютъ и станъ совершенно безобразятъ. Сколь ни страненъ сей нарядъ, но къ дѣвицамъ съ длинною косою и торкачемъ очень идетъ; Пушкинъ справедливо сказалъ:

А дѣвушкѣ въ пятнадцать лѣтъ,
Какая шапка не пристанетъ.

Кромѣ немногихъ старинныхъ домовъ, всѣ дамы и дѣвицы высшаго сословія одѣваются нынѣ по образцамъ Французскихъ модъ; изъ старины оставили онѣ себѣ богатыя украшенія изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, и, къ сожалѣнію, бѣлила и румяна; къ сожалѣнію потому, что здѣсь молодыя женщины и особенно дѣвицы вообще отъ природы румяны и довольно бѣлы лицемъ. Мущины всѣ вообще носятъ мундиры, а отставные иногда Черкескаго покроя кафтаны. Одежда рядовыхъ Казаковъ состоитъ изъ короткаго синяго кафтана, шароваръ и шапки. Большая часть оставляютъ только усы, а тѣ изъ нихъ, которые

носятъ бороду, наиболѣе сохраняютъ свою народность. Мундиръ ихъ представляетъ нарядъ самый приличный и красивый для кавалериста, и думаю, онъ столько же былъ бы приличенъ и удобенъ для всякаго Русскаго воина. Въ непогодь, будучи дома, Казаки носятъ бурки, въ походѣ при арміи сѣрыя шинели съ синимъ воротникомъ. Простыя Казачки, и самыя небогатыя, одѣваются по праздникамъ въ шелковыя *кубелеки*, только вмѣсто повойника носятъ разноцвѣтные *колпачки*, повязанные *торкачемъ*; дѣвки отличаются только косою, лентами украшенною. Прислугу въ господскихъ домахъ одѣваютъ по Русскимъ модамъ, какъ у нашихъ сельскихъ господъ.

Оружіе Казаковъ состоитъ изъ *ружья*, *двухъ пистолетовъ*, *сабли* и *пики*; послѣднюю съ наибольшею выгодою они употреблять умѣютъ. Пики вообще дѣлаются одинаковой длины и формы; прочее оружіе, все разнокалиберное, какое кто достать можетъ. Сверхъ того, Казаки носятъ на себѣ рогъ съ порохомъ, другой съ пулями, натруску и плеть для коня и для плохаго противника. Въ сѣдельную подушку укладывается бѣлье и запасное платьѣ. Двѣ переметныя сумы для походнаго харча увязываются *въ таракахъ*. Въ походъ дальній Казаки запасаются: *толчью* изъ толченыхъ сухарей и сухой рыбы; *бужининою*, (такъ называется сушеное на солнцѣ, баранье или козлиное мясо) и *секомъ* изъ пшена, по Татарски изготовляемаго. Для спутыванія лошади упо-

треблють ременной *треногъ*. Седло на ночлегѣ служитъ имъ изголовьемъ, а *житюкъ* (войлочный потникъ) постелью.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ВЫСШАГО СОСЛОВІЯ.

Въ частной жизни Донскаго Дворянства, борьба стараго съ новымъ еще не кончилась; нынѣшній модный бытъ и стародавніе обычаи, лѣтъ сто назадъ существовавшіе; непринужденность, простота въ обращеніи, вмѣстѣ съ пышнымъ горделивымъ этикетомъ, представляютъ странную пестроту. Каждая семья въ своей домашней жизни являетъ нѣчто отдѣльное, сохраняющее свой особый цвѣтъ; но при всемъ разнообразіи въ частности, есть нѣчто общее у всѣхъ. Я постараюсь описать здѣсь главныя черты.

Высшее сословіе, состоящее изъ Дворянъ чиновныхъ и богатыхъ, ведутъ жизнь веселую и беззаботную, немногимъ различествующую отъ образа препровожденія времени Русскаго Дворянства, живущаго по деревнямъ. Занятія, столы, прислуга, экипажи, вина, меда, наливки, даже строеніе и меблировка домовъ во всѣмъ сходствуетъ, кромѣ небольшихъ отличій едва замѣтныхъ; — и все это завелось и устроилось не далѣе, какъ въ царствованіе Императора Александра Павловича. Здѣсь, также какъ и въ на-

шихъ провинціяхъ, нѣтъ хозяина скупаго для гостей: всякой, какъ говорится, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, гость дѣлается хозяиномъ, а хозяинъ всѣмъ слугою, у котораго нѣтъ ничего завѣтнаго, лишь бы пилось да ѣлось. Кромѣ имянинъ, церковныхъ и другихъ праздниковъ, на которые сосѣдей *скликаютъ*, нѣтъ времени назначеннаго для пріѣзда; во всякое время гостю рады. Каждый, кому вздумалось пріѣхать во время или не во время, принимается какъ родной, угощается какъ рѣдкой гость. Если случится, что съѣдутся нѣсколько гостей, то для хозяина праздникъ, для хозяйки иногда много досады, заботы и бѣготни; для гостей же всегда большой пиръ, продолжающійся съ утра до вечера.

Едва только проснутся, подаютъ чай и кофе, немного послѣ, ставятъ на столъ въ гостиной сытную закуску, водку сладкую, травникъ запеканку, отъемное царское винцо и мадеру. Закуска состоящая изъ разныхъ препаратовъ, по вкусу и состоянію хозяина приготовленныхъ, не снимается со стола до самаго обѣда. За столомъ сытнымъ и преизобильнымъ, сначала подаютъ мадеру и другіе вина, послѣ жаркаго начинаются тосты: сколько гостей, и сколько у кого друзей и пріятельницъ, отсутствующихъ и присутствующихъ пьютъ за здоровье шипячимъ Донскимъ виномъ; подчиванье заключается разными наливочками съ ногъ сбивательными. Послѣ обѣда подаютъ кофе и ставятъ на столъ разныя ва-

ренья, пастилы, конфекты, *инжиръ* [a] и фрукты. Между небольшими антрактами, подаютъ разныхъ сортовъ меда, водицу на подобіе шампанскаго, только поспиртоватѣе онаго. За чаемъ рѣдко пуншъ, а болѣе *варенуху*, родъ глентвейна, отъ котораго также какъ и отъ стакана рома, скорехонько въ ушахъ зазвенитъ. За ужиномъ тоже подчиванье. Любимымъ, или почему либо предпочитаемымъ гостямъ, ихъ людямъ и лошадямъ корму на отвалъ, прочимъ вдоволь. Словомъ, здѣсь тароватаго съ богатымъ не различишь; и не у богатаго или чиновнаго, а у привѣтливаго и угостительнаго гостей болѣе собирается.

Такіе пиры, безъ сборовъ и пріуготовленій, часто продолжаются по недѣлѣ; но не вездѣ однакожъ оныя случаются. Въ Міускомъ Начальствѣ, гдѣ нѣтъ Казачьихъ станицъ, а живутъ одни помѣщики, по близости сосѣдства и посѣщенія бываютъ чаще; въ другихъ же Начальствахъ, особенно въ верховыхъ, Дворяне живутъ разсѣянно, по отдаленности рѣдко другъ друга посѣщаютъ, ведутъ жизнь уединенную и держатся старыхъ обычаевъ. Донскіе Дворяне ведутъ жизнь совершенно сельскую, никто изъ нихъ, для препровожденія времени въ Москву не ѣздитъ; и въ свою столицу Новочеркаскъ, если только нѣтъ какого-либо тяжебнаго дѣла, никто съ семействомъ не пріѣзжаетъ. Впрочемъ это зависитъ отъ Атамана:

(a) Сухіе привозимые изъ-за границы фрукты, какъ-то: винныя ягоды, изюмъ, миндаль, финики и проч.

при Графѣ Матвѣе Ивановичѣ Платовѣ, многія почтеннѣйшія семейства съѣзжались на всю зиму въ городъ. Теперь въ Новочеркаскѣ нѣтъ благороднаго собранія; но тѣмъ не менѣе живутъ тамъ весело въ своемъ кругу, по семействамъ. Страсть къ старымъ обычаямъ и привычкамъ между Дворянствомъ уже примѣтно ослабѣваетъ. Хотя также какъ простой народъ съ восторгомъ воспоминаютъ они о почтенной старинѣ, о славныхъ подвигахъ предковъ своихъ, представляя оныя себѣ въ какомъ-то романическомъ, обманчивомъ видѣ; но уже за столомъ ихъ подаютъ соусы и Французскія вина; а вскорѣ быть можетъ явятся они и во фракахъ и съ лорнетами, чего Гр. Платовъ въ свое время не терпѣлъ.

Женщины хотя и участвуютъ во всѣхъ собраніяхъ, но отъ обращенія съ молодыми мущинами, по скромности уклоняются. Старички, сидятъ особо, и иногда пригласивъ къ себѣ сельскаго Священника, попивая, странными голосами поютъ духовныя стихеры, и въ перемежку разсказываютъ въ тысячной разъ про свои подвиги. Тутъ хвастливому пространное поле: постороннему, чтобы не помѣшать бесѣдѣ, должно притвориться вѣрующимъ, будто они одни завоевали Европу и отправили Наполеона на ост. Св. Елены. Впрочемъ, и есть чѣмъ похвалиться; многіе изъ нихъ служили во всѣхъ походахъ отъ 1770 до 1815 года включительно: періодъ славный въ нашихъ лѣтописяхъ, и знаменитый для Донскихъ нашихъ

служивыхъ. Старушки, усѣвшись на почетныхъ мѣстахъ особнячкомъ, по старинному обычаю, перекрестя пальцы скромно, почти не шевеля головою, молчатъ. Молодыя дамы между собою говорятъ о хозяйствѣ и нарядахъ; дѣвицы о балахъ и женихахъ, которыхъ послужныя списки наперечетъ имъ извѣстны, хотя впрочемъ они съ ними никакого обращенія не имѣютъ. За столъ кавалеры ведутъ дамъ подъ ручку, а пришедши въ залъ, дамы и кавалеры садятся по разнымъ сторонамъ; на балѣ тоже: оттанцовавши и не сказавши иногда и слова, расходятся съ поклономъ врозь. Дѣвица чинно садится между подругъ; а кавалеры въ другой комнатѣ, или лѣтомъ на *галдареи* принимаются за трубки, выпьютъ травнику или рюмочку Донскаго и опять танцуютъ. Свободнаго свѣтскаго обращенія хотя нѣтъ еще, но дамы вообще любезны и обходительны; только по принятому приличію, такими въ публикѣ казаться не хотятъ, въ домѣ же у себя очень привѣтливы. Такимъ образомъ весело проводятъ время въ обществахъ; ибо не смотря на наружную холодность, въ обращеніи нѣтъ принужденія; а гдѣ нѣтъ принужденія, тамъ только и удовольствіе найти можно.

Впрочемъ здѣшнія господа вообще довольно бережливы: не отказывая себѣ ни въ чемъ, удаляются однако же отъ разорительной роскоши. Здѣсь никто не проживаетъ болѣе своихъ годовыхъ доходовъ, и многіе имѣютъ значительные

капиталы въ Банкѣ. Не всѣ богатыя люди выписываютъ изъ Москвы, мебели, экипажи и дорогія Французскія вина: мебели, слѣдуя модѣ не перемѣняются ежегодно, а остаются на своихъ мѣстахъ пока ихъ вѣка станетъ. Не столь богатые довольствуются домашними наливочками и недорогими Архипелажскими винами, экипажи и мебели употребляютъ такіе, какіе могутъ сдѣлать домашніе мастера. Впрочемъ всѣ дома снабжены нужною мебелью, содержатся въ чистотѣ и прислуга одѣта прилично. Въ нѣкоторыхъ домахъ, которые еще не сняли старинныхъ одѣждъ и крѣпко держатся дѣдовскихъ обычаевъ, въ меблировкѣ и ливреѣ людей является нѣчто готическое, однако же содержимое въ такой же опрятности, какъ и у другихъ. Немногіе старики и старухи, сихъ старообрядныхъ семействъ, какъ мнѣ сказывали, придерживаются еще раскола, однако же тайно, какъ бы стыдяся сего званія. Дамы не гоняются за послѣдними модами, и немногія выписываютъ ихъ изъ Москвы. Кромѣ невѣстъ, наряжаемыхъ Кузнецкимъ мостомъ, и лавки *Зилбермана*, у котораго покупаютъ много бриліантовъ и жемчугу, для чего честный сей иностранецъ имѣетъ своего повѣреннаго въ Новочеркаскѣ, для прієму заказовъ, скораго и вѣрнаго доставленія вещей; всѣ прочія дамы не безпокоятъ Французскихъ модистокъ, а сами кроятъ и шьютъ бальныя свои платья и наряжаются по запоздалымъ картинкамъ Московскаго Телеграфа.

ПОЛЕВАЯ ОХОТА.

До начала XVIII столѣтія, Казаки земледѣліемъ и домоводствомъ не занимались, а потому звѣриная и рыбная ловли составляли тогда промыслъ необходимый для пропитанія ихъ. Тихій *Донъ Ивановичъ*, называемый ими *золотое дно*, стѣпи и лѣса, нынѣ большею частію истребленныя, съ избыткомъ доставляли имъ всѣ жизненныя потребности. *Гульба*, такъ имяновали они охоту за звѣрьми, была, такъ сказать, пріуготовительною школою для молодыхъ людей, готовящихся къ вѣчной войнѣ. Человѣкъ сто *гулебщиковъ*, собравшись вмѣстѣ, отправлялись на Задонскія степи, къ Тереку и къ Кумѣ рѣкѣ, гдѣ *полевали* мѣсяца по два и болѣе, а иногда только къ веснѣ на Донъ возвращались. На рѣкѣ Медвѣдицѣ, гдѣ водилось болѣе звѣрей, часто пріѣзжали по 10 и болѣе *кошей* (ватагъ) гулебщиковъ изъ нижнихъ юртъ, и проводили тамъ всю зиму. Сіи охотники для сбереженія пороха, дикихъ козъ, оленей, зайцевъ и лисицъ вдогонку нагайками убивали; *тарпановъ* (дикихъ лошадей), ловили *арканомъ;* изъ птицъ били только большихъ гусей, лебедей, дудаковъ и драхвъ; по кабанамъ же, барсукамъ, медвѣдямъ и *бирюкамъ* (волкамъ) стрѣляли изъ пистолетовъ, или кололи дротиками на скаку. Убить вепря было дѣломъ славнымъ.

Казаки, живущіе на среднихъ частяхъ Дона, охотились *капканами* и *тенетами* по берегамъ рѣкъ, что и называлось у нихъ *ходить въ рѣку.*

Сіи *камышники*, ходили партіями въ степныхъ мѣстахъ, и по близости городковъ своихъ по камышамъ занимались прибыточною ловлею, волковъ, зайцевъ, лисицъ и *порѣшныхъ*, родъ бобра и теперь, по рѣдко попадающихся на Дону.

Въ старинныя времена, когда военная добыча распространяла довольство на Дону, Войсковыя Атаманы богатые и чиновные иногда забавляли войско *большею охотою*. Этотъ родъ охоты, въ Азіатскомъ вкусѣ, совершенно походитъ на тѣ великолѣпныя выѣзды въ отъѣзжее полѣ, и нынѣ въ Крыму Татарскими Мурзами употребляемые. Для сего Атаманъ приглашалъ въ свою кампанію отличнѣйшихъ наѣздниковъ. Собравшись по повѣсткѣ, все общество, на пробныхъ лучшихъ скакунахъ, сопровождаемое тысячью и болѣе пѣшихъ и конныхъ Казаковъ отправлялось за Атаманомъ къ курганамъ *Двухъ братьевъ*, неподалеку отъ Черкаска находящихся. Обширное *займище*, предъ курганами растилающееся, окружали цѣпью конныхъ и пѣшихъ стрѣлковъ, по мѣстамъ разставляли тенета; Атаманъ окруженный отличными стрѣлками, становился на курганѣ. Троекратный выстрѣлъ подавалъ знакъ къ начатію охоты: громкій крикъ стоящихъ на цѣпи Казаковъ пробуждалъ *займище*, и устрашенные сею тревогою звѣри поднимались. Избранные наѣздники по всѣмъ направленіямъ пускались за ними вскачь, стараясь лучшую добычу согнать къ посту занимаемому Атаманомъ, дабы доставить ему честь убить ве-

пря или барса, который изрѣдка забѣгалъ въ Задонскіе степи. Зрѣлище такой охоты стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ для охотниковъ. Здѣсь, лютый вепрь, посѣкая клыками камышъ, выбѣгалъ на лугъ; нѣсколько охотниковъ на лучшихъ коняхъ, окруживъ, стрѣляли въ него на скаку изъ пистолетовъ. Разъяренный звѣрь, съ открытымъ зевомъ, пѣною покрытымъ, означая слѣдъ свой кровію, кидался на дымъ, отъ выстрѣла произшедшій: охотники, одни проворно уклонялись отъ него, другіе нѣсколькими ударами пикъ, или вѣрнымъ изъ винтовки выстрѣломъ повергали его на землю. Тамъ, злобная гіена, гостья изъ Закубанскихъ лѣсовъ на Донъ пришедшая, сама нападала на охотниковъ, и дорого продавала имъ жизнь свою. Тутъ, удалый наѣздникъ, поднявъ *чеканъ*, гналъ передъ собою волка; добрый конь, *попрашивая* поводья, утомлялъ звѣря своею быстротою; напрасно, ощетиня шерсть, озираясь, щолкалъ онъ зубами, неустрашимый Казакъ, нагнавъ разбивалъ ему черепъ однимъ меткимъ ударомъ своего чекана. Здѣсь легкая сайга, стрѣлою мчится по равнинѣ, и надѣясь на быстрый бѣгъ свой, гордо поднявъ голову и вытянувъ шею, останавливается, устрашеннымъ взоромъ выглядываетъ безопасное мѣсто, и вновь бѣжитъ стремглавъ. Но другой всадникъ останавливаетъ ее спереди, третій, опустивъ поводья, и приударивъ плетью борзаго коня, собираетъ на руку *арканъ*, и ловко безъ промаха накидываетъ его на шею своей добычи. А здѣсь краси-

вая серна съ дѣтьми, испуганная шумомъ и тревогою, то бросается впередъ, то быстро возвращается къ дѣтямъ, отстающимъ отъ нее, то гонитъ ихъ передъ собою, то останавливаетъ и бѣжитъ съ ними назадъ; видя себя окруженною, какъ бы въ отчаяніи, становится на заднія ножки, торопливо вертится на нихъ кругомъ, осматривается, и въ ужасѣ, одна пускается какъ изъ луку стрѣла. Выстрѣлъ пущенный на воздухъ, останавливаетъ робкихъ ея дѣтей; мать побѣжденная чувствомъ жалости возвращается и позволяетъ взять себя не прежде, какъ дѣти ее будутъ въ рукахъ охотниковъ. Наконецъ, съ полсотни трусливыхъ зайцевъ, приложивъ на спину уши, мечутся во всѣ стороны, ищутъ спасенія во всѣхъ промежуткахъ, отъ испуга попадаютъ въ тенета, или подъ меткій ударъ плети, которыми охотники на всемъ скаку убиваютъ ихъ на повалъ.

Въ сей забавѣ, наиболѣе приличной воинственному народу, Казачья молодежъ научалась осторожности, глазомѣру, ловкости, проворству и отважной рѣшимости. По окончаніи охоты, отличившіеся удальствомъ наѣздники приглашались къ Атаману на пиръ. Тутъ послѣ первыхъ стакановъ зелена вина и крѣпкаго меда, каждый не слушая другаго, хвалился, какъ нагналъ волка на засаду, или подстерегъ лису, кравшуюся ползкомъ въ густоту камыша; или хвалился тѣмъ, чего не было и быть не могло, увѣряя, что онъ съ конемъ своимъ перепрыгнулъ оврагъ, сажень во сто

шириною, или руками свалилъ вепря,... зубами перегрызъ волку горло..... Такими преувеличенными разсказами, живился разговоръ, и друзья посмѣявшись другъ надъ другомъ, расходились съ бесѣды предовольные, каждый своимъ подвигомъ. Впрочемъ, охота, какъ страсть, какъ поэтическій восторгъ, движется хвастливостію, невинною потому, что никого ею не обманываютъ.

Охотники пріобрѣтшія добычу, поочередно угощали своихъ сосѣдей, приглашая ихъ разъѣсть вмѣстѣ звѣря; у кого не было дичины, тотъ подчивалъ домашнимъ, чѣмъ Богъ послалъ. Такимъ образомъ веселые собѣседники переходили изъ дома въ домъ, вездѣ встрѣчая радушное гостепріимство; и одна забава занимала и радовала Казаковъ того же селенія по нѣскольку дней сряду. Остатками убитаго оленя, вепря или козы, хозяинъ дѣлился съ пріятелями, съ родными; ибо продавать съѣстное друзьямъ, было тогда не въ обычаѣ.

Нынѣ въ отъѣзжія поля Казаки не ѣздятъ, Атаманы уже не забавляютъ ихъ *большею охотою* и пирами, и немногіе рядовые Казаки занимаются ловлею звѣрей, и то по близости своихъ селеній. Замѣчаютъ, что хищныхъ звѣрей въ степи, и большихъ породъ рыбъ въ Дону гораздо поуменьшилось. Всякой же дичи и понынѣ въ *займищахъ*, по *лиманамъ*, озерамъ и въ степи водится великое множество.

Съ борзыми собаками *полюютъ* теперь немногіе изъ Дворянъ, и то только для удовольствія и препровожденія времени. Донскіе охотники и самые богатые, не разоряются содержаніемъ большихъ охотъ; а съ двумя, тремя борзыми, и съ однимъ или двумя охотниками, безъ гончихъ, ловятъ зайцевъ, лисицъ и волковъ, болѣе нежели наши господа, (какъ увѣрялъ меня одинъ изъ здѣшнихъ *зайцегоновъ*), съ многочисленными своими стаями гончихъ и борзыхъ. Не будучи охотникомъ, я не могу рѣшить, отъ искуства ли, или отъ множества звѣря это происходитъ?

VII. ПРАЗДНИЧНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ,

ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ.

МАСЛЯНИЦА.

Обряды, совершаемые на сырной недѣли сохраняютъ на себѣ отпечатокъ древнихъ обычаевъ. Обряды сіи совершаются на мѣстахъ битвъ, ознаменованныхъ побѣдою; на кладбищахъ близь церкви, или на мѣстахъ злодѣяніемъ, или какимъ-либо несчастіемъ памятныхъ. Для жителей Стараго Черкаска, островъ *Али-туба* находящійся выше города, и урочище *Монастырское* находящееся ниже, служатъ обыкновенными сборными мѣстами. При Монастырскомъ урочищѣ, какъ по преданію извѣстно, Турки на возвращавшихся съ добычею изъ Азовскаго моря Казаковъ, напали въ расплохъ и всѣхъ порѣзали; но Черкаскіе жители узнавъ о семъ, догнали ихъ и добычу обратно отняли.

Въ назначенный для праздника день масляной недѣли, предварительно избирается Атаманъ пиршества, а отрядъ Казаковъ съ офицерами составляютъ поѣздъ, и отправляются съ знаменами на избранное мѣсто въ сопровожденіи духовенства, чиновниковъ, старшинъ и всѣхъ жителей. Прибывъ на мѣсто, духовенство служитъ соборнѣ панихиду по усопшимъ и на браняхъ убіеннымъ. По окончаніи службы, стрѣляютъ изъ ружей; потомъ отрядъ наѣздниковъ пріѣхавшихъ для скачки, и духовенство угощается на войсковое иждивеніе, къ коему Казаки и чиновники прибавляютъ свои напитки и закуски. За симъ наѣздники садятся на коней, становятся въ рядъ и пускаются во весь духъ верстъ на десять и на пятнадцать. Клики народа, встрѣчаютъ молодца опередившаго своихъ товарищей. Женщины, почитаютъ обязанностію *принародно* угощать удалыхъ наѣздниковъ, медомъ, Донскимъ виномъ и *смачными* закусками. До поздняго вечера, молодцы толпятся вокругъ прекрасныхъ, перемѣняютъ усталыхъ лошадей, и на свѣжихъ также на всемъ скаку, стрѣляютъ въ цѣль изъ ружей и пистолетовъ. Луки вышли изъ употребленія, и пика давно уже предпочтена стрѣлѣ. Для скачки *на цѣликъ*, какъ здѣсь называютъ, употребляются лошади, имѣющія вѣрный и плавный скакъ; а для цѣли ставятъ на колѣ утвержденный снопъ соломы, или камыша. Въ разстояніи 200 саженъ отъ цѣли, скачку на цѣликъ открываетъ обыкновенно старикъ: пустивъ коня галопомъ и бро-

сивъ у самаго снопа поводья, онъ прикладывается ружьемъ, стрѣляетъ и снопъ зажженъ. За нимъ летитъ юноша, который на всемъ скаку соскочивъ съ лошади и держась одною рукою за гриву выхватываетъ другою изъ за пояса пистолетъ, стрѣляетъ въ цѣль и въ мигъ на лошади; другіе по слѣдамъ его перепрыгиваютъ чрезъ разложенный на землѣ огонь. Иной, притворяясь падающимъ съ несущейся лошади, хватаетъ съ земли монету, и бросивъ впередъ, ловитъ ее рукою на лету. Вечеромъ Войсковой Атаманъ или кто-либо изъ почетныхъ, приглашаетъ *на вечерницу*; гдѣ старики усердно *гуляютъ*, воспоминая молодость; молодые разсуждаютъ о происшествіяхъ дня, похваляются удальствомъ, также пьютъ, курятъ трубки, и изрѣдко кружатся вокругъ пригожихъ женщинъ, ища одобрительной ихъ улыбки, или благосклоннаго взгляда. Въ хорошее зимнее время, въ станицахъ при рѣкахъ находящихся, дѣвки и ребятишки катаются съ горъ на лубкахъ, или на округленной глыбѣ льда; молодцы же на рысистыхъ лошадяхъ въ одиночку на саняхъ катаются по расчищенному льду. Праздники сырной недѣли почитаются самыми пріятными и веселыми; главное ихъ отличіе состоитъ въ скачкѣ, катанье и стрѣльбѣ. Скачки на дальнее разстояніе нынѣ что-то перевелись и не составляютъ уже общественнаго увеселенія; только заводчики и охотники изрѣдка съѣзжаются для пробы своихъ лошадей. Дѣти увеличиваютъ шумъ и суету; они скачутъ по улицамъ, стрѣляютъ

изъ пистолетовъ; другіе изъ маленькихъ пушечекъ, а за неимѣніемъ ихъ изъ просверленныхъ костей, изъ подворотъ стрѣляютъ въ проходящихъ. На крыльцахъ домовъ, на улицахъ, на мостахъ, вездѣ толпы народа, вездѣ пальба; въ домахъ вездѣ блины и вино.

Въ прощеный день, въ воскресенье, во всякомъ знатномъ домѣ, посреди залы ставится столъ съ закусками: блины во всю недѣлю играютъ первую ролю, каждый посѣтитель по крайней мѣрѣ долженъ отвѣдать ихъ, чтобы тѣмъ сдѣлать честь хозяйкѣ. Въ прощеный день и въ другіе праздники въ нѣкоторыхъ домахъ наблюдается этикетъ, нимало не сходствующій съ простотою нравовъ и радушнымъ гостепріимствомъ вообще всѣми наблюдаемымъ. Хозяйка съ дочерьми принарядившись, садится за столъ и принимаетъ посѣтителей по чинамъ ихъ или по богатству. При входѣ однихъ не трогается съ мѣста, другимъ небрежно киваетъ головою; иныхъ сажаетъ на креслахъ по правую себя руку, иныхъ по лѣвую, другимъ же показываетъ стулъ подалѣе отъ себя; наконецъ, знатныхъ встрѣчаетъ у дверей, вмѣстѣ съ мужемъ вводитъ ихъ въ комнату подъ руки, провожаетъ даже на крыльцо смотря по чину, или по важности занимаемаго имъ мѣста. Чиновный ея мужъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, принимаетъ съ ласкою только высшихъ себя, и съ важностію равныхъ или по чему-либо нужныхъ ему людей. Старики дѣлаютъ посѣщенія не изъ свѣт-

скаго приличія; ибо просить прощенія въ винахъ и грѣхахъ своихъ почитается здѣсь, какъ и во всей Россіи долгомъ Христіанскимъ, обрядомъ истинно священнымъ. Молодые ѣздятъ прощаться по иному побужденію: сорвать поцѣлуй, что по обычаю допускается. Люди званія низшаго, торговцы и офицеры, непринадлежащіе къ именитымъ родамъ дворянства, приносятъ въ даръ почетнѣйшимъ, коихъ покровительство можетъ когда-либо имъ пригодиться, большой пряникъ или что-либо изъ сластей. Въ послѣдній день масляницы, по всѣмъ улицамъ изъ дома въ домъ, бѣгаютъ, суетятся; пьяные и трезвые, пѣшіе и конные, стрѣляютъ, кричатъ и поютъ. Городъ какъ бы въ мятежѣ, но жители съ миромъ и любовію провожаютъ масляницу и *прощеный день*, подобно тому, какъ Греки и Римляне нѣкогда праздновали Вакханаліи. Въ понедѣльникъ Великаго поста, съ крестомъ и земнымъ поклономъ принимаются за грибки и капусту; но отъ винца не отказываются; имъ, какъ говорятъ, *промываютъ ротъ*. Въ отдаленныхъ станицахъ, гдѣ нѣтъ высшаго начальства, не смотря на запрещеніе въ первые дни поста, силачи съѣзжаются на кулачный бой. Для избѣжанія несчастнаго случая знаменитымъ богатырямъ не позволяютъ принимать въономъ участія.

КУПАТЬ НА ВЕРБНОЕ.

Бросать въ воду тѣхъ, которые проспали заутреню на великіе праздники, по лѣности или по нечестію, ведется на Дону изъ стари. Обычай сей присвоенъ нынѣ Вербному воскресенію. Вышедшіе изъ церкви, раздѣлившись на партіи, спѣшатъ по домамъ отъискивать спящихъ, и нашедъ, секутъ ихъ вербами, припѣвая: *верба хлестъ, бей до слезъ; не я бью, верба бьетъ!*" Потомъ схватываютъ лѣнивца, выносятъ изъ дома на рукахъ, и погружаютъ его въ первую попавшуюся лужу или обливаютъ его нечистою водою. Днемъ *пируютъ по лѣнивымъ*, то есть приходятъ къ наказаннымъ пить и пировать. Татара и другіе иновѣрцы, которымъ на канунѣ сего дня случится ночевать въ станицѣ, что бы не подвергнуть себя смрадному погруженію, встаютъ до окончанія заутрени.

До времепъ Атамана Алек. Ив. Иловайскаго, каждая станица наряжала на случай тревоги опредѣленное число очередныхъ Казаковъ. Кто по лѣности, или нерадѣнію опаздывалъ на сборъ, также наказывался нечистымъ погруженіемъ и также поилъ своихъ товарищей.

Обряды сіи наблюдаются между низовыми Казаками, а къ верховымъ не относятся: они имѣютъ свои обычаи и игръ у своихъ собратій не перенимаютъ.

ВЕЛИКІЙ ДЕНЬ.

Великимъ днемъ называется Свѣтлое Христово Воскресеніе. Донцы вообще набожны, прибѣжны къ Богу, и по благочестію своему соблюдаютъ всѣ обряды церкви, съ тѣмъ же усердіемъ къ вѣрѣ и простодушіемъ въ исполненіи Христіанскаго долга, какъ и весь Русской православной народъ. Не призвавъ Бога въ помощники, никакого дѣла не начинаютъ; во всѣхъ бѣдахъ и напастяхъ съ моленіемъ милосердаго Спасителя призываютъ; знаменіемъ креста и молитвою благодарятъ Создателя за всякое благо; наблюдаютъ посты строго, смиряются по духу Христіанскому чистосердечно.

Подражаніе иностранцамъ, неимѣющихъ или не хранящихъ постовъ, благодареніе Богу, на Дону еще не существуетъ. Ни въ городѣ, ни въ станицахъ во весь постъ мясныя лавки не отворяются; такъ что Нѣмецъ, заѣхавшій къ Казакамъ, можетъ умереть съ голоду. Самые роскошные люди наблюдаютъ посты усердно и свято; даже до того, что старые люди во весь постъ не носятъ цвѣтныхъ одеждъ. Молодые люди, получившіе модное Французское воспитаніе, какихъ здѣсь весьма немного, хотя уклоняются отъ точнаго соблюденія постовъ; но дѣлаютъ это тайно отъ родителей своихъ, и не похваляются невѣріемъ, какъ нѣкоею принадлежностію образованнаго человѣка.

*

Въ великій день на заутрени, при провозглашеніи: *Христосъ воскресе!* православные начинаютъ празднованіе цѣлованіемъ Христіанскимъ въ губы, безъ различія лѣтъ, лицъ и пола. Атаманъ пріемлетъ въ объятія свои Казака, Генералъ цѣлуетъ своего слугу; хозяйку цѣлуютъ всѣ домочадцы; жены имянитыя спѣшатъ утѣшить нищаго и горестнаго. Всякаго сословія люди, даже бѣдные, везутъ и несутъ пищу заключеннымъ, искупаютъ должниковъ, раздаютъ деньги, одежду, каждый что можетъ; обиды забываются, вражда умолкаетъ и недруги для праздника примиряются. Какъ дѣти одного семейства, ликуютъ и радуются; въ домахъ и на улицахъ, отъ утра до вечера, съ знакомымъ и незнакомымъ, христосуются, цѣлуются и мѣняются *писанками*, такъ называются крашеныя и рисованыя яйца.

Во всю Святую недѣлю, жители въ станицахъ толпятся на улицахъ и площадяхъ. Молодцы качаются на качеляхъ, дѣти бьются на кулачки, катаютъ яйца, старики на голубцахъ пьютъ медъ и вино; а дѣвицы и молодицы водятъ хороводы, поютъ, бросаютъ мячи и забавляются между собою въ *кулючки*. Игра сія состоитъ въ слѣдующемъ: красавицы раздѣляются на двѣ партіи; первая изъ нихъ по жеребью прячется попарно въ закаулкахъ; вторая также попарно, должна отъискивать спрятавшихся, и *подозривъ*, бѣжать вмѣстѣ съ сысканными къ маткѣ, стараясь опередить ихъ. Чрезъ сіе проворство, вторыя пары

пріобрѣтаютъ выгодное право прятаться. Право сіе важнымъ почитается потому, что мущины, которымъ хочется *похристосоваться*, или слова два молвить своей любезной, внезапно нападаютъ на робкихъ красавицъ въ сокровенныхъ мѣстахъ и, не смотря на крикъ и смѣхъ, дерзновенно похищаютъ лишній, непозволенный поцѣлуй, или передаютъ другъ другу то, что и для читателей моихъ должно остаться тайною.....

ТРОИЦКІЯ СВЯТКИ.

Въ Маѣ и Іюнѣ, Казаки любятъ гулять по лугамъ и полямъ, покрытымъ цвѣтами. Семействами садятся они по пригоркамъ или укрываются подъ тѣнію рощи, или собираются въ саду подъ кудрявою грушею. Одну изъ прекрасныхъ, какъ *царицу праздника*, украшаютъ вѣнкомъ. Она подчуетъ всѣхъ и отъ стараго до малаго, всѣмъ подноситъ медъ *кандѣйкою*[a]. Кто выпиваетъ до дна, того награждаетъ поцѣлуемъ. По обнесеніи всѣхъ, красавица передаетъ свой вѣнокъ доброму молодцу, или красной дѣвицѣ, по своему выбору и желанію. Въ продолженіе угощенія все собраніе напѣваетъ пѣсню приличную времени и празднику:

Грушица, грушица моя,
Грушица зеленая моя;
Подъ грушею дѣвица стоитъ,
Печальныя рѣчи говоритъ:

(a) Родъ кружки отъ Татаръ заимствованный.

Нынчѣ худыя времена,
Сушать женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья.

Въ Маѣ деревья цвѣтутъ, земля покрыта бываетъ свѣжею зеленью и цвѣтами, Донъ наполненный *полою* водою представляетъ множество островов; между ними лодки покрытыя *кандолетами* (зонтиками), при тихомъ вѣтрѣ подъ парусами, съ пѣснями и ликованіемъ возятъ, такъ сказать, радость и любовь, веселіе и дружбу счастливыхъ обитателей.

Всѣ сіи увеселенія, обычаи и повѣрья, сохранившіеся отъ старины, ослабѣваютъ примѣтно, и измѣнились уже столько, что старики не узнаютъ ихъ и часто въ умиленіи сердца восклицаютъ: „Счастливы и болѣе благополучны были нежели нынѣ, въ тѣ старыя времена, когда не было различія въ званіяхъ; мудрѣйшіе были почтеннѣе; добродѣтельнѣйшіе уважаемѣе. Тогда не знали ябеды, не умѣли изворотами правдоподобія заводить тяжбы; не умѣли души нѣжныя уязвлять ухищреніями низкими. Богатство, пріобрѣтаемое трудомъ и удальствомъ, всегда опаснымъ, употреблялось на искупленіе плѣнныхъ. Въ сіи-то времена, простота нравовъ, обычаи, привычки, и любовь къ родинѣ, хранились какъ златое зерно нетускнѣющее отъ времени; тогда-то сироты безпріютныя, вдовы безпомощныя не искали покровителей; — ихъ искали для спасенія души своей, Христіане добродушные.“

VIII. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ.

СВАТОВСТВО.

Все то, что касается до любви и женитьбы, осталось на Дону на прежнемъ положеніи, какъ водилось у нашихъ прадѣдовъ безъ малѣйшей перемѣны и измѣненія. Хотя женщины и дѣвицы являются во всѣхъ обществахъ; хотя ихъ можно видѣть повсюду; но по принятому обычаю, молодые люди ни обращенія, ни знакомства съ дѣвицами имѣть не могутъ, можно только на нихъ смотрѣть, танцовать съ ними, отвести къ столу подъ ручку, и болѣе ничего. Зазорнымъ почитается угождать, служить, льстить, молодой особѣ; и то, что у насъ называется волокитствомъ и кокетствомъ, примется здѣсь за дѣйствіе не только безстыдное, но даже оскорбительное. Словомъ, влюбиться вмѣняется молодцу въ укоръ; а дѣвицѣ за стыдъ и срамъ. Женить сына и выдать дочь, совершенно зависитъ отъ воли родителей и родственниковъ. Отецъ и мать выбираютъ сыну невѣсту, а дочери жениха, по стариннымъ своимъ связямъ: ни у того, ни у другой не спрашиваютъ согласія, а благословя говорятъ *вотъ тебѣ*

жена; вотъ тебѣ мужъ, и дѣло съ концомъ. Хотя, по принятому между нами мнѣнію, такое стѣсненіе воли дѣвицы и молодаго человѣка, въ столь важномъ для нихъ шагѣ, рѣшающемъ безвозвратно участь всей ихъ жизни, назовемъ мы несправедливымъ, даже ужаснымъ; но опытъ показываетъ совершенно тому противное. По нашимъ утонченнымъ понятіямъ, любовь есть истинное мученіе, казнь; она при всей непорочности чувства, даетъ иногда послѣдствія самыя печальныя. Здѣсь напротивъ, любовь не производитъ никакихъ насильственныхъ дѣйствій, никто отъ нея не сумасбродствуетъ, не сходитъ съ ума; и она есть вѣрнѣйшій хранитель нравственности. Здѣсь нѣтъ соблазнителей, не слышно о непозволительныхъ связяхъ, о разводахъ: благородная дѣвица не выходитъ за мужъ за лакея, за плѣннаго Француза; мужъ не продаетъ своей жены, и чужую не увозитъ. Причины тому очевидны: отецъ и мать не могутъ желать своей дочери, или сыну зла; а имѣя болѣе ихъ опытности въ познаніи людей, безъ сомнѣнія могутъ избрать имъ и партію, лучше нежели они сами.

Что бы не подвергнуться гласному отказу и предварительно узнать мнѣніе невѣстиныхъ родителей, посылаютъ къ нимъ *свагу.* Женщины сіи, какъ необходимая принадлежность въ городахъ, составляютъ, такъ сказать, особенный цехъ. Онѣ переходятъ изъ дома въ домъ, переносятъ вѣсти,

знаютъ на перечетъ всѣхъ невѣстъ и жениховъ, имѣютъ вѣрныя свѣденія сколько имъ лѣтъ, какого нрава и сколько за ними приданаго; и такимъ образомъ, дѣлаясь необходимыми, служатъ основаніемъ и источникомъ всѣхъ сплетней. Сваха, пришедъ въ домъ невѣсты, искусно, стороною предлагаетъ родителямъ жениха, и предварительно освѣдомляется о ихъ намѣреніи; и если оно благопріятно, то родители жениха, выбираютъ свата изъ своихъ родныхъ, или изъ числа знакомыхъ почетныхъ особъ. Въ избраніи свата поступаютъ съ большою разборчивостію: дурной выборъ сватовъ ставится въ укоризну, и единственно по сей причинѣ, иногда отказываютъ жениху.

Сватъ съ такою же осторожностію какъ и сваха предварительно переговариваетъ съ родителями, на словѣ полагаютъ, какому быть приданому и сговариваются о всѣхъ прочихъ подробностяхъ. Переговоры о семъ предметѣ между родителями жениха и невѣсты почитаются неприличными. За симъ увѣренный уже въ согласіи, въ назначенный день, который обыкновенно послѣ перваго переговора, назначается дня чрезъ три или чрезъ недѣлю, дабы въ сіе время успѣть посовѣтоваться съ роднею, сватъ отправляется *съ поѣздомъ*, то есть въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей; и при входѣ въ домъ невѣсты, подноситъ отцу и матери ея, *хлѣбъ* и *соль*. Принятіе онаго означаетъ подтвержденіе согласія. Тогда сватъ проситъ дать ему руку: отецъ,

осѣнивъ себя крестомъ, говоритъ: *Дай Богъ въ добрый часъ!* и обернувъ полою своего платья руку подаетъ ее свату. Мать, положивъ три земные поклона предъ образомъ и сказавъ: „*въ добрый часъ!*" также подаетъ руку. Тогда сватъ, снова переговоривъ съ родителями посылаетъ за женихомъ. По пріѣздѣ жениха съ нѣсколькими товарищами, ему объявляютъ о согласіи; и онъ отцу и матери невѣсты кланяется въ ноги. За тѣмъ мать, или старшая въ семействѣ тетка, или замужняя сестра выводятъ невѣсту за руку, и ставятъ ее подлѣ жениха съ лѣвой стороны, что называется *смотромъ невѣсты.* Сватъ соединяетъ ихъ руки, причемъ дворовыя дѣвки поютъ: „*Ой заюшка, заюшка; ой заюшка, горностай молодой*"... и другія свадебныя пѣсни. Женихъ и невѣста обносятъ родныхъ обѣихъ сторонъ, каждый своимъ виномъ, потомъ сватъ подчуетъ ихъ самихъ, и они прикушавъ цѣлуются. Поцѣлуй сей означалъ любовь позволенную отцемъ и матерью. Прежде водилось, что въ то время, какъ женихъ и невѣста обносятъ вино, старушки и молодыя женщины, взявшись за руки, тихо двигаются вокругъ стола, стуча въ тактъ каблуками. Молодой же человѣкъ изъ родныхъ жениховой стороны, съ завязаннымъ чернымъ тафтянымъ платкомъ лицемъ, вбѣжавъ въ комнату, въ присядку съ присвистомъ и поговорками плясалъ казачка.

———

РУКОБИТЬЕ.

Двѣ молодыя женщины, называемыя *позыватыми*, отъ имени родителей жениха, и двѣ отъ стороны невѣсты, разъѣзжая по домамъ приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ къ назначенному дню на *рукобитье*, или *сговоръ*. По пріѣздѣ жениха съ родными, его ставятъ посреди комнаты, мать или старшая въ семействѣ женщина, выводитъ невѣсту и ставитъ ее съ лѣвой стороны жениха. Родители соединяютъ имъ руки говоря: „*Дочь! вотъ тебѣ женихъ, а тебѣ мой сынъ невѣста, да благословитъ Господь Богъ союзъ вашъ.*" Женихъ и невѣста кланяются въ ноги. За симъ невѣста въ сопровожденіи старшихъ своихъ родныхъ обноситъ жениховыхъ родныхъ виномъ; потомъ и женихъ такимъ же порядкомъ подчуетъ своимъ виномъ родныхъ невѣсты. При исполненіи сего рекомендуются, поздравляютъ другъ друга съ новою роднею, обнимаются и цѣлуются. За тѣмъ, жениху и невѣстѣ сваты подносятъ вино и заставляютъ поцѣловаться. Сей поцѣлуй уже связывалъ ихъ на всегда. Тутъ женихъ даритъ невѣсту бриліантами или деньгами, а она его вещами своего рукодѣлья, кисетомъ, или чѣмъ другимъ. Потомъ женихъ подводитъ невѣсту къ своему отцу и матери и ко всѣмъ роднымъ, которые поцѣловавъ ее, дарятъ жемчугомъ, перстнями, кольцами и другими вещами, причемъ свекоръ и свекровь стараются отличиться щедростію. За симъ открывается балъ. Молодые люди

остаются на весь вечеръ въ домѣ невѣсты; а родители ея съ своими родными ѣдутъ въ домъ отца жениха, гдѣ также пьютъ, поютъ и пляшутъ. На рукобитьѣ гости долго не остаются, и женщины расходясь по домамъ, поютъ: *заюшку* для жениха, и *перепелушку рябыя перушки* для невѣсты, извѣщая симъ жителей о происходившемъ.

ДѢВИШНИКЪ.

Послѣ *сговора*, родственницы невѣсты остаются при ней безотлучно до самой свадьбы и шьютъ для нее приданое. Каждый вечеръ, женихъ съ друзьями, посѣщаетъ невѣсту и приноситъ въ домъ ея радость и веселіе. За полночь молодые люди забавляются разными играми: въ короли, въ жмурки. Общество оживляется: смѣются шутятъ, рѣзвятся; но всегда пристойно, только къ родственницамъ позволяется подходить и вступать съ ними въ разговоръ. По изготовленіи приданаго за нѣсколько дней до свадьбы назначается *дѣвишникъ*. По призыву гости съѣзжаются въ домъ невѣсты, хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ дорогихъ гостей съ привѣтствіемъ: „*просимъ вашей чести, чтобы пили да ѣли, и веселы были.*“ праздникъ начинается баломъ, молодые танцуютъ; а старики бесѣдуютъ да пьютъ. Въ сей день, вмѣсто *торкаги* надѣваютъ на невѣсту Татарскую

шапку, съ чернымъ окольшемъ, за коимъ натыкаютъ множество цвѣтовъ и перьевъ. Коса же съ золотымъ косникомъ остается по прежнему.

ПОДУШКИ.

За два дни до свадьбы или наканунѣ, невѣстины *позыватые* приглашаютъ гостей на *подушки*, или на смотръ приданаго; такъ называется обрядъ, когда приданое перевозятъ въ домъ жениха. Гости собираются ввечеру въ домъ невѣсты, и разобравъ приданое по рукамъ: подушки, одѣяло, ларчики, зеркала и другія легкія вещи, несутъ въ домъ жениха съ пѣснею:

Сестрицы, подружки,
Несите подушки,
Берите перины
Сестры Катерины....

Дорогою подруги невѣсты поютъ:

Мѣсяцъ дорожку просвѣтилъ,
Братецъ сестрицу проводилъ;
Будь здорова какъ вода,
А богата какъ земля.......

По прибытіи жъ къ дому жениха поютъ:

Ты отворяй матушка ворота,
А вотъ тебѣ невѣстка молода......

Кроватъ съ приборомъ, и все приданое устанавливается въ спальнѣ, которая на сей случай убирается, какъ можно лучше. Праздникъ въ до-

мѣ жениха начинается баломъ, въ продолженіе котораго *чиберки* (швеи мастерицы) вызываютъ изъ танцовальной залы въ спальню, сначала жениха съ невѣстою, сажаютъ ихъ на постель, и подносятъ жениху рюмку вина, которую онъ пьетъ не торопясь, въ нѣсколько пріемовъ, за каждымъ приговаривая: „*вино горько, надобно подсластить,*" и столько разъ цѣлуетъ свою суженую, сколько душѣ угодно. Выпивъ, женихъ кладетъ чиберкамъ деньги на подносъ. За симъ всѣ гости, кому угодно, и одинъ послѣ другаго, садятся на постель и приглашаютъ изъ залы одну изъ дамъ. Чиберки подносятъ имъ вина или меду, за что мужчина кладетъ имъ деньги на подносъ, и также какъ женихъ цѣлуетъ свою избранную. Каждый мужчина имѣетъ право приглашать къ сидѣнью на постель, столько дамъ, сколько ему угодно. Смотря по деньгамъ, чиберки закидываютъ посаженную на постель пару подушками, приговаривая: „*и вамъ того желаемъ;*" доставляя тѣмъ удобный случай молодцу сорвать лишній поцѣлуй. Иногда хитрыя сіи швеи сажаютъ съ молодцомъ какую нибудь старуху, и послѣ, когда закидываютъ ихъ подушками, подмѣняютъ ее молодою; въ такомъ случаѣ, кавалеръ долженъ дарить щедрѣе. Въ старинныя времена, только при семъ обрядѣ позволялась мужчинамъ нѣкоторая свобода въ обращеніи съ дѣвицами, нынѣ къ сидѣнью на постелѣ дѣвицъ не приглашаютъ.

ВЫДАНЬЁ.

Въ старыя времена, приготовлялись къ браку съ должнымъ благоговѣніемъ: женихъ и невѣста постились. *Дружко* безотлучно находился при женихѣ и вразумлялъ его объ обязанностяхъ супруга. Накануне брачнаго дня, ввечеру предъ захожденіемъ солнца, невѣста, смущенная наступающимъ для нее *страшнымъ* днемъ, одна съ нянюшкою ходила на кладбище, гдѣ въ безмолвіи гробовъ повергшись на землю ницъ, со слезами и молитвою, призывала усопшихъ предковъ, клялась имъ сохранить въ чистотѣ данный ею обѣтъ, просила отъ нихъ себѣ благословенія, предстательства ихъ у престола небеснаго отца, да благословитъ Онъ новое поприще ея жизни. *Збережатой* или *водунъ*, рано по утру являлся къ жениху въ день выданья. Онъ избирался изъ такъ называемыхъ *колдуновъ*; обязанность его состояла въ предупрежденіи всякаго рода чародѣйства; и что бы въ пищѣ и напиткахъ не было какой порчи. Въ должность сію старались сыскать *упыря*, рожденнаго отъ вѣдьмы, котораго простой народъ по суевѣрію своему почитаетъ добрымъ геніемъ; предъ мудростію котораго, всѣ волшебницы и колдуны смиряются, и въ присутствіи коего, никакого зла сдѣлать не могутъ.

Дружко съ *вожатымъ* приводятъ жениха въ комнату къ родителямъ, которые благословляютъ его образами въ богатыхъ окладахъ. Затѣмъ въ

другомъ покоѣ благословляетъ его крестный отецъ; Священникъ читаетъ молитву, и помолившись, выходитъ вмѣстѣ съ женихомъ изъ дому. Женихъ садится на коня, и въ сопровожденіи *поѣзжаныхъ*, своихъ братьевъ и друзей, также верхомъ и вооруженныхъ отправляется въ домъ невѣсты. Тамъ сцена другая, болѣе трогательная: невѣста наряженная [a] своими подругами къ вѣнцу, благословляется родителями, при чемъ падаетъ къ нимъ въ ноги, и на вѣкъ прощается съ ними, съ братьями, сестрами, мамушками и нянюшками. Начинаются вопль и рыданія, какъ будто невѣсту въ гробъ кладутъ. Укротивъ печаль слезами, сажаютъ невѣсту въ переднемъ мѣстѣ подъ святыми на стулъ, подлѣ ее сажаютъ меньшаго изъ братьевъ, или кого-либо изъ дѣтей, которому даютъ въ руки *державу*, то есть шелковую плеть.

Женихъ въ сопровожденіи Священника и благословенныхъ образовъ, вошедъ въ домъ, идетъ въ образную, гдѣ помолившись, ведомой дружкомъ, подходитъ къ невѣстѣ. Дружко, видя что мѣсто жениховo занято, покушается прогнать маленькаго братца силою. Малютка — наученный, что долженъ дѣлать — защищается плетью по возможности и стула имъ занятаго не уступаетъ. Дружко начинаетъ торговаться съ нимъ: предлагаетъ ему конфекты, разныя сласти, деньги, вещи; и наконецъ покупаетъ мѣсто за какую-нибудь

(a) Въ старыя времена подвѣнечныя наряды переходили изъ рода въ родъ.

игрушку. Женихъ садится на стулъ, и принимаетъ отъ брата *державу*, какъ знакъ власти надъ женою. Въ сіе время, молодые женщины и дѣвицы поютъ:

> Татаринъ, братецъ Татаринъ,
> Продалъ сестрицу за талеръ.....

Снова начинается прощаніе, плачь и рыданія, невѣсту ведутъ подъ руки, сажаютъ въ экипажъ рядомъ съ женихомъ, противъ нихъ садится Священникъ со крестомъ и дружко. Въ предшествующемъ экипажѣ, отецъ и мать посаженыя, сватъ и сваха съ благословенными иконами; родители остаются дома, дѣвицы подруги, наряжавшія невѣсту, наплакавшись до сыта, въ ожиданіи своей судьбы расходятся по домамъ. Весь поѣздъ, предводимый *вожатымъ*, ѣдетъ къ церкви. Почитается неприличнымъ, чтобы въ сіе время невѣста плакала: творя молитву, она въ надеждѣ радостной будущности предаетъ судьбу свою Богу. Женихъ также съ благоговѣніемъ наблюдаетъ смиренное молчаніе, до окончанія обряда.

Прибывъ въ церковь, сваха на папертѣ снимаетъ съ невѣсты шапку, расплетаетъ ей косу и разчесавъ ее на двое, опускаетъ по плечамъ. По совершеніи таинства, вѣнчанную выводятъ на паперть, сажаютъ на стулъ и голову ея убираютъ по женски: заплетаютъ двѣ косы, и обернувъ ихъ около головы, надѣваютъ *повойникъ*, Въ томъ же порядкѣ какъ и прежде, поѣздъ отправляется въ домъ молодаго супруга.

Родители встрѣчаютъ молодыхъ на крыльцѣ, держа на рукахъ хлѣбъ и соль такъ, чтобы они могли пройти подъ оными. Потомъ сочетанныхъ осыпаютъ хлѣбнымъ зерномъ, деньгами, орѣхами и пряниками, дабы новая чета жила въ избыткѣ и счастіи; *князя* съ *княгинею* (такъ называютъ въ сіе время молодыхъ), вводятъ съ музыкою въ залу, и сажаютъ за прибранной столъ на первыя мѣста. Послѣ первыхъ блюдъ, *дружко*, *сваха* и *сбережатой* съ музыкою отводятъ молодыхъ на *чердакъ*, или въ спальню и кладутъ ихъ въ постель. Въ ожиданіи благопріятнаго извѣстія отъ свахи, гости остаются за столомъ, но пируютъ не весело. Если сваха въ надлежащее время (передъ жаркимъ) не выдетъ и получится неблагопріятное извѣстіе, начинается возня и шумъ, поютъ срамныя пѣсни, въ коихъ безчестно поносятъ родителей молодой. Гости разъѣзжаются съ досадою и упреками: пиръ кончается. Если же сваха, къ радости всѣхъ, представитъ несомнѣнное свидѣтельство чести и непорочности новобрачной, начинается *пиръ на весъ міръ*. Дружко и сваха скачутъ въ домъ отца и матери молодой, и одаренные ими за добрую вѣсть шелковыми матеріями, коими перевязываютъ ихъ крестообразно черезъ оба плеча, пріѣзжаютъ съ ними вмѣстѣ въ домъ веселія. Тогда молодыхъ приводятъ въ залу и сажаютъ по прежнему на первыя мѣста съ крикомъ и музыкою; мать цѣлуетъ дочь со слезами, всѣ обнимаются и пьютъ за здоровье отца и матери молодой, причѣмъ поютъ:

Ты не бойся, матушка, не бойся,
Въ червонныя чоботы обуйся;
Да хочь наша Марфушка молода
Да вывела матушку со стыда.

Молодая, покрытая румянцемъ стыдливости, сидитъ потупя взоры, болѣе мертва, нежели жива. Она, можно сказать, не видитъ и не слышитъ ничего, что вокругъ ее происходитъ, и съ трудомъ выдерживаетъ остатокъ церемоніала.

Дружко отъ имени *князя* и *княгини* обноситъ гостей *короваемъ* [а] приговаривая: „*прошу сыръ коровай принимать и молодыхъ надѣлять.*“ Въ слѣдъ за дружкою молодые подчуютъ гостей виномъ. При семъ родные по возможности дарятъ новобрачныхъ на новое хозяйство, что называется положить на коровай *покрывало приданаго.* Родители дарятъ молодыхъ табунами лошадей, рогатымъ скотомъ, деньгами; другіе родные оружіемъ, матеріями и вещами [б]. Собственное приданое невѣсты состоитъ въ одеждѣ праздничной и ежедневно употребляемой, въ бѣльѣ, въ домашней посудѣ и всякой рухляди. Отецъ не обязанъ выдѣлять дочери часть изъ своего имѣнія; но дастъ то, что ему Богъ на сердцѣ положитъ. Симъ

(а) Каждая частичка каравая украшается серебрянымъ лебедемъ или волоченою сосенкою, и на каждой кладутъ по немногу сыру.

(б) У Славянъ Далмацкихъ, Крайнскихъ, въ Славоніи, Кроаціи и Сербіи не только родные обѣихъ сторонъ; но сосѣди и знакомые снабжаютъ новобрачныхъ всѣмъ нужнымъ на обзаведеніе новаго хозяйства; такъ что и бѣдная чета, смотря по уваженію къ ихъ отцамъ, дѣлаются съ перваго дня новой жизни зажиточными.

предупреждаются всякія тяжбы и союзъ родственной хранится свято и ненарушимо.

Остальную часть дня проводятъ въ самомъ шумномъ весельи. Дружки и свахи наблюдаютъ, чтобы подносимые бокалы опоражнивались до дна, и чтобы ни одинъ изъ присутствующихъ не оставался трезвымъ. Обыкновенно начинаютъ пить, за здоровье Царя, Войска, Атамана, молодыхъ, ихъ родителей и каждаго гостя порознь, потомъ пьютъ за отсутствующихъ друзей; и наконецъ, когда носы порядочно покраснѣютъ и лица повытянутся, съ слезами на глазахъ, начинаютъ пить и *за здоровье усопшихъ*. Тутъ каждый по возможности старается отличиться краснорѣчіемъ, даромъ слова: для разныхъ случаевъ и лицъ придуманы, общія всѣмъ извѣстныя поздравленія. На образецъ, приводимъ одно для примѣра: „Желаю здравствовать *князю* молодому съ *княгинею*, княжему отцу, матери, дружку со свахами и всей честной компаніи на бесѣдѣ, не всѣмъ поимянно, по всѣмъ поравенно, что задумали, загадали, *опредѣли Господи* таланъ и счастье: слышанное видѣть, желаемое получить, въ чести и въ радости нерушимо.“ Собраніе отвѣчаетъ ему: „*Опредѣли, Господи!*“

Лакеи, горничныя, кучера и вся прислуга домашняя и приглашенныхъ гостей участвующая при выданье, получаютъ отъ князя и княгини по шелковому платку, коими перевязываютъ имъ руки.

КУРОЧКА И ПРОВОДЫ.

На третій день брака, *няня* рано поутру поздравляетъ питомицу свою съ добрымъ утромъ, отъ имяни отца и матери спрашиваетъ о здоровьѣ и подноситъ ей *вареную курицу*, приготовленную съ сорочинскимъ пшеномъ, на красномъ винѣ съ изюмомъ и пряными кореньями. Молодые щедро отдариваютъ няню деньгами, и тѣмъ награждаютъ ее за воспитаніе и присмотръ въ дѣтствѣ.

Новобрачный, повидавшись съ родителями, отправляется съ дружкомъ по домамъ родныхъ обѣихъ сторонъ, вездѣ дарятъ и подчуютъ его. Молодая также повидавшись съ отцомъ и матерью, ѣздитъ съ свахою по всѣмъ роднымъ, ее угощаютъ сладкимъ виномъ и такъ же чествуютъ подарками.

Свадебныя угощенія продолжаются по нѣскольку дней сряду у молодыхъ, у родителей ихъ, у посаженыхъ отца и матери, и по произволу у нѣкоторыхъ родныхъ. Новая родня съ чистосердечіемъ и дружбою, просто, безъ церемоніи, веселится съ радостнымъ сердцемъ. Тутъ по очереди у каждаго, пируютъ, можно сказать, до упада. Старики, сидя кружками, воспоминаютъ о минувшихъ дняхъ молодости и прежнихъ подвигахъ своихъ; старушки не отказываются отъ подносимаго имъ вина; молодые танцуютъ, поютъ и веселятся отъ всей души.

Прекрасное время простоты нравовъ еще не протекло, не миновало на Дону. Описанные здѣсь сва-

дебные обряды принадлежатъ собственно *Низовымъ Казакамъ*, и преимущественно наблюдаются между рядовыми людьми въ Старомъ Черкаскѣ. Въ верховыхъ же Станицахъ обряды сіи измѣняются; и въ каждой, есть что-нибудь собственное, особенное. Въ высшемъ сословіи держатся модныхъ обычаевъ, старина оставлена; однако же нѣкоторые изъ обрядовъ еще употребляются, и каждый по произволу наблюдаетъ тѣ изъ нихъ, которые считаетъ болѣе приличными. Въ нынѣшнемъ быту, ни одна изъ благовоспитанныхъ дѣвицъ, конечно ни за что не согласится и не позволитъ *электризовать себя* пріемами, наблюдаемыми при старинномъ обрядѣ *подушекъ;* и никто изъ гостей не посмѣетъ нынѣ, за столомъ и въ присутствіи дамъ, потребовать на смотръ очевидный признакъ непорочности новобрачной. Такія и симъ подобныя непристойности наблюдаются на свадьбахъ простыхъ людей; а въ лучшемъ обществѣ почлись бы самымъ наглымъ нарушеніемъ приличія. Музыка и пѣсни, вино и пляски, движеніе и крикъ — заключаютъ сіи бесѣды, гдѣ все бываетъ шумно, живо и весело. Пиры сіи называются *проводами* и *отводами*.

Конецъ третьей части.

ИСТОРІЯ

ДОНСКАГО ВОЙСКА.

ОПИСАНІЕ

ДОНСКОЙ ЗЕМЛИ

и

КАВКАЗСКИХЪ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ.

Печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, Декабря 7 дня 1833 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ПОѢЗДКА

НА КАВКАЗЪ.

Владимiра Броневскаго.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Въ типографiи Экспедицiи заготовленiя Государственныхъ бумагъ.

1834.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Мнѣ удалось такъ простудиться, что ни доктора, ни лекарства не избавили бы меня отъ смерти, если бы, по счастію, не догадались отправить меня, какъ безнадежнаго, на Кавказъ. Порядочная порція злаго зелья, принятая для исцѣленія простуды, встрѣтивъ въ желудкѣ моемъ другую болѣзнь, которой не подозрѣвали, произвела дѣйствіе противное ожидаемому. Меня согнуло въ дугу, свело руки и ноги, покрыло тѣло ранами, и изъ пяти чувствъ, оставило при мнѣ только одно,— чувство вкуса, которое при возбужденномъ лекарствами апетитѣ, удержало жизнь мою на волоскѣ. Я лежалъ уже какъ бревно, не у мѣста положенное, которое каждые четверть часа надобно было поворачивать съ боку на бокъ, и въ день по нѣскольку разъ перетаскивать съ мѣста на мѣсто. Въ такомъ

положенiи, когда по истинѣ не стоило труда хлопотать о сохраненiи жизни, по совѣту медиковъ меня положили въ карету на постель, и 20 Мая 1831 года отправили изъ Петербурга на Кавказъ. — Pour acquitter la conscience, (для успокоенiя совѣсти) я позволилъ дѣлать съ собою, что хотятъ, въ томъ убѣжденiи, что въ дорогѣ, на водахъ, и вездѣ на всякомъ мѣстѣ, можно умереть съ равною удобностiю. Столь долго стоя на краю гроба, я привыкъ къ этому положенiю, свыкся съ мыслiю о смерти, уже безъ страха смотрѣлъ на мое временное жилище, почти развалившееся, и безъ сожаленiя готовился оставить его. По сему-то я надѣялся, что тѣло мое далеко не увезутъ: движенiе и тряска, какъ казалось, скоро прекратятъ мои страданiя, и дѣйствительно отъ нестерпимой боли я едва не задыхался, — думалъ умереть въ Ижорѣ, въ Поснѣ; — но добравшись до Новагорода, привыкъ къ мукѣ, сталъ терпѣливѣе, и потихоньку подвигаясь далѣе и далѣе, къ крайнему моему удивленiю доѣхалъ живой до Москвы.

Отдыхъ столько укрѣпилъ меня, что я получилъ возможность разсуждать о томъ, что

вокругъ меня происходило, и чувствуя себя бодрѣе, снова сталъ думать о сохраненіи жизни.

Въ Тулѣ, я какъ бы пробудился отъ продолжительнаго сна, и два дни провелъ въ ней съ удовольствіемъ. Прежніе мои сослуживцы и знакомцы, всѣ пришли къ болѣзненному моему одру съ утѣшеніемъ; такое состраданіе, болѣе нежели что другое, укрѣпило меня въ желаніи пожить еще немного.

Изъ Тулы выѣхалъ я какъ бы обновленнымъ, до Воронежа ѣхалъ не скучая, а тамъ, степь ровная какъ столъ, и безпредѣльная какъ море, утомила меня. Тутъ, на разстояніи 30 верстъ между станціями, нѣтъ и слѣда жизни; кромѣ неба и земли, покрытой высокою сухою травою, полынью, крапивою и ковылемъ, ничего не видно. Вездѣ одни и тѣ же предметы; повсюду представляется печальное однообразіе, и пустыня безлюдная, безлѣсная и безводная. Отъ Павловска до Ставрополя и далѣе, на разстояніи 800 верстъ, не видно ни одного дерева, ни одного куста.

Въ Донской землѣ деревни стоятъ къ дорогѣ спиною, и представляютъ снаружи безпорядочную кучу мазанокъ, и красивыхъ хижинъ,

по Азіатски разбросанно построенныхъ. Большая дорога идетъ мимо селеній, такъ что станціи, состоящія изъ одной избы, безъ двора и огорожи, находятся въ 5 и 6 верстахъ отъ селеній. У станціонныхъ старостъ, на всѣ вопросы, одинъ отвѣтъ: *„ничего нѣтъ, и ничего не знаемъ!“* — На всемъ пространствѣ этой безконечной Донской степи, для ѣдущихъ на почтовыхъ, нѣтъ ни трактира, ни порядочной избы, гдѣ проѣзжающій могъ бы пообѣдать, или покойно отдохнуть. Посему каждый долженъ вести съ собою не только хлѣбъ, даже воду; ибо на многихъ станціяхъ въ колодцахъ вода горька и солона. Не запасшимся и имѣющимъ добрый апетитъ, надобно посылать человѣка за нѣсколько верстъ въ станицу, или хуторъ, и заплатя за все въ три-дорога, потѣрять для плохаго обѣда три или четыре часа времени. Не мудрено, если торопливо ѣдущій въ сей малонаселенной странѣ, не взначай и врасплохъ познакомится съ голодомъ; но любители сытнаго стола, которые ѣдутъ не на срокъ, могутъ легко избѣгнуть сего неудобства. Для насыщенія они могутъ нарочно остановиться въ станицахъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ дороги или отъ станціи располо-

женныхъ, гдѣ, на постоялыхъ дворахъ, для обозовъ построенныхъ, найдутъ всякое изобиліе; но для сего они должны потерять много времени, отпустить почтовыхъ, и покушавши заплатить Казакамъ за 5 и 6 верстъ до первой станціи столько же прогоновъ, сколько было бы достаточно и на сто верстъ. Гастрономы же, и люди роскошные могутъ избавиться отъ голода другимъ болѣе удобнымъ средствомъ. Въ Воронежѣ запастись виномъ и сухою провизіею, и голодное пространство до Новочеркаска проскакать въ двои сутки. Кстати случилось, что на Донскихъ станціяхъ держатъ лошадей болѣе положеннаго, а наятые Русскіе ямщики, какъ чужое добро, не берегутъ ихъ, и везутъ проѣзжающихъ по курьерски во весь опоръ. По счастію для меня, я привыкъ къ дорогѣ столько, что могъ уже ѣхать и ночью.

Въ Новочеркаскѣ отдохнулъ я отъ дорожнаго безпокойства въ третій разъ, и отдохнулъ какъ въ своемъ домѣ: тутъ нашелъ я роднаго своего брата, по службѣ живущаго со всѣмъ своимъ семействомъ. Забывъ, какой случай принудилъ меня посѣтить его, забылъ, что надобно ѣхать еще далѣе, но больные мои

кости скоро напомнили о томъ, и я пробывъ у него двои сутки, перекрестясь снова пустился въ путь. Не безъ досады, и не дешево переправился чрезъ Донъ, а тамъ по мягкой и ровной какъ столъ дорогѣ, ѣхалъ и день и ночь безъ остановки. Почтовые везли меня такъ скоро, что и Черкесы едва ли могли бы догнать меня. Наконецъ, не встрѣтясь съ этими храбрыми грабителями, 16 Іюня, благополучно и безъ приключеній прибылъ въ Пятигорскъ, въ сію *Божію лечебницу*, гдѣ надѣялся возвратить потерянное здоровье и стать на ноги.

Тотчасъ по пріѣздѣ вручилъ я *исторію* моей болѣзни, составленную пользовавшимъ меня въ Петербургѣ медикомъ, старшему на водахъ врачу Конради. Поручивъ себя его опытности, которая при леченіи водами стоитъ выше теоріи Медицины, я съ набожнымъ усердіемъ и военною точностію, исполнилъ всѣ его предписанія. Взялъ 100 ваннъ, изъ Сабанѣевскаго, Николаевскаго и Ермоловскаго ключей, не выше 32 градусовъ теплоты, и пилъ каждый день по 6 стакановъ минеральной воды изъ Михайловскаго и Елисаветинскаго источниковъ. Въ такомъ тѣлѣ, въ которомъ, какъ

думаю, и капли теплой крови не оставалось, могучія цѣлебпостію воды не могли дать скорыхъ и рѣшительныхъ послѣдствій. Къ концу курса, видя себя въ томъ же почти положеніи, какъ и пріѣхалъ, вѣра моя къ Божіему лекарству начинала слабѣть, по счастію любовь къ жизни укрѣпила мою надежду, и я по совѣту Медиковъ, и добрыхъ людей рѣшился взять другой курсъ.

Должно было отказаться отъ службы, отъ попеченія о своихъ дѣлахъ; должно было все бросить, всѣмъ пожертвовать, чтобы сохранить себя для семейства. Выбирать было не изъ чего. Ѣхать въ Петербургъ, куда призывали меня множество *необходимостей*, было слишкомъ далеко, и уже холодно; оставаться въ Пятигорскѣ слишкомъ скучно, ибо всѣ пріѣзжавшіе на воды, большею частію отъ немощей изцѣленные, съ радостнымъ сердцемъ, разъѣхались по домамъ. Я одинъ ни чѣмъ не обрадованный, съ смущеніемъ и горемъ, но съ покорностію волѣ Божіей, 15 Сентября отправился на зиму до начатія весенняго курса въ Новочеркаскъ.

Въ домѣ брата моего нашелъ я нужный для меня покой; могъ вести жизнь беззаботную

и лѣнивую, что также было необходимо, какъ увѣряли меня всѣ Доктора, и всѣ больные испытавшіе на себѣ дѣйствіе Кавказскихъ водъ. Родственной ласкѣ, внимательному попеченію и радушному гостепріимству брата и невѣстки, обязанъ я и самымъ облегченіемъ отъ недуга моего. Они съ строгостію тюремщиковъ смотрѣли за исполненіемъ предписаній, данныхъ мнѣ Докторомъ Конради. Но три мѣсяца прошли, и ни малѣйшей перемѣны въ состояніи здоровья моего не было примѣтно. Я по прежнему лежалъ на постелѣ, и какъ пустой мѣшокъ, въ магазинѣ брошенный въ уголъ, не трогался съ мѣста; какъ вдругъ, желая оборониться отъ мухъ, безнаказанно меня обижавшихъ, я сдѣлалъ усиліе, — и правая моя рука поднялась. Въ ту же ночь, и въ послѣдующія показался потъ, ноги мои, до сего холодныя, согрѣлись; и я, подобно шелковичному червю, началъ оживать, сталъ шевелиться, какъ-то нечаянно во снѣ повернулся съ боку на бокъ; и такимъ образомъ, не принимая никакихъ лекарствъ, наблюдая только умѣренную діету, къ половинѣ зимы, подобно Лазарю возсталъ изъ гроба, и къ крайнему

удивленію всѣхъ, а моей исключительной благодарности къ Богу, я могъ уже лежа на боку читать, писать, и по нѣскольку часовъ сряду сидѣть въ постелѣ.

Переходъ, хотя и медленный отъ животной къ разумной жизни, несказанно меня радовалъ; чудная водица, руками Творца приготовленная, начала дѣйствовать сильнѣе самаго сильнаго лекарства, и гораздо сильнѣе той, которая мельницы ломаетъ. Олицетворенныя Овидіевы превращенія, не могли бы удивить меня болѣе: оцѣпенѣвшее мое тѣло оживало, и я постепенно превращался въ существо живое, мыслящее, разсуждающее. На меня приходили смотрѣть, какъ на воскресшаго изъ мертвыхъ, но говорить со мною не могли, ибо я былъ еще такъ глухъ, что съ трудомъ могъ продолжать разговоръ; какъ эхо повторялъ послѣдніе только звуки рѣчи, и всегда почти въ стихъ.

Наконецъ Кавказская водица распорядилась въ исцѣленіи моемъ самымъ наилучшимъ образомъ: очистивъ желудокъ отъ двухъ, трехъ болѣзней, въ немъ поселившихся, и злаго зелья, которымъ Доктора наполнили его, давъ тѣлу моему нѣкоторую гибкость, а кожѣ

мягкость, принялась за голову — и привела меня въ ужасъ. Набатный звонъ колоколовъ, кузница Вулкана, паденіе Ніагарскаго водопада, буря вырывающая съ корнемъ столѣтніе дубы въ дремучемъ бору, не могли бы произвесть такаго шума, треска и тревоги, какія я почувствовалъ въ головѣ моей, — и трепеталъ отъ страха, радовался отъ надежды. Отъ нестерпимой боли я нѣсколько дней не могъ уснуть, но полагая, что такъ дѣйствуетъ Божія микстура, стиснувъ зубы, терпѣлъ и не жаловался, не вскрикнулъ ни одного раза. Боль въ ушахъ, въ головѣ, и по сочувствію во всемъ тѣлѣ, утомила меня; я уснулъ, — проснулся, и вдругъ слышу въ другой комнатѣ шелестъ шаговъ! Приподнимаю голову, — прислушиваюсь, — и не знаю, какъ описать мою радость, мой восторгъ, и глубокое чувство признательности къ милосердію Всемогущаго! Нарывъ въ ухѣ прорвался, — я ясно различаю чтó говорятъ въ другой комнатѣ въ полголоса. Желая удостовѣриться въ томъ еще болѣе, я кликнулъ слугу, и тотчасъ замѣтилъ, и догадался почему онъ отвѣчалъ на призывъ мой, какъ сердитой Боцманъ во время бури кричитъ матросамъ: „*На гротъ-марсъ.....!*“

Такимъ образомъ перерожденный, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что обновленныя во мнѣ умственныя способности требовали пищи. Едва только три пальца правой руки начали шевелиться, и я могъ держать въ нихъ перо, какъ уже искалъ для себя какаго-либо занятія. Тутъ, какъ сказалъ Марлинской: „случай явился ко мнѣ на ординарцы." Я воспользовался имъ, собралъ много свѣденій о Донской землѣ, и немедля пересмотрѣлъ ихъ и привелъ въ порядокъ. Послѣ долгаго бездѣйствія, наконецъ началась моя умственная жизнь. Осмотрѣвъ Новочеркаскъ, и отправившись въ Пятигорскъ, я сталъ записывать все мною видѣнное.

Изъ благодарности къ цѣлебности Кавказскихъ минеральныхъ водъ, изъ благодарности къ Правительству, устроившему при нихъ всѣ нужныя строенія, я описалъ ихъ на мѣстѣ съ математическою точностію. То, что видѣли глаза мои, что испыталъ надъ самимъ собою, все описано мною съ возможною вѣрностію. Читатели не найдутъ однакожъ въ моемъ описаніи минеральныхъ водъ, химическаго ихъ разложенія, не найдутъ ученыхъ, до Медицины относящихся разсужденій, — я писалъ для не-

разумѣющихъ Медицину; и больные, ѣдущіе на воды, найдутъ въ моей *Поѣздкѣ на Кавказъ* все то, что имъ можетъ быть полезно, нужно и пріятно; найдутъ полное руководство къ тому, какъ они должны вести себя при цѣленіи водами, какія удобства и неудобства найдутъ они въ своемъ содержаніи и помѣщеніи, и во что можетъ обойтиться и то и другое. Словомъ, я познакомлю предполагающихъ ѣхать на Кавказъ, со всѣми тѣми предметами, которые они встрѣтятъ на пути своемъ и въ самомъ Пятигорскѣ, и по которымъ расчисливъ собственныя средства, каждый можетъ расположиться такъ, чтобы на дорогѣ и при леченіи водами, не встрѣтить неожиданныхъ препятствій.

ПОѢЗДКА
НА КАВКАЗЪ.

НОВОЧЕРКАСКЪ.

Подъѣзжая къ Новочеркаску по Воронежской дорогѣ, уже соскучившись и отчасти привыкнувъ къ однообразному, безжизненному виду степей, видъ горы, рѣки, еще необсохшей части разлива, длинная плотина, плывучій мостъ и тріумфальныя ворота, обѣщаютъ городъ большой и хорошо устроенный. Но какъ наружность часто бываетъ обманчива, такъ и здѣсь; едва минуешь ворота, городъ исчезаетъ и глаза разочаровываются. При въѣздѣ много пустырей, много домиковъ безъ воротъ и забора; и обширное мѣсто для публичнаго сада, въ коемъ пока, кромѣ низкой загородки, нѣтъ еще ни одного дерева. Въ срединѣ города, изрядная улица, съ перваго взгляда представляетъ нѣчто хорошо начатое, съ намѣреніемъ никогда не кончить. Тутъ огромный каменный соборъ, въ чернѣ доведенный до купола, стоитъ безъ крыши и отъ давняго времени,

какъ остановлена работа, онъ началъ уже сверху разваливаться. Здѣсь домъ еще строится, а тамъ отъ вѣтхости уже валится; тутъ приготовлено множество камня, лѣса и другаго строительнаго матеріала, отъ долгаго лежанія почернѣвшаго и частію уже сгнившаго.

Городъ Новочеркаскъ лежитъ подъ 47° 24′ сѣв. широты и подъ 57° 47′ долготы отъ перваго меридіана; заложенъ 18 Мая 1805 года; жители переселены въ него изъ бывшаго городка Черкаска, который съ того времени называется Старочеркаскою станицею. На уничтоженіе сего послѣдняго имѣли достаточныя и основательныя причины. Старо-Черкаскъ стоитъ на низменномъ берегу Дона, во время полой воды, онъ весь на острову, коего только средняя часть остается сухою; а по нижнимъ улицамъ ѣздятъ въ лодкахъ. Дома построены тамъ весьма тѣсно, безъ дворовъ, на высокихъ сваяхъ, что увеличиваетъ издержки и уменьшаетъ прочность зданій. По слитіи воды, грязь и смрадныя испаренія весьма вредили здоровью, и большую часть года затрудняли сообщеніе съ городомъ; притомъ, какъ вода Дона не всегда годится къ употребленію, то, за неимѣніемъ колодцевъ и ключей, жители терпѣли въ водѣ великій недостатокъ. Мѣсто, избранное для Новочеркаска, не имѣетъ сихъ неудобствъ и при самомъ поверхностномъ обозрѣніи, представляетъ превосходное положеніе. Онъ расположенъ на плоской вершинѣ и по скатамъ до-

вольно высокой и крутой горы, съ сѣвера и востока обтекаемой рѣчкою *Тузловымъ;* а съ юга *Аксаемъ*, рукавомъ Дона, который выходитъ съ правой стороны сей рѣки, и по протеченіи 60 верстъ, впадаетъ въ нее же близъ Аксайской станицы. На пространствѣ 13 верстъ кругомъ, городъ разбитъ прямыми широкими улицами, раздѣляется на 3 полицейскія части и 76 кварталовъ; въ немъ находится 7 большихъ и 6 малыхъ площадей, 52 улицы, и 6 церквей. Новочеркаскъ есть единственный на Донской землѣ городъ, въ немъ находятся высшее войсковое начальство, гражданское и военное; и всѣ нужныя общественныя зданія, какъ то: домъ Войсковой Канцеляріи, Духовная Консисторія, Черкаское сыскное начальство, Градская полиція, Гимназія, уѣздное училище, типографія, почтовая контора, войсковой госпиталь на сто кроватей, домъ для умалишенныхъ, коихъ было 30 человѣкъ, острогъ, артиллерійской арсеналъ, три казармы, войсковой хлѣбный магазинъ, гостиной дворъ и 3 рынка, лѣсная биржа, 10 питейныхъ домовъ, двое большихъ каменныхъ городскихъ воротъ и 1702 обывательскихъ дома, изъ коихъ 282 каменныхъ, а прочіе деревянные. Изъ заведеній по части промышленности, здѣсь находятся: 1 водочный заводъ, 2 пивоваренныхъ, 3 салотопни и 4 кирпичныхъ завода. Жителей, включая и находящихся здѣсь военныхъ, считается до 14,000 душъ обоего пола.

Строеніе расположено по хорошимъ архитектурнымъ чертежамъ и вообще имѣетъ красивую

наружность; есть дома каменные двухэтажные, но не болѣе какъ въ 9 оконъ по наружному фасаду; большая же часть домиковъ въ 3 и въ 5 оконъ построены изъ тонкихъ пластинъ, снаружи и внутри выштукатуренныхъ и покрытыхъ камышемъ. Улицы не мощены, только главныя отчасти вымащированы, кое-гдѣ сдѣланы однакожъ тротуары; но нѣтъ ни одной улицы совершенно еще оконченной, и ни одной правильной площади; онѣ обширны и походятъ на выгонъ или поле, препорядочно унавоженное. Гостиный дворъ, глухой безъ оконъ, наскоро сбитъ изъ досокъ; на главной площади, по срединѣ, не умѣста, застроены какіе-то изъ лубковъ чуланы. Казенныя зданія также не великолѣпны, многія уже вѣтхи, а другія стоятъ недостроенныя; Гимназія на примѣръ, огорожена какимъ-то временнымъ заборомъ, состоящимъ изъ низкихъ столбиковъ, къ коимъ прибито по одной гнилой дощечкѣ, а по близости ее находящаяся казарма стоитъ уединенно безъ воротъ и забора. Только арсеналъ для небольшаго числа легкихъ орудій и двое тріумфальныхъ воротъ бросаются въ глаза. Послѣдніе построены были по желанію Атамана Графа Платова для торжественной встрѣчи покойнаго Императора Александра Павловича. Для производства общественныхъ работъ, при самомъ основаніи города, учреждены были два пятисотенныхъ рабочихъ полка, съ тачками и лошадьми, но за недостаткомъ ли денегъ или по инымъ какимъ причинамъ работъ произведено еще мало; только съ 1826

года, когда войсковые доходы умножены строгою отчетностію, рабочіе полки начали трудиться по надлежащему, и есть надежда, что при постоянномъ усиліи вскорѣ главныя улицы будутъ вымощены и обведены тротуарами.

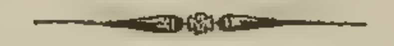
Въ здѣшнемъ гостиномъ дворѣ, многихъ необходимыхъ вещей еще въ продажѣ не имѣется; собственныхъ купцовъ мало, а вся торговля находится въ рукахъ Нахичеванскихъ Армянъ и Ростовскихъ купцовъ, которые малыми партіями привозятъ сюда нужнѣйшіе товары. Жители запасаются оными большею частію въ бывающую въ началѣ Октября ярмарку, на коей все можно купить дешевле, въ прочее же время, за все должно платить въ три-дорога. Въ самыхъ необходимыхъ мастеровыхъ великой недостатокъ, такъ что иногда не кому сапогъ починить. Одинъ каретникъ беретъ что хочетъ, а два цырюльника во всемъ городѣ, не берутъ ничего, что бы по призыву итти къ кому либо въ домъ; ибо они и сидя у себя на лавкѣ, не успѣваютъ перебрить всѣхъ къ нимъ приходящихъ. Портныхъ, столяровъ, плотниковъ, кузнецовъ и другихъ нужныхъ мастеровыхъ, также мало; и все это потому, что Казаки, какъ люди военные, никакими почти ремеслами не занимаются.

Нынѣшнюю зиму пріѣзжала въ городъ странствующая труппа актеровъ, и не смотря на бывшіе въ 20° морозы, во все время ихъ пребыванія продолжавшіеся, нетопленный театръ, былъ всегда

полонъ. О достоинствѣ актеровъ судить не будемъ, къ игрѣ ихъ, по необходимости, должно быть снисходительнымъ; ими были довольны; публика тѣшилась, чего же болѣе?.... Благороднаго собранія нѣтъ, но служащіе въ Войсковой канцеляріи и немногіе чиновники, постоянно живущіе въ городѣ, проводятъ время не скучно: кромѣ семейныхъ праздниковъ, по вечерамъ знакомые собираются играть по гривенкѣ въ бостонъ, или по маленькой въ вистъ, толкуютъ о своихъ приказныхъ дѣлахъ, о проискахъ, о хитростяхъ, о протестахъ прокурора — и вострятся на досугѣ....

При перенесеніи города изъ Стараго Черкаска, не знаю почему для новаго не предпочли мѣсто, гдѣ стоитъ Аксайская станица, которая положеніемъ своимъ на высокомъ берегу большой судоходной рѣки представляетъ еще важнѣйшія удобности. Положеніе Новаго-Черкаска, конечно гораздо выгоднѣе стараго, но положеніе Аксая еще выгоднѣе: кромѣ торговли, которая, не смотря на близость богатаго торговаго Нахичевана, долженствовала скорѣе обогатить жителей новаго города, и доставить промышленности большія средства, самое положеніе представляетъ на горѣ обширное ровное мѣсто, весьма пригодное для расположенія города. Хотя Новый Черкаскъ можно назвать Эоловымъ царствомъ, ибо гора, на которой онъ расположенъ, такъ сказать, притягиваетъ къ себѣ вѣтры, но они не спасаютъ однакожъ отъ постоянной лихорадки, почти неизбѣжной,

особенно для пріѣзжающихъ. Островъ, образуемый Дономъ и Аксаемъ, подходитъ къ самому городу, и по слитіи весенняго разлива представляетъ болото, въ самые каникулы гнилыми своими испареніями заражающее воздухъ. По Аксаю, кромѣ водополи, и небольшія лодки за мелководіемъ ходить не могутъ; а потому въ городъ все доставляется гужемъ. Придумываютъ, низовую часть рѣки отъ Ново-Черкаска до впаденія ея въ Донъ, углубитъ посредствомъ шлюзовъ, а для запаса воды запрудить плотиною и Тузловъ; но такія работы едва ли будутъ стоить дешевле того, если бы весь городъ рѣшились переселить въ Аксай.



НА ПУТИ

изъ

НОВОЧЕРКАСКА ВЪ ПЯТИГОРСКЪ.

26го Апрѣля 1832 года, отслуживъ молебенъ, горько разстался я съ людьми мнѣ любезными. Братъ со всѣмъ семействомъ провожалъ меня до тріумфальныхъ воротъ; подлинно справедливо говоритъ пословица: дальнія проводы, лишнія слезы. Пять разъ обнявшись и столько же поплакавъ, наконецъ простились и въ разныя стороны разъѣхались. Скорый переходъ изъ дома, гдѣ я избалованъ былъ покоемъ и гдѣ оставилъ безцѣнный для меня залогъ, сына; грозящая опасность отъ разбоевъ Черкесовъ, а паче неизвѣстность, помилуетъ ли меня Богъ, избавитъ ли отъ болѣзни? какъ тяжелый камень легли мнѣ на сердце. Я былъ сумраченъ и печаленъ, какъ осенній день; но когда на первой станціи въ *Зміевѣ*, лошадей перемѣнили скоро и во весь духъ довезли до *Аксая* благополучно; то явленіе новаго предмета,

подобно великолѣпной декораціи, съ видомъ величественной рѣки, выдвинувшейся на сцену, принудило меня заняться разсмотрѣніемъ онаго; и я скоро разсѣялся и на минуту забылъ о горѣ.

Съ пріѣзду, изрядной архитектуры каменная церковь, и другая пониже въ половинѣ горы, столь же хорошей наружности, первыя бросаются въ глаза. Далѣе, по скату крутаго прибрежія представляется городъ, деревня, или станица, не знаю какъ назвать. Тутъ мазанка, тамъ подобный блокгаузу, съ небольшими, неправильно прорѣзанными амбразурами, крытый черепицею или желѣзомъ каменный двуэтажный домъ. Здѣсь красивый деревянный, съ дырявою крышею, съ разбитыми окнами; а тамъ разбросаны хижины и палаты, крытыя лубками, камышемъ, дранью, травою, съ желѣзными ставнями и дверьми. Улицы расположены по крутому скату горы, узки и кривы, много развалинъ, пустырей, большая часть домовъ безъ заборовъ, или обнесены такими, которые, упавъ на улицу, мѣшаютъ проѣзду. Иные домики выжелтены, другіе выбѣлены, или, имѣя на себѣ натуральный цвѣтъ отъ времени побурѣвшій, украшены какими-то кривыми, короткими колоннами, и красивыми пестро размалеванными галлереями и крыльцами. Строеніе вообще являетъ видъ новый, странный и не совсѣмъ безобразный. На набережной *тихаго Дона*, широко разлившагося, построены изъ лубковъ ряды, надъ крышею которыхъ на жердяхъ развѣшана *тарань*,

запахомъ своимъ заражающая воздухъ; она составляетъ на Дону дешевое и лакомое блюдо для простаго народа. Ряды и предъ ними улица, наполнены всякаго рода товарами: въ первыхъ, сахаръ и деготь; апельсины и хомуты; бублики, инжиръ и драгоцѣнныя ткани дивятся, что встрѣтились въ одной лавочкѣ; на улицѣ кучами набросаны разное дреколіе, гнилыя кокоры отъ разобранныхъ барокъ, ржавые якорья и котлы. Аксай почитается богатѣйшею станицею на Дону, и могъ бы быть, судя по выгодному положенію, однимъ изъ лучшихъ городковъ въ Россіи, если бы не былъ прикрытъ этою изорванною и замаранною по наружности мантіею.

Аксай носитъ имя знаменитаго завоевателя, грабителя и убійцы, противу котораго самъ Наполеонъ былъ самымъ мелкимъ карлою. Темиръ-Аксакъ, къ несчастію, былъ здѣсь, и здѣсь какъ и вездѣ, оставилъ живой природѣ давно умершее свое имя и славу [a].

На пристани окружили меня перевозчики, люди видные, съ Азіатскими лицами, въ медаляхъ и Георгіевскихъ крестахъ. „Баринъ, давай торговаться," грубымъ, сиповатымъ голосомъ, воскликнули ко мнѣ человѣкъ съ десять вдругъ, шумно и грозно. Это меня испугало, ибо будучи немо-

(a) Темиръ-Аксакъ, названный Европейцами Тамерланомъ, оставилъ имя свое Темриукскому озеру что близъ Ростова, и Аксайскимъ горамъ, отъ войска и Аксайская станица получила свое названіе.

щенъ, я могъ ожидать отъ нихъ всякой непріятности; но разсуждая, что кого Богъ обидѣлъ, тому терпѣть должно, рѣшился уступить и долго съ ними не спорить. А какъ они домогались сорвать съ меня лишнихъ рубля два, три, то торгъ нашъ окончанъ минуты въ двѣ. За 18 рублей, карету спустили, или лучше, брякнули въ лодку, немедленно отвалили и подняли парусъ.

Вѣтръ попутный, рѣка покрыта бѣлѣющимися волнами: не смотря на шумъ вѣтра, хлопанье паруса, крикъ перевозчиковъ и веселыя пѣсни рекрутъ, идущихъ изъ Пензы въ Ставрополь, я преспокойно закусилъ и, не выходя изъ кареты, написалъ сіи строки. Одного изъ рекрутъ спросилъ я: а есть ли у васъ хоть по палкѣ въ рукахъ? А на что, Ваше Высокоблагородіе, бодро спросилъ высокорослый молодецъ? Развѣ не знаешь, что на дорогѣ Черкесы безъ спроса и позволенія иьымъ жилки подрѣзываютъ? Богъ милостивъ, весело отвѣчалъ рекрутъ, какъ по колу въ руки, такъ и справимся; а не удастся, такъ за то Командиръ отвѣтъ дастъ. Богъ васъ помилуетъ, добрые молодцы, сказалъ я самъ себѣ, подлинно *чудо-богатыри*, истинно Русскіе мужички; не диво что съ вами Русскому Царю все возможно, и все легко.

Внезапный толчокъ, стукъ и крикъ прервали патріотическія мои мысли, принудили, положивъ карандашъ, выглянуть въ окно и спросить: что

такое? Стали на мель! — Въ чемъ и сомнѣнія не было, ибо женщины и лошади взволновались; и однѣ пронзительнымъ воплемъ, а другія топаньемъ, думали отогнать отъ себя страхъ и опасность, отъ которой проворные рекруты тотчасъ насъ избавили. Лодку съ мели столкнули, но хозяинъ снова завязилъ ее въ камышѣ. Пока онъ съ протянутою рукою, сначала тихо, а потомъ съ крикомъ требовалъ съ каждаго своего пассажира недоговоренной, слѣдственно незаконной платы, съ тѣмъ, что бы получить помощь съ берега; рекруты опять скоро и легко лодку съ мели спехнули и снова подняли парусъ. Дерзновенный казакъ, въ третій разъ направилъ, и посадилъ лодку въ тину гораздо уже плотнѣе, и снова съ досадою и угрозами просилъ денегъ. Партіонный командиръ крикнулъ, лодка снова поплыла, а одинъ изъ переѣзжавшихъ, потерявъ терпѣніе, сначала изъявилъ свой гнѣвъ крупнымъ коренным *Русскимъ словомъ*; а потомъ схватя обломокъ весла, выместилъ на хребтѣ грубаго и корыстолюбиваго нашего Харона свою, — и мою досаду.

Не смотря на три остановки, переплыли Донъ часа въ два, и безъ бѣды и боли вышли на берегъ у деревни *Махино*. Усмиренный лодочникъ, перевезъ экипажи безъ спора, уже не требовалъ за то новой платы, а униженно просилъ только *на водку*. Такова жизнь этихъ людей: дабы вымучить нѣсколько лишнихъ грошей, они не гонятся за толчками; но проѣзжающимъ не легче отъ

того — имъ по истинѣ надобно имѣть здѣсь болѣе, нежели верблюжье терпѣніе. На берегу встрѣтило меня самое непріятное для проѣзжающихъ слово: *лошадей нѣтъ!* Такъ Европа на правомъ берегу Дона кончилась худо; Азія на лѣвомъ началась еще хуже.

Переступивъ границу, невольно вспоминаешь о другомъ величайшемъ завоевателѣ, изрыгнутомъ лютою Азіею, и подобно грозному привидѣнію, на берегахъ Адріатическаго моря исчезнувшемъ; но еще незабытомъ: такъ памятно зло, такъ глубоко пускаетъ оно свои корни. На правомъ берегу Дона, грозный Тамерланъ живетъ *въ имени* Аксая; на лѣвомъ устрашенному воображенію представляется ужасный Аттила, коего портретъ можно было бы отъискать въ толпѣ соплеменныхъ ему Калмыковъ, столь же безобразныхъ и храбрыхъ, какъ и тотъ, который самъ себя именовалъ *бичемъ Божіимъ*. Безмолвная толпа потомковъ, подвизавшихся подъ предводительствомъ сего варвара, но великаго человѣка, смиренно, съ самою простодушною, доброю миною, стояла близъ переправы, къ которой пришла на службу Царю Бѣлому. Такая превратность счастія тронула струну пристрастія моего къ отечеству, и мысль, „не ужели и Русскіе нѣкогда будутъ служить чужому Царю?“ мгновенно пробѣжала въ головѣ моей.

Битыхъ четыре часа принужденъ я былъ ждать

лошадей; но заплатя за рюмку *каймака* [a] полтину, когда цѣлое ведро молока продается здѣсь копѣекъ по тридцати, выпивъ чашку кофе, я прижался въ уголокъ моего подвижнаго домика, и закуря трубку, все забылъ, успокоился, немного сдремнулъ, какъ сказали, что лошади готовы. Въ *Баталинской* опять остановка, лошади есть, да люди всѣ больны лихорадкою. Должно было повѣрить, ибо изъ Махина по той же причинѣ отправили меня съ однимъ форейтеромъ. И такъ, противу воли проѣхавъ въ цѣлый день только 47 верстъ, принужденъ былъ расположиться у больнаго старика ночевать.

Хозяинъ мой, худой и какъ воскъ желтый, едва держась на ногахъ, вошелъ ко мнѣ и просилъ совѣта, или *снадобьица*. Сказать прямо, что медицины не разумѣю и пособить ему не могу, показалось мнѣ слишкомъ жестокимъ. Не рѣшившись сказать правду, по примѣру многихъ путешественниковъ, вскинулся лекаремъ: поднесъ ему большой стаканъ крѣпкаго пунша, изъ дорожнаго запаса своего подѣлился съ нимъ сушеною малиною; запретилъ ѣсть тарань и молоко, предписалъ средства безвредныя, хотя, быть можетъ, и безполезныя. Въ заключеніе же, прочелъ ему изъ Наставленія Суворова солдатамъ, слѣдующее: „*въ лихорадкѣ, день не ѣшь, другой не ѣшь; а въ третій, если не умрешь, то съ голоду выздоровѣешь.*“

(a) Такъ Казаки называютъ вареныя сливки, по Татарски ими приготовляемыя.

Такъ одинъ изъ моихъ пріятелей, человѣкъ проказливый и веселый, вылечилъ *кликушу* тремя средствами: зажигательнымъ стекломъ прижегъ ей на затылкѣ волдырь; приказалъ высѣчь ее крапивою, и окатилъ ее съ головы до ногъ ведромъ холодной воды, пошептавъ надъ нею что-то и сказавъ, что она заколдована.

27го *Апрѣля*: Въ *Кагалинской* станціи скотской падежъ: опять бѣда и остановка. Ямщики, ни отъ кого не ожидая помощи, просили оной у Бога. Священникъ служилъ молебенъ, окропилъ святою водою весь дворъ, скотъ, — и потомъ меня, весьма некстати увѣряя, что вѣрующему Богъ благодать свою видимо посылаетъ. Господи! перекрестясь и поцѣловавъ крестъ, сказалъ я самъ себѣ, поистинѣ вѣрую, пошли и мнѣ благодать твою, и помилосердовавъ спаси и помилуй. Не смотря на столь усердную молитву, Богъ не послалъ ни на меня, ни на сихъ людей своей благодати. Староста, едва только перекрестившій лобъ, обчелъ меня въ прогонахъ, и обѣщавъ, по причинѣ большой станціи въ 33 версты, запречь семь лошадей, отпустилъ на шести. Отъѣхавъ верстъ пять узналъ я обманъ: очень бы хотѣлось, покричать и побраниться, но не ворочаться же было съ дороги; а посему, что бы скорѣе усмирить свою досаду, запѣлъ пѣсню самую безтолковую, какою на этотъ разъ, показалась мнѣ вся эта сторона.

Слѣдующая станція состоитъ изъ одной избы безъ огорожи, какъ бивакъ; а станица *Мечетинская*

верстахъ въ пяти. Это сдѣлали *по долгомъ размышленіи*, для того, чтобы почтовымъ лошадямъ доставить близкій подножный кормъ, дорогу провесть прямѣе, станціи уровнять; — *и недумавши*, невзначай лишили проѣзжающихъ всякой помощи. Такому распоряженію слишкомъ удивляться не должно; и у насъ, во всѣхъ станціонныхъ избахъ долго висѣли по стѣнамъ печатныя правила, въ которыхъ не было и *единыя письменныя буквы* въ пользу проѣзжающихъ; а все относилось единственно въ охраненіе *чести*, пользующагося заурядъ 14 классомъ смотрителя, какъ будто для нихъ однихъ дороги и почты учреждены были.

На дорогѣ къ *Егорлыку*, люди мои подняли кису съ пашпортомъ, бѣльемъ и пятью рублями мелкихъ денегъ; не зная что съ нею дѣлать, я приказалъ отдать ее карантинному унтеръ офицеру, для доставленія по принадлежности. Но вскорѣ увидѣвъ торопливо проскакавшаго мимо Казака, приказалъ стоявшему возлѣ кареты человѣку, кликнуть: Федоръ! Казакъ оглянулся, воротился, и когда подъѣхалъ, я спросилъ его: какъ тебя зовутъ? Ѳедоромъ; а по прозвищу? Курнаковъ. Такъ возми же свою кису, да впредь будь осторожнѣе. Не знаю кому изъ насъ при столь краткомъ объясненіи было лучше? мнѣ ли только что у него *не укравшему*, или ему, столь неожиданно получившему въ цѣлости все, имъ потерянное.

Въ *Егорлыкѣ*, рыжебородый станціонный староста,

долго бранился съ людьми, мазать, или не мазать карету, долго спорилъ сколько запрягать лошадей, требовалъ прогоны ассигнаціями; а какъ не было у меня пяти рублевыхъ, то онъ сдалъ мнѣ съ 25 рублей по курсу серебромъ. Мнѣ не хотѣлось подарить рубля два грубіяну, который и въ прежній мой проѣздъ наглымъ своимъ крикомъ перепугалъ мою жену; но онъ и теперь, также какъ и тогда, грозился отпрячь лошадей съ такимъ сердцемъ, что конечно *не прибилъ* меня только потому, что по степному мѣсту не было у него палки.

Въ *Пещанокопской* почевалъ въ чистой избѣ, но въ ней ничего и никого не было. Хозяева спали, и ни одинъ изъ домашнихъ не хотѣлъ встать для проѣзжающаго; по утру же за деньгами пришли трое. Самоваръ налили горькою водою, и согрѣли соромъ на дворѣ собраннымъ; ночью водица жестоко отмстила мнѣ за неумѣренное употребленіе чая. Я лишнихъ часа два проспалъ и выѣхалъ поздно.

28го *Апрѣля:* Видали ли вы когда, какъ воды быстрой рѣки, смѣшиваясь съ морскою, представляютъ на поверхности моря двѣ полосы различнаго цвѣта? Такъ граница Донской земли съ Кавказскою областію, представляетъ рѣзкую черту: та же степь, но не тотъ же на ней цвѣтъ. Отъ самой границы, вмѣсто верстовыхъ столбовъ, по обѣ стороны дороги саженей чрезъ пятдесятъ, насыпаны изъ земли курганы, а мѣстами изъ

камня сложены конусы; станціонные смотрители вѣжливы, лошадей перемѣняютъ не мѣшкавши, и крикъ и шумъ умолкъ. Большія деревни, тысячи по двѣ и по три душъ, отстроены по плану, широкими прямыми улицами раздѣленными площадями, вездѣ исправная огорожа, мѣстами обсаженая деревьями, индѣ сады; церкви и кладбища расположены внѣ селеній; вездѣ выкопаны пруды или запружены рѣчки. Крестьяне, переведенные сюда около 50 годовъ и позднѣе изъ Курской, Орловской и Тамбовской Губерній, всѣ живутъ въ избыткѣ, хлѣба довольно, скота множество.

Что это такое? спросилъ я извощика, показывая на уродливо изсѣченный изъ камня болванъ. *Мамай!* сударь, *Мамай!* отвѣчалъ извощикъ, погоняя своихъ коней и безъ того скакавшихъ во весь опоръ. Эти Мамаи, другими *каменными бабами* называемые, представляютъ женскій бюстъ весьма безобразной Китайской формы; ихъ вкапываютъ на вершинахъ кургановъ, вмѣсто верстовыхъ столбовъ, а въ старые времена, имъ, конечно, съ трепетомъ поклонялись народы, обитавшіе на сей землѣ. Истуканы сіи, подобные тѣмъ, которые нынѣ можно видѣть въ Калмыцкихъ божницахъ, припадлежатъ не Татарамъ, которые, какъ Магометане, не могли ихъ имѣть; а вѣроятно идолопоклонникамъ Калмыкамъ, Половцамъ и Печенегамъ. Нѣсколько такихъ Мамаевъ я видѣлъ по дорогѣ отъ Ростова къ Изюму. Вотъ предметъ достойный вниманія Антикваріевъ.

Еще въ Черкаскѣ и на всѣхъ станціяхъ мнѣ расказывали о разбояхъ Черкесовъ ужасы; но пріѣхавъ въ *Безопасную* узналъ, что неболѣе 12 хищниковъ напали на одного проѣзжающаго, да въ полѣ порубили трехъ мужичковъ. Такъ гора родила мышь; такъ молва, подобно снѣжному кому, катяся съ вершины къ подошвѣ горы, выросла. Я долженъ былъ здѣсь ночевать, потому что на ночь никому не велѣно давать лошадей, даже почту и курьеровъ приказано останавливать.

29го *Апрѣля*: Спокойно уснувъ въ чистой горницѣ постоялаго двора, отъ правительства для проѣзжающихъ построеннаго, на зарѣ прекраснаго дня, я выѣхалъ въ сопровожденіи трехъ Казаковъ. До сего времени, земля, подобно морю при безвѣтріи, стелется ровно и безпредѣльно; но здѣсь степь взволновалась, единообразіе кончилось, и природа, облекшись въ новую брачную свою одежду, представляетъ виды болѣе разнообразные, болѣе красивые. Холмистое положеніе, приблизило горизонтъ къ зрителю, отъ чего кажется будто стало людиѣе, все ожило и веселѣе смотритъ. Пестрые тюльпаны, піоны, ноготки, бархатцы и множество другихъ цвѣтовъ украшаютъ поля, манятъ взоры, но обманываютъ обоняніе. Весною, пока солнце еще не такъ знойно, и степныя мѣста имѣютъ свою прелесть.

Въ *Донской* и *Московской* станціяхъ видны еще остатки оборонительныхъ казармъ, окруженныхъ

осыпавшимся валомъ и рвомъ. Между Безопасною и Донскою, верстахъ въ 60 отъ Ставрополя, Генералъ Эммануель, близъ большой дороги, строитъ домъ. Это будетъ первою усадьбою, въ сей малолюдной степи.

Въ здѣшнихъ окрестностяхъ живутъ Калмыки и Ногаи. Сіи первобытные обитатели сихъ странъ, нѣкогда страшныхъ для Россіи, теперь составляютъ самыхъ мирныхъ, покойныхъ подданныхъ. Народы сіи кочуютъ въ степи между Азовскимъ и Каспійскимъ морями, на отведенныхъ имъ мѣстахъ. Объ образѣ жизни Калмыковъ мы уже говорили при описаніи Донской земли; Ногаи же, происходя отъ Татаръ, живутъ въ плетеныхъ, глиною вымазанныхъ хижинахъ, *Саклями* называемыхъ; питаются скотоводствомъ, и также какъ и Калмыки, кочующіе въ Кавказской области, Государственныхъ податей не платятъ, только своимъ Князькамъ или помѣщикамъ, съ каждой сакли или кибитки платятъ въ годъ рублей по двадцати.

Подъѣзжая къ Ставрополю, какъ нѣчто рѣдкое представляется лѣсъ, еще мелкой и кривой; но въ право отъ дороги видѣнъ большой дубовый лѣсъ. Самый городъ расположенъ по оврагамъ, сады окружаютъ небольшіе красивые домики, главная широкая улица идущая по скату горы обстроены лучшими домами, на ней гостинной дворъ изъ желтоватаго известковаго камня украшенъ колоннами. Здѣсь также есть остатки земляпаго вала и казармы съ бойницами. Въ Ставро-

полѣ, какъ областномъ городѣ, живетъ начальствующій Кавказскою областію и войсками, по Кубанской и Кавказской линіи расположенными; здѣсь Корпусный Штабъ, Коммисаріатское депо и всѣ гражданскія присутственныя мѣста.

Справедливо говорится: *Поспѣшишь, такъ людей насмѣшишь.* Лошадей запрягли, расчелся съ хозяиномъ, хотѣлъ уже садится въ карету, какъ человѣкъ избѣгавъ весь городъ, и не нашедъ дежурнаго, возвратился безъ открытаго листа, необходимаго для полученія конвоя. Здѣсь проѣзжающему, нетерпѣливому и торопливому, настоящая мука. Подорожную надобно предъявить въ Полиціи, прописать у Коменданта, послать къ Почтмейстеру, потомъ къ станціонному Смотрителю; а тамъ за открытымъ листомъ къ Дежурному Штабъ-Офицеру, наконецъ къ Плацъ-Адъютанту и Казачьему урядику. Вотъ сколько инстанцій, не лучше судебныхъ, гдѣ также можетъ закружиться голова отъ замедленія.

30го *Апрѣля:* По неволѣ потерявъ цѣлыя сутки, на утро какъ ни хлопоталъ о конвоѣ; но его не получилъ. Я простоялъ у заставы болѣе часа, наконецъ, Казачій урядникъ объявилъ, что конвою прежде 10 часовъ давать не приказано. Надобно было ждать у заставы еще пять часовъ, или возвратиться въ городъ, искать новой квартиры, которыхъ, по числу проѣзжающихъ, весьма не много: — я плюнулъ и приказалъ ѣхать безъ конвоя. Во весь духъ понесли меня почтовыя,

дорога все подъ гору, станція не велика, и я проѣхалъ ее весьма скоро. Окресности города уже довольно населены, одна деревня *Надежевка*, при подошвѣ невысокаго хребта горъ расположенная, тянется почти на шесть верстъ. Въ *Марьевкѣ*, напившись чаю, и вмѣсто шести получивъ только трехъ Казаковъ, опять плюнулъ, приказалъ погонять и скоро пріѣхалъ въ *Базовую балку*, гдѣ начинается давно знакомая рѣчка Ашлы. *Сергіевка*, на рѣчкѣ Голоустовкѣ, стоитъ на самой вершинѣ холмистой возвышенности; откуда всѣ рѣчки текутъ, однѣ на Сѣверъ въ Донъ, другіе на Югъ въ Кубань. *Калиновка* уже въ горахъ, еще не высокихъ, и расположена по скатамъ оврага. Далѣе горы постепенно ростутъ, виднѣются уже голыя каменныя скалы и между ими глубокія тѣснины; но далѣе опять встрѣчаются ровныя мѣста.

Заштатный городъ *Александровъ*, расположенъ на низкой равнинѣ; при въѣздѣ болото, грязь и садъ съ корявыми деревьями. Я остановился въ гостинницѣ *Рахманова*, пестро раскрашенной и обсаженной тополями, на коихъ дурачились множество скворцовъ, что моего больнаго племянника очень забавляло; ребенокъ во всю ночь ими бредилъ, а весь слѣдующій день передразнивалъ ихъ и голосомъ и руками. Мнѣ дали прекрасную чистую комнату, украшенную кой-какими картинками, продаваемыми въ Москвѣ на Спасскомъ мосту, и фасадомъ городской церкви; не

очень красивой наружности; и взяли не дорого, два рубля за ночлегъ.

1го *Маія:* Отдохнувши преспокойно, всталъ я очень рано, но выѣхать прежде ранней обѣдни не могъ; ибо и здѣсь какъ въ Ставрополѣ, кромѣ курьеровъ и эстафетъ, никого до 10 часовъ изъ города не выпускаютъ; даже крестьяне прежде сего времени на работу въ поле не выѣзжаютъ. Видно опасность велика, когда кромѣ поста, находящагося на половинѣ дороги между станціями, на каждыхъ трехъ и четырехъ верстахъ, разставлены по высотамъ по два Казака; такъ что между станціями, расположенными на разстояніи 20 верстъ, въ четверть часа на угрожаемомъ мѣстѣ могутъ собраться 20 Казаковъ; въ полчаса 60, а черезъ часъ 300 вооруженныхъ крестьянъ и 140 Казаковъ. При такомъ распоряженіи, казалось бы не могло быть опасности для проѣзжающихъ; но не смотря на то, Черкесы бьютъ и грабятъ на большой дорогѣ сколько имъ угодно и почти безнаказанно.

Отъ чего же это? спроситъ меня читатель: Отъ того, что Горскій *Джигитъ* и нашъ Донской всадникъ, вылиты не въ одну форму. Черкесскій наѣздникъ, облеченный въ кольчугу, имѣетъ подъ собою пробнаго, лучшей породы скакуна; быстраго и проворнаго какъ молнія. На всемъ скаку латникъ стрѣляетъ изъ ружья мѣтко, въ пистолетѣ хранитъ вѣрную смерть тому, кто осмѣлится приблизиться къ нему на выстрѣлъ; *шашка*

въ рукѣ его какъ волшебный жезлъ, творитъ чудеса. Напротивъ, нашъ Донской ратникъ на своей пахатной лошадкѣ, плохо владѣя саблею, не впопадъ стрѣляя изъ ружья, съ одною только пикою, въ наѣздѣ одинъ на одинъ, не можетъ равняться съ Закубанскимъ рыцаремъ. Черкесъ кормится одною только добычею, и выѣзжаетъ въ поле на промыслъ, какъ они говорятъ, *поохотиться, помолодечествовать.* Небольшая ихъ партія, надѣясь на своихъ коней, не боится превосходной силы, и отступаетъ предъ нею, какъ бы шутя, не торопясь. Никогда не напускаютъ они на пѣхотный строй, или толпу Казаковъ слишкомъ близко, но отходя шагъ за шагомъ, перестрѣливаются всегда издали; и если Казакъ хотя не много отъ своихъ выѣдетъ впередъ и выстрѣлитъ не впопадъ, тогда пиши его въ расходъ. Черкесъ пускается на него во весь духъ, наскакавъ, ловко уклоняется отъ острія его пики, отводитъ ее въ сторону, или булатомъ своимъ пересѣкаетъ ее какъ тонкій прутъ; и, тогда рубитъ сопротивника своего какъ капусту, и если время позволитъ, во мгновеніе ока прекращаетъ жизнь его, однимъ ударомъ остраго кинжала. Такимъ образомъ, не допуская атаковать себя по ближе, какъ бы хотѣлось храбрымъ Казакамъ, хищники, по волѣ своей, и особенно когда замѣтятъ, что ихъ начинаютъ обходить съ боковъ, приникнувъ къ шеѣ бурнаго своего коня, пускаются на нихъ какъ изъ лука стрѣла, въ минуту исчезаютъ изъ вида; и снова являются тамъ, гдѣ менѣе ихъ

ожидаютъ; или, перескакавъ дальній ружейный выстрѣлъ, ѣдутъ шагомъ и снова уловляютъ минуту способную для нападенія. Такъ на Страстной недѣлѣ 1832 года, 20 удальцовъ осмѣлились напасть на *Сергіевку*, деревню, состоящую изъ 82 дворовъ, и погарцовавъ предъ 300 Донцовъ и мужиковъ, сколько имъ разсудилось, ускакали, потерявъ изъ своихъ не болѣе четырехъ; а у насъ убили и переранили болѣе 20 человѣкъ.

Къ сожалѣнію Донцы наши, которымъ поручено охранять дорогу, ведущую къ минеральнымъ водамъ, столь мало уважаются Черкесскими хищниками, что три или четыре конвойныхъ нимало не обезпечиваютъ жизни проѣзжающаго. Даже вмѣсто 20 Казаковъ, лучше имѣть при себѣ трехъ или четырехъ егерей, которые въ опасномъ случаѣ, зная, что пѣшій отъ коннаго не уйдетъ, защищая собственное свое тѣло, постараются продать свою жизнь какъ можно дороже, и ввѣреннаго ихъ защитѣ путешественника не предадутъ разбойникамъ на вѣрную смерть. Казаки же, при появленіи превосходной силы, непремѣнно будутъ скоро разсѣяны и прогнаны, или сами заблаговременно ускачутъ, для истребованія помощи изъ ближняго селенія. Егерей должно предпочитать Донцамъ и потому еще, что Черкесскіе хищники при малѣйшемъ сопротивленіи, и когда замѣтятъ рѣшительность и стойкость, не слишкомъ напускаютъ, не очень жадничаютъ къ добычѣ; ибо надѣются найти много случаевъ, въ

коихъ съ меньшею для себя опасностію могутъ пріобрѣсти гораздо болѣе. По сей послѣдней причинѣ, всѣмъ ѣдущимъ къ минеральнымъ водамъ должно брать съ собою прислугу надежную, хорошо вооруженную, и на границѣ Кавказской области, въ Егорлыкѣ или въ Безопасной, ружья осмотрѣть, зарядить и на ночь въ дорогу не пускаться.

Изъ *Александрова* выѣхалъ я большимъ обозомъ вмѣстѣ съ Казачьими отрядами, назначенными для занятія постовъ. Лишь только легкія утреннія испаренія исчезли предъ лицомъ дневнаго свѣтила, вправѣ открылся, какъ бы нечаянно, близко подошедшій великанъ, величественный *Элборусъ*, увѣнчанный снѣжною короною; а вскорѣ и *пять горъ* Пятигорскихъ, темною зеленью покрытыхъ. Въ разстояніи около 250 верстъ до перваго, и 116 до послѣднихъ, горы сіи являются какъ громады, поставленныя на гладкой, столу подобной равнинѣ. Отъ самаго Петербурга не встрѣчаешь ничего подобнаго, посему такой необыкновенный картинный видъ удивляя, прельщаетъ зрѣніе; но и тутъ собственнымъ глазамъ не вѣришь, что бы столь высокія горы могли существовать въ самомъ дѣлѣ. По новѣйшимъ измѣреніямъ, Элборусъ почитается по высотѣ своей третьею горою на земномъ шарѣ. Первая Джавалагири въ Тибетѣ, вторая Шимборазо въ Южной Америкѣ, нашъ Элборусъ третья, за нимъ Монъ-бланъ и Пикъ де Тенерифъ.

Дорога до станціи *Сабли* и далѣе идетъ ровными мѣстами, пересѣченными холмистыми возвышеніями, такъ сказать, постепенно пріучающими къ виду большихъ горъ. Здѣсь опасность отъ Черкесовъ увеличивается, ибо по сторонамъ дороги находятся овраги и скрытыя мѣста изъ которыхъ они, не бывъ примѣчены, могутъ подкрадываться и нападать нечаянно на самой дорогѣ. И здѣсь, гдѣ болѣе предстоитъ опасности, къ удивленію, не видно никакой осторожности: на постахъ Казаковъ мало; а посему-то, ѣдущіе къ водамъ, будучи уже столь близко къ цѣли путешествія, могутъ избѣгнуть бѣды только случайно. Такъ нѣкто, пріѣхавши въ Неаполь и взглянувъ на Везувій, съ изумленіемъ спрашивалъ себя: кто осмѣлился построить городъ при подошвѣ страшнаго волкана? кто первый дерзнулъ ступить на землю горящую внутри? Какъ столь великое многолюдство рѣшилось жить на такомъ мѣстѣ, гдѣ приложа ухо къ землѣ, можно слышать клокотаніе металловъ, растопленныхъ подземнымъ огнемъ? При всѣмъ томъ, одни пріѣзжающіе въ Неаполь иностранцы о семъ разсуждаютъ; а жители ничего не думая, въ вѣчномъ восторгѣ поютъ и пляшутъ! И это конечно потому, что привычка, также какъ и невѣденіе, храбрѣе трусливой человѣческой нашей природы; и дѣйствительно, кто изъ мужей, называемыхъ героями, кто смѣлѣе дитяти, которое, не думая ожечься, кладетъ пальчикъ на огонь?

Въ *Александріи* дали мнѣ только двухъ Казаковъ,

а тутъ переѣздъ черезъ Куму, почитается самымъ опаснымъ, потому что оба берега закрыты густымъ, высокимъ кустарникомъ, къ котороому весьма близко подходитъ гора, мѣсто удобное для укрытія хищниковъ. Изъ *Георгіевска*, гдѣ еще опаснѣе, отпустили меня съ однимъ Казакомъ на лошадкѣ, которая на 20 верстахъ стала. На послѣднемъ *Лысогорскомъ* постѣ къ Пятигорску, гдѣ хищники, скрываясь по ущеліямъ горъ, лѣсомъ поросшимъ, имѣютъ главный свой притонъ, отдали мнѣ послѣдняго часоваго, хилаго Казака безъ ружья и сабли. Признаюся, тутъ я началъ разкаяваться, что не послушался Георгіевскаго смотрителя, совѣтовавшаго мнѣ ночевать въ городѣ, и вмѣстѣ съ другими проѣзжающими выѣхать на другой день по утру съ большимъ конвоемъ. Но поздно пришло мнѣ на умъ разкаяніе, выбирать уже было не изъ чего: что ѣхать назадъ, что впередъ предстояла одна и та же опасность. Люди мои храбро вооружились: одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ дѣтское ружье, другой ржавое драгунское посѣчище, ямщику и форейтеру дали по пистолю, съ прошедшей Архипелажской войны седьмаго года не стрѣлявшихъ. Няня, посинѣвшая отъ страха, съ слезящими глазами высовывалась до половины, то въ одно, то въ другое окно; и ничего не видя ахала; вездѣ ей мерещились Черкесы. Двое слугъ, бывшихъ со мною, полагая, что и я также перепугался, какъ бѣдная старуха, увѣряли, что готовы умереть защищая меня; но я зналъ на передъ, чѣмъ все это кончится; зналъ

и то, что за одинъ выстрѣлъ, хищники изрубятъ насъ безъ милосердія; но не хотѣлъ однакожъ приказать спрятать негодное наше оружіе, не хотѣлъ лишить ихъ удовольствія похрабриться, пока опасность еще не наступила. Хотя и я расчитывалъ смотря по сторонамъ, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе опасности, но какъ она могла случиться и не случиться, то преспокойно положивши голову на подушку, рѣшился ожидать лучшаго, пока не было еще худаго. Словомъ, я рѣшился струсить не прежде, какъ смерть будетъ уже на носу. Если не въ нашей состоитъ власти отвратить бѣду, то по неволѣ дѣлаешься философомъ; ибо въ такомъ случаѣ страхъ и жалобы, суета и безпокойство безполезны. Между тѣмъ, какъ я старался успокоить ребенка, испуганнаго нянею, экипажъ катился по дорогѣ безостановочно, уже поровнялся съ соляными озерами; и наконецъ, часа за два до ночи пріѣхалъ я въ Пятигорскъ благополучно, радуясь, что не встрѣтились съ Черкесами.

ПЯТИГОРСКЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА ГОРОДЪ

До сего времени проѣзжая долинами и степями, кое-гдѣ встрѣчая холмы, горами у насъ называемыми, наконецъ съ удовольствіемъ увидѣлъ настоящія горы, составляющія предгоріе, или такъ сказать порогъ, первый уступъ величественнаго Кавказа. По мѣрѣ приближенія къ симъ горамъ, взоръ путешественника, ѣдущаго изъ Россіи, утомленный симетрическимъ видомъ долинъ, съ любопытствомъ, и какою-то особенною радостію смотритъ на нихъ, и видитъ небо и землю и всю природу совершенно въ новомъ видѣ, въ другой одеждѣ. Съ пріятнымъ удивленіемъ замѣчая такое превращеніе, путешествующій, по неволѣ дѣлается живописцемъ: горы дробятъ передъ нимъ милліоны живописныхъ ландшафтовъ, и представляютъ ему столь великое и прелестное разнообразіе, что какъ бы чувства и зрѣніе его не были тупы, онъ невольно вперяетъ на нихъ взоры, съ жадностію разсматриваетъ ихъ, и не умѣя дать себѣ отчета, не умѣя сказать *почему?* наслаждается разсматриваніемъ; ибо каждый видъ ему нравит-

ся, каждый новостію своею, или свѣжестію красокъ, привлекаетъ къ себѣ его взоры. Наконецъ, у самаго Пятигорска дорога подходитъ къ подошвѣ *Машука,* въ полверсты перпендикулярной высоты столь крутой, что съ права, у васъ является отвѣсная скала, а съ лѣва обрывъ, омываемый быстрою, но мелкою рѣчкою *Подкумкомъ.* Подъ навѣсомъ сей скалы, на узкой стезѣ представляется нѣсколько хижинъ или мазанокъ, снаружи опрятныхъ; но столь маленькихъ и низкихъ, что если войти въ горенку и лечь на лавку, то одною рукою можно достать окно, другою дверь, а ногою коснуться потолока. Хижины сіи составляютъ небольшую улицу, называемою *солдатскою слободкою*; въ ней ближе, къ городу, котораго и проѣхавъ слободку еще не видно, есть домики и въ три и въ пять оконъ по фасаду, въ коихъ 100 комнатъ отдаются въ наемъ за сходную цѣну. Одинъ изъ лучшихъ, принадлежащій главному врачу здѣшнихъ минеральныхъ водъ Конради, очень уютенъ, пестро окрашенъ, и окруженъ цвѣтникомъ и садикомъ. Когда отъ сего домика, около послѣдняго возвышенія, на вершинѣ коего улѣплена госпиталь, круто поворотишь на право, тогда вдругъ, какъ рисованная декорація, является городъ.

Путешественникъ, утомленный дальнимъ путемъ, съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что онъ наконецъ достигъ цѣли своей, и видя предъ собою нѣчто *хорошее,* съ надеждою поднимаетъ глаза къ небу,

и опуская ихъ долу, нечаянно встрѣчаетъ множество предметовъ, какъ радость умягчающихъ сердце. Такъ первый взглядъ на Пятигорскъ усладителенъ. Пока слуга отъискиваетъ комнату для ночлега, пріѣзжій имѣетъ время осмотрѣться. Послѣдуемъ за нимъ.

Экипажъ его стоитъ подлѣ булевара при началѣ главной улицы, идущей вдоль ущелья, между двухъ отраслей *Машука*, близко одна къ другой подходящихъ. Предъ нимъ гостинница, прекрасное двуэтажное каменное зданіе, съ фасада украшенное большою парадною лѣстницею, на коей шесть Іоническихъ колоннъ поддерживаютъ красивый фронтонъ. Въ одну линію съ гостинницей, представляется рядъ домовъ пріятной наружности; и еще виднѣются нѣсколько колоннъ и двуэтажныхъ зданій. За сею линіею къ сѣверу, по скату горы, расположенъ небольшой городокъ, состоящій изъ одной улицы, идущей въ гору, и трехъ поперечныхъ. Всѣ домики правильной архитектуры, построены изъ тонкихъ брусьевъ, снаружи оштукатуренныхъ и бѣло на бѣло выбѣленныхъ; большая изъ нихъ часть крыты желѣзомъ или тесомъ, зеленою краскою выкрашенныхъ, немногіе крыты камышемъ. Словомъ, Пятигорскъ, и при самомъ началѣ существованія своего, еще не планированный, невымощенный, и безъ тротуаровъ, очень походитъ на Нѣмецкой городокъ, весьма опрятный и регулярный. Небольшая деревянная церковь, снаружи обшита досками, украшена ко-

лошнами, и выкрашена такъ свѣжо, что при взглядѣ на нее, не видно ничего неоконченнаго, что у насъ случается и при самыхъ великолѣпныхъ зданіяхъ. На другой сторонѣ главной улицы, бросается въ глаза большой двухъ-этажной домъ, построенный отъ Правительства, въ коемъ раненые Офицеры получаютъ квартиры безъ платы. Другой домъ, для помѣщенія неимущихъ, въ знакъ благодарности за изцѣленіе водами, построилъ Донскаго Войска Генералъ Алексѣй Петровичъ Орловъ. Оба сіи зданія, также какъ и гостинница, построены изъ известковаго камня, снаружи неоштукатуреннаго и имѣющаго прекрасный натуральный пепельный цвѣтъ.

Другіе предметы, окружающіе пріѣхавшаго, пріятнымъ образомъ удивляютъ его. Не вѣрится глазамъ, чтобы въ такой глуши можно было найти и булеваръ, липами обсаженный, гладко укатанный и чисто пескомъ усыпанный, и на немъ почти такое многолюдство какъ на Невскомъ проспектѣ — почти такую же пестроту и щегольство — съ тою только разностію, что тутъ подлѣ булевара журчитъ по камешкамъ ручей минеральной воды, запахъ котораго, хотя не услаждаетъ обонянія, но обѣщаетъ то, для чего столько безпокойствъ претерпѣли въ дорогѣ. Зданіе [a] прекрасной архитектуры съ тремя портиками, передъ нимъ цвѣтникъ, а позади голая, обрывистая скала; и на ней въ

(a) Николаевская купальня.

половинѣ ея высоты, другое красивое зданіе [а] съ колоннами и белведеромъ. Выше, на второмъ уступѣ скалы, еще три вѣтхихъ зданія [б] одно надъ другимъ, какъ бы на крышѣ построенныхъ; и на самой вершинѣ скалы еще домъ [в], къ коему, трудами ногъ человѣческихъ пробита, извилистая, горная тропинка. Наконецъ, серповидное шоссе, по наклонной плоскости высѣченное въ каменной горѣ; подъ нимъ гротъ, сложенный изъ необдѣланныхъ камней, которыми хотѣли (да не могли) представить подобіе Ельборуса; предъ гротомъ, другой булеваръ полукруглой формы, акаціями и цвѣтами обсаженный; а крутой скатъ горы до шоссе, украшенный кривыми дорожками, кущами деревъ, цвѣтущими кустарниками, и зеленымъ какъ бархатъ дерномъ одѣтый; представляетъ видъ, столь въ цѣломъ прелестный, столь красивый и простой, что производитъ на чувства зрителя самое пріятное, глубокое впечатлѣніе.

Предполагая читателей моихъ не моложе 25 лѣтъ, скажу имъ, что еще при ихъ жизни, на мѣстѣ Пятигорска былъ небольшой аулъ, куда Закубанскіе народы пріѣзжали купаться въ бассейнахъ, устроенныхъ природою. Въ 1809 году, подлѣ аула, первый домикъ построилъ Исправникъ Водынскій, въ слѣдующемъ году, Стряпчій

(а) Ермоловская купальня.

(б) Александровскія купальни, принадлежащія къ главному горячему ключу.

(в) Госпиталь, прежде бывшая укрѣпленная валомъ казарма.

Чернявскій поставилъ другой, который и до сего времени сохранился конечно потому, что хозяинъ его по званію своему и у насъ въ Россіи причисляется къ сословію наиболѣе домовитому. Настоящее строеніе селенія, названнаго *Горячеводскомъ*, началось съ 1820 года. Первое казенное зданіе нынѣшняя Александровская купальня, построена при Губернаторѣ Малиновскомъ; Николаевскія купальни окончены въ 1829 году; Ермоловскія, лѣтъ шесть прежде. Изъ Россіи начали пріѣзжать къ водамъ съ 1810 года, къ 1820 онѣ уже прославились; и съ сего времени число посѣтителей съ каждымъ годомъ увеличивается.

Кабардинскія, такъ Черкесами называемыя горы, окружающія Пятигорскъ, имѣютъ слѣдующія названія: 1, *Песчаная* (Кумъ гора); 2, *Мертвая*; 3, *Верблюдъ*; 4, *Змѣиная*; 5, *Желѣзная*, гдѣ нынѣ Желѣзноводскъ въ 20 верстахъ отъ Пятигорска, 6, *Пятигорская* (Бештау); 7, *Машукъ*; и 8, *Лысая* гора. Горы сіи нѣкогда составляли границу между Кабардою и Абазіею, такъ что Кисловодскъ, въ 40 верстахъ отъ Пятигорска находящійся, принадлежалъ къ Абазіи. Сіи горы составляютъ подошву главнаго Кавказскаго хребта, стоятъ отдѣльно одна отъ другой въ видѣ возвышеній разнообразной формы. Черкесы также называютъ ихъ общимъ именемъ *Бештау*, слѣдственно супруга Царя Іоанна Васильевича, Марія Темрюковна, была богата только красотою, а не деньгами; а Князь отецъ ея, не Великой былъ Князь. Извѣстно по нашей

*

Исторіи, что тесть, находясь подъ покровительствомъ зятя, чрезъ Русскихъ Священниковъ (1559 г.) снова крестилъ своихъ подданныхъ. Нынѣ они ни Христіане, ни идолопоклонники, и даже не Магометане; но какіе бы они не были, а со временъ Грознаго Царя должно ихъ почитать подданными Россіи, ибо покровительство сильнаго и богатаго, слабому и бѣдному, однозначенательно съ означеніемъ слова: *покорнѣйшаго слуги!*

Въ 1830 году, *Горячеводское* селеніе названо городомъ *Пятигорскомъ*, и въ него изъ упраздненнаго Георгіевска переведены всѣ уѣздныя судебныя мѣста. Предположено и жителей Георгіевскихъ перевесть и поселить подлѣ Пятигорска по западную его сторону, на возвышенномъ и ровномъ берегу *Подкумка*, составляющемъ первый уступъ, подходящій къ подошвѣ *Бештау*. Улицы разбиты, шесть мѣстъ желающимъ уже розданы, и вскорѣ въ пустынныхъ дебряхъ великолѣпнаго Кавказа явится прекрасный Европейскій городъ, гдѣ посѣтители знаменитыхъ дознанною цѣлебностію его водъ, найдутъ покой и безопасность. На счетъ послѣдней и теперь нѣтъ уже ни малѣйшей опасности отъ набѣговъ Горскихъ хищниковъ; они бродятъ по окрестностямъ и скрываясь какъ тати въ ущеліяхъ и по лѣсамъ, грабятъ, если удастся, проѣзжающихъ по дорогамъ. Приписанныя къ городу три Станицы съ 700 линейныхъ Казаковъ, и баталіонъ пѣхоты съ 2 пушками, квартирующій въ городѣ, для Черкеской конницы, храброй въ разбойническихъ на-

ѣздахъ, и труслявой въ битвѣ для чести, составляютъ оплотъ непреодолимый.

Какъ всѣ здѣшніе дома построены для пріѣзжихъ, то внутреннее расположеніе оныхъ удобно. Комнаты содержатся довольно опрятно, снаружи оштукатурены, внутри обклѣены оберточною бумагою, разными колерами разкрашенной. Мебель, правду сказать, не очень благовидна и состоитъ изъ простыхъ деревянныхъ скамей, столовъ и разнокалиберныхъ стульевъ; есть и картинки лубочной печати, есть портреты Китайской живописи съ надписью, ибо безъ оной не льзя было бы различить человѣческаго лица отъ оранг-утанга. Есть и бракованныя Московскихъ фабрикъ зеркала, въ которыхъ и самое прелестное личико покажется безобразнымъ, готическимъ. Впрочемъ, хотя въ окна дуетъ и двери не притворяются, но все нужное есть, и сараи для экипажей, и кухни, и погреба и чуланы. Кромѣ казенныхъ зданій во всемъ городѣ считается 76 домовъ и флигелей, въ коихъ 436 комнатъ отдается въ наймы. Пріятно замѣтить, что всѣ здѣшнія города построены солдатами, которые подобно Римлянамъ, побѣждая распространяютъ просвѣщеніе. Безъ нихъ жители, коихъ въ Пятигорскѣ считается не болѣе 500 душъ, не могли бы построиться, и не имѣли бы портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, кузнецовъ и другихъ самыхъ необходимыхъ для общежитія мастеровыхъ. Здѣсь все солдатское.

За отдѣленіе въ три или четыре комнатки съ

особою кухнею и прочею прислугою безъ дровъ, (коихъ кубическая сажень продается отъ казны по 16 рублей), платится на весь курсъ, считая съ 1 Маія по 1 Октября, отъ 400 до 600 рублей. Одинъ только домъ Доктора Конради, лучше другихъ отдѣланный и снабженный мебелью краснаго дерева, отдается за 1000 рублей, болѣе и менѣе, смотря по пріѣзду или какъ удастся. За парныя дрожки, здѣшняго солдатскаго издѣлія, такаго же изящества, какъ и мебель, платится по 50 рублей въ мѣсяцъ. Съѣстные припасы вообще дешевы: Шотландскіе колонисты, въ селеніи *Карасъ* въ 7 верстахъ отъ города поселенные, доставляютъ лучшее масло, молоко, хлѣбъ, картофель, зелень. Говядина продается по 7 коп., баранина превосходнаго вкуса по 10 коп. фунтъ; вино Кизлярское, употребляемое здѣсь больными, красное по 8 рублей, бѣлое по 12 руб. за ведро, прочее въ соразмѣрности. Лекарю платится 200 руб. за курсъ, и болѣе и менѣе, смотря по возможности ихъ паціентовъ. Одинъ Аптекарь изъ всѣхъ жителей Пятигорска, могъ бы навѣрное обанкрутиться, если бы благодѣтельное Правительство не отпускало ему своихъ лекарствъ; — и при такомъ пособіи, доходъ Аптекарскій едва ли достаточенъ для пропитанія его домашнихъ куръ. Почтовые, дорожные и разные другіе издержки, каждый можетъ вычислить по числу своей услуги и экипажей. Вообще можно сказать, что если квартиры еще дороги, то за то столъ очень дешевъ. Примѣрно, столъ состоящій изъ 4 блюдъ безъ вина

для 5 особъ обходится кругомъ не болѣе полутора рубля. Многіе помѣщики пріѣзжаютъ на своихъ лошадяхъ, и дѣльно дѣлаютъ: овесъ здѣсь можно купить по 2 руб. за четверть, а сѣно можно косить въ окрестностяхъ города, для чего надобно только запастись косою.

Все издалека привозное напротивъ стóитъ вообще почти вдвое противу Московскихъ цѣнъ. Модныхъ лавокъ, магазиновъ и рядовъ здѣсь нѣтъ; а въ 14 досчатыхъ лавочкахъ продаются жизненные припасы и низкаго сорта бракованная посуда, едва ли не дороже, нежели продается таковая, но лучшаго разбора, въ Новоархангельскѣ въ нашихъ Американскихъ владѣніяхъ. Недостатокъ сей отчасти вознаграждается пріѣзжающими Армянами: они привозятъ разные Персидскіе товары, ковры и матеріи; у нихъ же можно купить полную одежду и вооруженіе, употребляемыя Черкесами. Благодаря попечительности Правительства, распоряженіямъ мѣстнаго Начальства, и даже хозяевамъ домовъ, а всего болѣе премилосердому Богу, облагодѣтельствовавшему сей край, теперь въ Пятигорскѣ, для неприхотливаго человѣка, можно найти все нужное; и предметы первой потребности, хотя въ продолженіе курса и превышаютъ обыкновенныя здѣшнія цѣны, но общій расходъ всѣхъ издержекъ и для бѣдныхъ не чрезмѣрно великъ. О богатыхъ же и думать нечего; ибо тому, кто проживаетъ въ Россіи по сту тысячъ въ годъ, здѣсь, какъ бы онъ о томъ не хлопоталъ

(изключая карты) и двадцати тысячъ прожить не удастся.

Недостатокъ мелкой серебряной монеты, есть одно неудобство, которое наиболѣе затрудняетъ пріѣзжающихъ. Что бы вы не покупали, на рынкѣ, въ лавкахъ и даже въ аптекѣ, за все и вездѣ должно платить мелочью сполна, и нигдѣ не возвратятъ вамъ сдачи и гроша; такъ что за неимѣніемъ мелкихъ денегъ, часто принужденъ бываешь отказаться отъ покупки самой необходимой вещи. Здѣшнія жители вообще ведутъ такой расчетъ, чтобы въ нѣсколько дней, какъ ни малы ихъ средства, пріобрѣсть продажею или отдачею въ наемъ содержаніе себѣ на цѣлой годъ. Такъ въ Кисловодскѣ, за двѣ или три комнатки платится за 10 дней то же, что въ Пятигорскѣ за весь курсъ. На желѣзныхъ водахъ, дороговизна сія отчасти отвращается номерами въ казенномъ домѣ, по 5 рублей въ сутки въ наймы отдаваемыми; но при большомъ числѣ посѣтителей, когда всѣ мазанки и землянки въ солдатской слободкѣ займутся, то послѣдне пріѣхавшимъ придется жить на бивакахъ, въ сквозной Калмыцкой кибиткѣ, платя за оную отъ 4 до 8 руб. въ сутки.

Недостатокъ въ Пятигорскѣ маленькихъ квартиръ по суткамъ, до сего времени весьма стѣснялъ пріѣзжающихъ. При началѣ курса, когда всѣ посѣтители живутъ въ Пятигорскѣ, во всемъ городѣ, только одна комнатка въ ресторацiи и другой чуланъ въ домѣ Арешева отдаются

въ наемъ по суткамъ; если сіи заняты, что̀ по великому числу всякой день вновь пріѣзжающихъ почти всегда случается, то пріѣзжій не выходя изъ экипажа, часто ночью, и подъ проливнымъ дождемъ, долженъ искать квартиру по домамъ и неиначе какъ на весь курсъ. Никто на дворъ не пуститъ, если не заплатишь всѣхъ денегъ впередъ. Въ такой торопливости нанимаютъ квартиру, какая попадется: тутъ торгу нѣтъ и хозяинъ беретъ, что ему разсудится. Съ 1833 года посѣтители не встрѣтятъ уже подобной досады: въ домѣ купца Ярмонкина найдутъ они нумера, по образцу Московскихъ трактировъ устроенные, гдѣ остановившись на два, на три дни, въ сіе время могутъ сыскать дешевле удобнѣйшую квартиру, и не торопясь и отдохнувши, успѣютъ запастись дровами, столовою посудою, и всѣмъ, чего не привезли съ собою.

ОПИСАНІЕ САДА И НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ НЕМЪ ВОДЪ.

Гора *Машукъ*, на южномъ и крутомъ скатѣ которой насажденъ садъ и построенъ городъ, заключаетъ въ себѣ множество минеральныхъ ключей, изъ коихъ только семь нынѣ употребляются; прочіе же по недостатку строеній и настоятельной въ нихъ нужды, текутъ безъ пользы.

Дорога въ садъ, гдѣ находятся сіи источники, идетъ продольною улицею прямо въ гору и, поворачиваясь на право, входитъ въ дефилею, составляемую двумя отрогами Машука. Здѣсь начинается садъ, колючимъ *лоховникомъ* непроходимо огражденный, и отчасти уже отдѣланный. Положеніе мѣста, до сего дикое и едва приступное для однихъ пѣшеходовъ, по желанію командовавшаго здѣсь Генерала Эммануеля, подъ рукою искуснаго Архитектора Бернардаци, приняло иной видъ. Между трехъ горъ, крутыхъ и высокихъ, на треугольномъ пространствѣ, явился садъ въ Англинскомъ вкусѣ; въ коемъ соединены всѣ искуственныя и природныя красоты. Тутъ павильоны, бесѣдки, гроты, крытыя аллеи, кусты и цвѣты; тамъ водопады, пропасти, пещеры и провалы; а' здѣсь скалы по отвѣсу падающія, украшены пышною зеленью долинъ, изсѣчены зигзагами и обсажены клумбами ароматическихъ кустовъ. Словомъ, вы видите предъ собою очаровательное мѣсто, которое и теперь, когда еще деревья не разрослись, нравится взору и видомъ своимъ удивляетъ охотниковъ и знатоковъ въ садоводствѣ.

Двѣ скалы, голыя и безобразныя; служатъ теперь лучшимъ украшеніемъ сада, какъ бы ударомъ волшебнаго жезла сотвореннаго. Кривыя дорожки, выровненныя и украшенныя, непримѣтно и спокойно ведутъ на вершины, которыя одни серны прежде посѣщали. Покатости мѣстами покрыты

дерномъ, разнородными кустарниками и пересаженными съ поля цвѣтами. Подлѣ колесной дороги, ведущей къ Сабанѣевскому источнику, идетъ прямая крытая виноградная аллея. На ней построенъ Китайскій павильонъ, открытый со всѣхъ сторонъ, и заключающій въ себѣ *Михайловскій источникъ сѣрно-соленой* воды въ 33° теплоты, употребляемой только для питья. Посреди павильона устроенъ каменный колодезь, а подлѣ онаго изящной формы урна, для выливанія остающейся въ стаканахъ воды. По другую сторону треугольника насыпанъ прямой широкой булеваръ, обсаженный большими деревами, взятыми изъ близъ лежащихъ лѣсовъ. Колесная дорога, идущая подлѣ сего булевара, легкимъ скатомъ приводитъ къ *Елисаветинскому источнику кисло-сѣрной* воды въ 22° теплоты, кипящей какъ шампанское. Колодезь сего источника обложенъ камнемъ, но не покрытъ; подлѣ него двѣ вазы, изъ которыхъ выливаемая изъ стакановъ вода, чрезъ отверстія, на днахъ пробитыя, вытекаетъ въ землю. Подлѣ колодца въ небольшомъ домикѣ, помѣщена одна ванна для купанья и *галлерея* въ 52 аршина длиною, въ видѣ палатки, кругомъ обтянутой полотномъ; — въ ней больные прогуливаются во время питья воды, и особенно въ пасмурную при вѣтрѣ погоду.

Елисаветинская купальня и галлерея построены на высотѣ, совершенно голой, почти отвѣсной, къ подошвѣ которой подходитъ городской булеваръ; городъ подъ ногами. Скала сія состоитъ

изъ окрѣплаго туфштейна, который принимаетъ хорошую полировку. Камень этотъ происходитъ отъ осадки минеральной воды; скала, на которой находится Александровская купальня, состоитъ изъ такой же накипи. На крутомъ скатѣ главной высоты, на вершинѣ которой красуется павильонъ, высѣчены два *грота* съ скамейками внутри; входъ въ нихъ прикрытъ кустарниками и деревами, такъ что, сидя въ гротѣ можно видѣть весь садъ и отдаленныя окрестности по дорогѣ къ Георгіевску. Елисаветинскій источникъ проникаетъ между обѣими гротами, — другіе побочные источники, какъ излишніе, употреблены для украшенія мѣста; всѣ они выложены камнемъ, и въ нѣкоторыхъ вода низвергается каскадами. Горная дорожка, обсаженная соснами, взятыми изъ Закубанскихъ лѣсовъ, высѣчена по крутому скату горы: ведетъ прямо къ госпиталю, а оттуда внизъ въ городъ.

Самымъ лучшимъ украшеніемъ сада, можетъ теперь назваться *Павильонъ*, посвященный *Эолу*. Онъ построенъ на скалѣ, высочайшей изъ трехъ; куполъ его, поддерживаемый 8 колоннами, украшенъ флюгеромъ съ кругомъ, на которомъ назначены 32 вѣтра, направленіе коихъ указываетъ стрѣлка. Въ срединѣ сего воздушнаго павильона, открытаго всѣмъ вѣтрамъ, поставлена досчатая колонна, въ которой скрыты двѣ Эоловы арфы. Колонна можетъ оборачиваться на пьедесталѣ, а флюгеръ, прикрѣпленный къ колоннѣ, всегда при-

водитъ ее въ такое направленіе, что вѣтеръ прямо ударяетъ въ продольную скважину, продѣланную во всю высоту колонны, и пробѣгаетъ по струнамъ арфъ; унылые звуки коихъ, въ части города ближайшей къ павильону, при легкомъ вѣтрѣ бываютъ слышны. Отсюда, весь городъ, садъ, Бештовыя горы, и кругомъ всѣ окрестности, ограниченныя снѣговымъ хребтомъ, въ цѣпи котораго Эльборусъ и Казбекъ, воздымая превыше облаковъ сѣдыя главы свои, представляютъ чудесную перспективу.

На противулежащей скалѣ, къ югу отъ Эолова павильона, предположено построить *павильонъ Эриванскій*, къ Востоку, *храмъ Эскулапа.* Теперь работы около Михайловскаго и Елисаветинскаго источниковъ окончаны, и будутъ продолжаться, пока обдѣлается все пространство до Сабанѣевскаго источника. Когда купальни и садъ по предположенному плану выстроятся и всѣ работы приведутся къ концу, то Пятигорскъ съ своими зданіями и садами, превзойдетъ красотою всѣ подобныя заведенія, при другихъ минеральныхъ водахъ въ Европѣ устроенныя.

При *Варваціевомъ источникѣ* находится красивый домикъ, построенный извѣстнымъ въ здѣшнемъ краю богачемъ, Грекомъ Варваціемъ, отличившемся подъ начальствомъ славнаго корсера Ламбро Качіони, служившаго подъ Россійскимъ флагомъ въ Архипелагѣ, по истребленіи Турецкаго флота подъ Чесьмою. Подлѣ Варваціевыхъ, находятся

такъ называемыя *Солдатскія купальни*, которыя, по ветхости зданія, покрытаго камышемъ, уже оставлены. Близъ сихъ ваннъ, кромѣ двухъ *проваловъ*, откуда вода проведена въ Варвацієвы ванны, есть трещина, изъ коей минеральная вода въ 30° теплоты бьетъ ключемъ; но за неимѣніемъ при немъ строеній, безъ пользы падаетъ внизъ водопадомъ.

Далѣе *Калмыцкій источникъ*, въ 37° теплоты: надъ нимъ поставлена палатка, въ родѣ Калмыцкой кибитки, обитой холстомъ и сукномъ, съ зеленою крышею въ видѣ купола. Въ 16 шагахъ отъ сего источника въ 1824 году открылся новый источникъ въ 32° теплоты, съ большимъ количествомъ содержащейся въ немъ *угольной кислоты*. Оный названъ по имени Генерала *Сабанѣева*, перваго, который началъ употреблять оную воду.

За садовою оградою, на восточномъ боку Машука, находится преглубокій *проваль*, на днѣ коего кипитъ минеральная вода, покрытая сѣрнымъ наплавомъ. Жерло провала не болѣе 20 саженъ въ окружности, но внутри оно распространяется гораздо шире. Ноздреватые бока сего кратера, столь же черные какъ и при огнедышущихъ горахъ, представляютъ множество углубленій и пещеръ, гдѣ, не смотря на удушливый сѣрный газъ, живутъ и вьютъ гнѣзда ласточки, дикіе голуби и множество летучихъ мышей. Должно замѣтить, что здѣшнія сѣрныя горячія воды, особенно со-

держащія въ себѣ соль, всѣ домашнія животныя и водяныя птицы пьютъ съ жадностію и безъ вреда.

ОПИСАНІЕ КУПАЛЕНЪ.

Кавказскія минеральныя воды, находящіяся въ нынѣшнемъ Пятигорскомъ уѣздѣ, на пространствѣ 40 верстъ, заключаютъ въ себѣ 7 главныхъ источниковъ, съ подраздѣленіями: 1. *Пятигорскіе горячіе* и *теплые* сѣрные ключи, коихъ, кромѣ побочныхъ, считается семь. 2. *Желѣзные теплые* и *холодные*, числомъ до шестнадцати. 3. *Кислыя богатырскія воды* (Нарзанъ). 4. *Бугунтскихъ щелочныхъ* двадцать пять. 5. *Кумогорскіе* сѣрные. Сверхъ того 6. *Соляныя озера* въ 4 верстахъ отъ Пятигорска; и 7. *Горькая рѣчка*, на половинѣ дороги къ Георгіевску у Казачьяго Лысогорскаго поста. Изъ сихъ, первыя три употребляются, и въ великой славѣ находятся; послѣднія же два еще не испытаны.

Главный сѣрный горячій источникъ, упрочившій славу Кавказскихъ водъ, и привлекшій первыхъ поселенцевъ, названъ *Александровскимъ*. Отъ сего источника, находящагося на горѣ, противу городскаго булевара, вода проведена посредствомъ трубъ къ *Ермоловской* купальнѣ; а отъ сей, внизъ къ подошвѣ горы, къ *Николаевскимъ*. Вода въ сихъ трехъ купальняхъ одна, но по мѣрѣ удаленія отъ

истока температура и газъ въ большомъ количествѣ въ ней содержащійся, измѣняются. Въ Александровской купальнѣ доходитъ до 38°, въ Ермоловской до 36°, а въ Николаевской до 34° теплоты.

Николаевская купальня можетъ служить образцемъ для всѣхъ такого рода зданій; въ ней съ пріятною наружностію, соединены всѣ выгоды хорошей купальни, какъ то: чистота, удобство и совершенная защита отъ вліянія внѣшняго воздуха. Главный фасадъ, обращенный къ сѣверу, состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ коихъ средній имѣетъ два этажа, съ тремя внизу дверьми. Первая, съ правой руки ведетъ чрезъ прихожую въ женскую половину: вторая по лѣвую, въ мужскую; позади средней двери идетъ лѣстница во второй этажъ, где находятся двѣ комнаты для баньщиковъ. По длинѣ всего строенія, какъ въ дамскомъ, такъ и въ мужскомъ отдѣленіи, въ срединѣ зданія устроено по 7 ваннъ, а по обѣ ихъ стороны 14 комнатъ для раздѣванія, съ нужною мебелью; вдоль комнатъ идутъ корридоры, освѣщенные окнами, въ наружныхъ стѣнахъ вверху пробитыми. Окны въ комнатахъ и ваннахъ пробиты также на высотѣ $5\frac{1}{2}$ аршинъ отъ полу. Кромѣ боковыхъ оконъ, ванны освѣщены сверху фонаремъ подъ крышею устроеннымъ, и состоящимъ изъ двухъ щитовъ и двухъ оконъ пирамидально сложенныхъ, въ верху коихъ сдѣлано отверстіе съ покрышкою, которую можно снизу

посредствомъ веревочки подпимать и опускать, для выпуска изъ купальни газа и испареній. Ванны высѣчены изъ известковаго зинтера, имѣютъ овальную форму, и опущены наровнѣ съ поломъ такъ, что для схода по сторонамъ сдѣланы по три ступеньки. Горячею и охлажденною минеральною водою, ванны наполняются чрезъ трубы съ двумя мѣдными кранами. Изъ ваннъ вода выпускается чрезъ отверстіе, пробитое на днѣ и закрывающееся свинцовою втулкою. Въ заднемъ фасадѣ средней части устроены двѣ обширныя дождевыя ванны. Позади купальни, при самой подошвѣ горы, сдѣланы три бассейна покрытыхъ сводами, средній для горячей, а крайнія, для охлажденной минеральной воды.

Въ сей Божіей лечебницѣ, больной, со всѣхъ сторонъ отъ сквознаго вѣтра защищенный, и чистымъ воздухомъ окруженный, исцѣляется постепенно и почти всегда вѣрно. Всякой разъ, выходя изъ ванны и чувствуя какое-то пріятное успокоеніе, я съ крестомъ и молитвою, желалъ добраго здоровья и долгихъ дней отцу-Государю НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, возведшему сіе богоугодное зданіе, которое, подобно неугасимой лампадѣ, многія лѣта, какъ жертва и какъ знакъ любви Его къ подданнымъ своимъ, будетъ теплиться предъ образомъ Спасителя. Здѣсь не одна уже тысяча изъ подданныхъ его получили отъ тяжкихъ недуговъ облегченіе, или и совершенно отъ нихъ исцѣлились. Сколько же въ послѣдствіи

времени, въ сей теплицѣ, обремененныхъ немощами, исцѣлятся? Вотъ памятникъ достойный благости Царя.

Ермоловская купальня, поставлена на краю обрывистаго утеса, лицемъ къ городу, 5 саженями выше Николаевской купальни, съ которою соединяется прекрасною, огражденною рѣшеткою лѣстницею, подъ ступенями коей положена закрытая труба для стока изъ главнаго Александровскаго ключа горячей воды, употребляемой въ Николаевскихъваннахъ. По бокамъ сей лѣстницы положены по наружному скату горы двѣ трубы, посредствомъ коихъ та же вода падаетъ въ бассейны Николаевскихъ купаленъ, гдѣ оная охлаждается. Холодную сію воду предположено пустить по скалѣ водопадомъ, что составитъ прекрасный видъ. Ермоловскія купальни, названы по имени извѣстнаго патріотизмомъ Генерала, котораго подчиненные любили, а горскіе хищники боялись и уважали. Зданіе сіе выстроено изъ толстыхъ сосновыхъ брусьевъ, покрыто желѣзомъ и по длиннымъ фасадамъ украшено 6 колоннами; въ немъ шесть ваннъ, на два отдѣленія съ особыми входами. Ванны высѣчены изъ известковаго камня съ двумя кранами для горячей и охлажденной воды. Каждое отдѣленіе имѣетъ комнату, въ которой больные ожидаютъ очереди. Здѣсь съ умиленіемъ смотрѣлъ я на костыли, повѣшенные на стѣнѣ и оставленные выздоровѣвшими на память и въ знакъ благодарности. Всякой разъ, когда

глаза мои встрѣчали сихъ неложныхъ свидѣтелей цѣлебности водъ, я молилъ Бога, чтобы мнѣ стать хотя бы только на костыли.

Зданіе сіе еще довольно прочно и удобно расположено, жаль только, что въ разбитыя окна и широкія щели въ потолкѣ, вѣтеръ имѣетъ свободное теченіе, и грозитъ простудою выходящимъ изъ ванны. На площадку, находящуюся позади купальни, въѣзжаютъ экипажи по серповидному шоссе удобно и легко. Шоссе сіе устроено иждивеніемъ Астраханскаго купца Федорова, который на построеніе Александровской купальни пожертвовалъ 60,000 рублей; но сію сумму истратили на одну дорогу, а на главное строеніе ее не достало. Строители, начавъ дѣло съ хвоста, конечно надѣялись, что добрый купецъ выложитъ изъ кармана еще съ сотню тысячь; но онъ не догадался, другихъ доброхотныхъ дателей не нашлось, и дѣло осталось неначатымъ.

Александровскія купальни построены на второмъ уступѣ тойже горы, нѣсколько аршинъ выше и такъ сказать на крышѣ Ермоловскихъ; онѣ помѣщены въ трехъ ветхихъ зданіяхъ. Первое зданіе построено частію изъ дубовыхъ, частію изъ сосновыхъ бревенъ, крыто тесомъ, имѣетъ съ сѣверной и съ западной стороны узкую крытую галлерею, гдѣ ни отъ солнца, ни отъ дождя укрыться не возможно. Въ немъ помѣщены три ванны No. 1 и 2 для мущинъ и No. 3 для дамъ. Подъѣхавъ къ Ермоловскимъ купальнямъ, къ Алексан-

дровскимъ надобно подниматься по лѣстницѣ въ 32 ступени, въ горѣ высѣченныхъ. Взошедъ на лѣстницу, на небольшой площадкѣ утверждена скамейка, покрытая досчатымъ навѣсомъ, подъ коимъ больные на открытомъ воздухѣ должны ожидать очереди, — и не дождутся; ибо всѣ здоровые и мнимо-больные непремѣннымъ почитаютъ долгомъ получить въ семъ чудесномъ Александровскомъ ключѣ тошноту, обморокъ или ударъ въ голову. И я подъ симъ непышнымъ, патріархальныхъ временъ кровомъ, сидѣлъ часа по три и не скучалъ: отсюда видъ самый великолѣпный, какой только здѣшняя поэтическая природа представить можетъ. Весь городъ, чародѣйный Машукъ съ чернымъ крестомъ и бѣлою колонною, на маковкѣ его поставленными, садъ съ своими павильонами, трехрогая Бештовая гора, обширная равнина, по которой змѣится быстрый Подкумокъ, и льдистыя коническія вершины Эльборуса и Казбека, и длинный, снѣгомъ покрытый хребетъ, все какъ на блюдечкѣ. Обзоръ великъ, разстояніе до края горизонта, на коемъ стоитъ великорослый *Царь-гора* неимовѣрно, и видимое кажется оптическимъ обманомъ, фантасмагорическою шуткою. Другой предметъ, позади скромнаго сѣдалища находящійся, рождаетъ другое чувство не менѣе умилительное. Въ скалѣ выдолблена пещерка, въ пещеркѣ кіотъ, въ кіотѣ икона Божіей матери всѣхъ скорбящихъ, которую поставила одна дама въ знакъ благодарности за изцѣленіе. Всякой разъ, когда я проходилъ — то есть, когда меня несли

мимо образа, я молился ему усердно, и никогда не забывалъ исполнить того, что такъ крѣпко лежало у меня на сердцѣ. Но вступя въ передбанникъ, и изъ него въ самую теплицу, чувство набожности смѣняется благоговѣйнымъ трепетомъ. Тамъ, въ облакѣ удушающаго сѣрнаго смрада, представляется Дантовъ адъ: геена, пекло и огненная струя передъ тобою; тамъ видишь повтореніе того чуда, когда по повелѣнію Божію, Моисей предъ глазами избраннаго народа, однимъ ударомъ жезла източилъ воду изъ камня.

Въ комнатѣ, въ которой раздѣваются, стѣны отъ испареній сѣрнаго газа почернѣли, мѣстами покрыты плесенью, двери отчасти сгнили и не притворяются, въ волоковыя окна и въ потолочный люкъ, обтянутый полусогнившею парусиною, и изъ щелей пола дуетъ на сквозь. Къ довершенію картины, подлѣ стѣнъ поставлены три койки или лучше одра, также какъ и стѣны черные и грязные. Тепличная ванна высѣчена въ самой горѣ, изъ боковъ ея и со дна, также выше ванны изъ скалы сквозь скважины, въ одну изъ коихъ вставлена *дудочка*, минеральная вода просѣкаетъ, течетъ сребристою струею, и скоро наполняетъ всю ванну, въ которую вмѣщается до 60 ведеръ. Вода прозрачна какъ кристаллъ, безъ колебанія на поверхности дрожитъ, какъ бы начинаетъ кипѣть. Не возможно опуститься въ нее вдругъ, ибо и при медленномъ погруженіи чувствуешь сильное сотрясеніе, подобное электрическому удару. При

малѣйшемъ же колебаніи вода жжетъ, почему должно сидѣть въ ваннѣ смирно, не шевелясь. Едва сядешь въ ванну, какъ газовые пузырки покрываютъ все тѣло, кровь бросается въ голову, невольно начинаешь дрожать; по всему тѣлу, особенно по болящимъ частямъ, пробѣгаетъ острая, сильно безпокоящая боль, подобная обжогѣ, или боли, происходящей отъ втиранія крѣпкаго спирта. Такой операціи очевидно цѣлебной, дѣйствительной, больной болѣе 3 минутъ выдержать не можетъ, выздоравливающіе безъ вреда могутъ сидѣть 5 минутъ; здоровые 10; но есть богатыри, которые, слѣдуя коновальскому совѣту или по собственному побужденію, обливая голову холодною водою, (что къ удивленію моему не запрещается и больнымъ), выдерживаютъ такую добровольную муку до получаса, а иные даже по два раза въ день. Можно себѣ представить, какіе случаются послѣдствія, отъ столь отчаяннаго способа леченія, когда и самое умѣренное употребленіе сихъ жгучихъ ваннъ производитъ тоску, жажду, головокруженіе и обмороки; а изобильный потъ, крупными каплями исходящій изъ поровъ, и по выходѣ изъ ванны не прежде начинаетъ уменьшаться, какъ по истеченіи 20 минутъ и получаса.

Инвалиды при ваннахъ служащіе, дѣлаютъ небольшіе деревянные кресты съ подножниками, ставятъ ихъ подъ текущую изъ дудочки воду, и чрезъ двѣ недѣли вся поверхность дерева покры-

вается осадкою, и деревянные кресты превращаются въ каменные. Всѣ посѣтители на память покупаютъ сіи кресты, я также запасся однимъ, которому буду молиться въ воспоминаніе великаго облегченія отъ тяжкаго недуга, которымъ Богъ по милосердію своему испытуетъ меня какъ Іова. Ванны No. 2 и 3 также высѣчены въ туфштейнѣ, но вода въ нихъ проведена посредствомъ деревянной трубы.

Рубленый домикъ, тесомъ покрытый, въ которомъ помѣщается ванна No. 4, находится позади описаннаго строенія, но нѣсколько ступеней выше въ гору и ближе къ источнику. Ванна высѣчена также въ скалѣ, источающей минеральную воду изъ одной только скважины; почему проведена въ нее вода чрезъ деревянную трубу. Въ ваннѣ сей купаются больные солдаты, приходящіе изъ госпиталя, находящагося на вершинѣ горы, въ нѣсколько шагахъ отъ оной. Аршина на два ниже купальны No. 4 и позади No. 1, построенъ сарай, покрытый лубками; двѣ стѣны онаго сбиты изъ досокъ, а двѣ сложены изъ камня. Въ семъ сараѣ, называемомъ *Солдатскою купальнею,* выкопана въ горѣ большая ванна No. 5, въ которой могутъ помѣститься 15 человѣкъ. Въ этомъ же бассейнѣ купаются слуги пріѣзжихъ, и всѣ городскіе жители низшаго сословія.

Главный горячій сѣрный Александровскій источникъ находится двумя саженями ниже госпиталя и на высотѣ 34 сажень отъ поверхности

воды въ Подкумкѣ. Ключъ сей съ великимъ стремленіемъ выходитъ изъ трещины переломившихся плитъ туфштейна и известняка, и въ великомъ количествѣ (76,860 ведръ въ сутки) стекаетъ въ бассейнъ, высѣченный въ горѣ и покрытый дощатою кровлею. Изъ бассейна сокрытыми трубами, вода проведена во всѣ ванны, (исключая No. 1.) Александровскихъ, Ермоловскихъ и Николаевскихъ купаленъ. Остающаяся въ излишествѣ вода отъ сихъ купаленъ, пущена внизъ по горѣ, и эта драгоцѣнность теряется безъ употребленія.

Елисаветинская купальня находится въ саду и помѣщена въ ветхомъ домикѣ, сколоченномъ изъ досокъ вертикально поставленныхъ и снаружи оштукатуренныхъ, въ немъ одна ванна съ двумя по бокамъ комнатками для раздѣванья. Преполезный сей источникъ, отъ смѣшенія съ посторонними ключами нынѣшнею весною потерялъ свое качество, и не прежде возвратилъ оное, какъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ. *Кисло-сѣрная* вода сего источника, имѣя слабительное свойство Михайловскаго ключа, разрушаетъ завалы, укрѣпляетъ нервы, живитъ тѣло и, будучи настоящимъ врагомъ аптечныхъ ядовъ, почитается одною изъ полезнѣйшихъ для внутренняго и внѣшняго употребленія.

Варваціева купальня помѣщается въ деревянномъ, крытомъ желѣзомъ домикѣ, украшенномъ съ сѣвернаго фасада галлереею съ колоннами. Домикъ раздѣленъ на два отдѣленія, въ каждомъ по двѣ комнаты; одна назначена для отдохновенія

больныхъ, въ другой помѣщена ванна. Ванны сіи наполняются водою изъ двухъ проваловъ, изъ коихъ одна имѣетъ 25°, другая 34° теплоты, она *сѣрнаго* свойства и употребляется только для ваннъ. По умѣренной теплотѣ сихъ источниковъ, они употребляются для постепеннаго перехода къ горячимъ Александровскимъ ключамъ. Неудобство сей купальни состоитъ также въ сквозномъ вѣтрѣ, и неимѣніи при оной водохранилищъ для охлажденія воды.

Калмыцкая купальня помѣщена, какъ уже сказано, въ холстинной палаткѣ, построена для Азіатцевъ, здѣшнихъ коренныхъ жителей, которые еще менѣе нежели наши солдаты причудливы; а потому при ней нѣтъ никакого устройства. Ключь минеральной воды *сѣрнаго* состава въ 37° вырывается изъ подъ плитъ туфштейна, по открытой трещинѣ проходитъ въ двѣ деревянныя ванны, а изъ оныхъ стремится по скату горы ручьемъ. Сія вода также употребляется для постепеннаго перехода въ Александровскія ванны.

Сабанѣевскія купальни помѣщены во временномъ зданіи по той причинѣ, что источникъ сей, также какъ и Калмыцкой, не всегда постоянны, температура ихъ измѣняется по временамъ года; иногда въ нихъ не достаетъ воды, иногда прибываетъ ее съ избыткомъ: въ 1822 и 1823 годахъ Калмыцкой источникъ былъ почти безводенъ, а въ 1824 явился близъ онаго Сабанѣевской источникъ. Нынѣшній (1832) годъ сей ключь былъ

преизобильной, вода въ самыхъ ваннахъ восходила до $32\frac{1}{2}$, а въ источникѣ до 34° и содержала въ себѣ множество газа. Въ 1830 году вмѣсто бывшей при семъ источникѣ Калмыцкой кибитки поставлено настоящее зданіе съ 4 ваннами на двѣ половины; снаружи обито оно досками, внутри сукномъ, крыша обтянута парусиною. Вдоль строенія, съ сѣверной стороны, идетъ освѣщенная окнами галлерея, гдѣ больные, не избавляясь отъ дождя, легко пробивающаго холстинную крышу, могутъ ожидать очереди для купанья. Въ семъ 1832 году Генеральша Раевская построила на свой счетъ досчаной домикъ съ ванною, такъ что при Сабанѣевскомъ источникѣ, имѣется теперь три ванны для дамъ и двѣ для мущинъ.

Сабанѣевская вода не давитъ груди, и не препятствуетъ дыханію, какъ другіе здѣшніе горячіе сѣрные ключи, почему въ нихъ и сидѣть можно долѣе. Опытъ показалъ, что они чрезвычайно мягчатъ кожу и слабо-нервнымъ много помогаютъ. Сіи качества привлекаютъ сюда многихъ посѣтителей, по той наиболѣе причинѣ, что дамы косметическую воду сію предпочитаютъ всѣмъ другимъ. О женщины, вы нигдѣ не теряете своихъ правъ, нигдѣ не забываете о своихъ нарядахъ и о умягченіи кожи, вы всегда и вездѣ одинаковы.

Изъ сего описанія купаленъ читатель можетъ видѣть, что кромѣ Николаевскихъ и отчасти Ермоловскихъ, устройство прочихъ весьма не совершенно; ибо онѣ помѣщаются въ вѣтхихъ дыря-

выхъ зданіяхъ, временныхъ сараяхъ и палаткахъ, въ коихъ отъ сквознаго вѣтра и дождя укрыться не возможно. Самое большое неудобство состоитъ въ томъ, что при всѣхъ сихъ купальняхъ нѣтъ водохранилищъ для охлажденія воды, какіе построены для Николаевскихъ и Ермоловскихъ ваннъ; а той воды, которая для разводныхъ ваннъ охлаждается въ чанахъ, весьма недостаточно. Для 600 благородныхъ особъ, пріѣхавшихъ на воды, 32-хъ ваннъ, находящихся во всѣхъ здѣшнихъ купальняхъ, столь мало, что позже другихъ пришедшимъ приходится ожидать своей очереди по 5, по 6, и по 7 часовъ сряду, бывъ во все это время на открытомъ воздухѣ. Неудобства сіи, вскорѣ, какъ обѣщаютъ, будутъ отвращены; уже планы и смѣты сдѣланы, деньги отпущены, и къ построенію Александровскихъ купаленъ, самыхъ нужныхъ и лучшихъ изъ Пятигорскихъ водъ, какъ надѣются, скоро приступлено будетъ. Нельзя однакожъ не замѣтить, что и здѣсь, какъ при строеніи серновиднаго шоссе наружность, предпочтена всему иному, а пріятное необходимому. Вмѣсто того, чтобы украшать мѣсто и привлекать взоры посѣтителей прелестію садовъ, булеваровъ, великолѣпныхъ павильоновъ, гротовъ и тому подобнаго, безъ которыхъ, пока, очень можно было бы обойтиться, гораздо было бы полезнѣе и для жителей и для пріѣзжающихъ, построить двѣ, три купальни, хотя нѣсколько похожихъ на Николаевскую.

Цѣлебность водъ и принятый способъ леченія оными.

Благодѣтельный *Машукъ*, на пространствѣ не болѣе полуторы версты, заключаетъ въ утробѣ своей природную лабораторію, отъ созданія міра безпрерывно производящую минеральную воду сѣрнаго свойства, но различной теплоты и состава. Едва ли на земномъ шарѣ есть другое мѣсто, гдѣ бы на столь маломъ пространствѣ, было такое множество минеральныхъ ключей; и едва ли можно отъискать такую аптеку, гдѣ бы болѣе приготовлялось микстуръ, помогающихъ отъ великаго множества болѣзней. Опредѣлительно сказать можно, что цѣлебность минеральныхъ водъ, во столько разъ превосходитъ всѣ аптечныя лекарства, во сколько Всемогущій Творецъ превосходитъ мудростію своею, всѣхъ нашихъ Эскулаповъ вмѣстѣ взятыхъ. Между искуственными и естественными минеральными водами, по моему, существуетъ та же разница, что между картиною, и тѣмъ предметомъ, которой живописецъ старался изобразить. Говоря о преимуществѣ естественныхъ водъ предъ искуственными, мы не отвергнемъ однакожъ полезности послѣднихъ; ибо искуственная вода, не смотря на несовершенство ее, безъ сомнѣнія, должна помогать точно также, какъ и всякое аптечное лекарство, въ цѣлебности коихъ, благодаря просвѣщенію, никто уже не сомнѣвается. Усовершенствованіе Химіи и вообще Медицинскихъ наукъ, еще и донынѣ недостаточно къ

тому, чтобы посредствомъ ихъ, возможно было съ точностію опредѣлить, и измѣрить всѣ составныя части, содержащіяся въ минеральной водѣ. Если бы подобныя исчисленія были и математически вѣрны, то и тогда не достигли бы цѣли; ибо опытомъ дознано, что чудесная цѣлебность всѣхъ минеральныхъ водъ зависитъ не отъ составныхъ ея частей, а отъ искуснаго способа приготовленія, неизвѣстнаго, необъяснимаго, котораго по сей единственно причинѣ, ни понять, ни растолковать никто еще не могъ.

Сіе *нѣчто* таинственное, не подлежащее человѣческому разуму, Медицинскіе мудрецы назвали *жизненнымъ началомъ*, то есть такимъ началомъ, въ которомъ непостижимая цѣлебность минеральныхъ водъ хранится, скрываясь въ немъ отъ ума и взоровъ нашихъ. Быть можетъ еще на-долго, а вѣроятнѣе и навсегда, сія *тайна* останется для насъ неразгаданною: здѣсь, по видимому, поставленъ межевой столбъ для означенія границъ человѣческихъ познаній; — одинъ шагъ далѣе за черту сію, и все кажется тамъ темнымъ, волшебнымъ, уму и зрѣнію непостижимымъ. По сю сторону предѣла, положеннаго человѣческому разуму, очевиднымъ остается одно, что какъ невозможно разсмотрѣть устройство сихъ огромныхъ подземныхъ лабораторій, то столь же трудно съ пособіемъ всѣхъ наукъ и знаній, взвѣсить и познать свойства столь великихъ массъ и средствъ, находящихся въ рас-

поряженія природы, или лучше невидимаго, но познаваемаго Бога. Болящему надобно перекрестившись, подумать, *кѣмъ? и гдѣ?* готовится для него цѣлебное лекарство.

Пятигорскія горячія воды, съ незапамятныхъ временъ первобытными обитателями здѣшняго края съ пользою употреблялись. Черкесы, также какъ и у насъ въ сказкахъ о нихъ упоминается, называли ихъ: *мертвою, живою* и *богатырскою* водами. Дѣйствительно для всякихъ *сѣрныхъ, желѣзныхъ* и *кислыхъ* водъ, нѣтъ приличнѣйшаго и болѣе близкаго названія: ибо употребленіе сѣрныхъ, больнаго сначала разслабляетъ, *мертвитъ;* потомъ посредствомъ испарины, выгоняетъ наружу долго таившіеся въ тѣлѣ испорченные соки; и такимъ образомъ уничтожаетъ, вырываетъ съ корнемъ самыя упорныя и опасныя болѣзни, надъ которыми всѣ препараты Латинской кухни оказались не дѣйствительными. Желѣзныя воды, собственно могутъ быть полезны въ другихъ родахъ болѣзней, совершенно противнаго леченія требующихъ. Они посредствомъ всасыванія воды чрезъ поры, тѣло укрѣпляютъ, *живятъ* человѣка; кислыя наконецъ, справедливо называются Черкесами *Нарзаномъ,* то есть, богатырскою водою, ибо вода сія сообщаетъ тѣлу и нервамъ, удивительную *богатырскую силу,* и почитается самымъ дѣятельнымъ укрѣпляющимъ лекарствомъ, съ коимъ никакое аптечное *конфортативъ* сравниться не можетъ. Здѣсь-то старики молодѣютъ, а безплодные

возвращаютъ способность, данную имъ отъ природы.

Сіи столь отличительныя и совершенно противоположныя качества трехъ водъ прямо показываютъ, какъ должно употреблять воды; и каждому неразумѣющему Медицины яснымъ должно быть, что надобно лечиться какою-либо одною изъ сихъ водъ, наиболѣе свойственной и приличной болѣзни. Всѣ ученые Медики, начиная отъ Гуфеланда до Савенко, писавшіе о пользованіи минеральными водами, согласно подтверждаютъ сіе правило; но здѣшнія Гг. Доктора лечатъ не такъ какъ правила велятъ, а такъ какъ угодно ихъ больнымъ. Они всѣхъ своихъ паціентовъ, чѣмъ бы они ни страдали, какія бы болѣзни не привезли съ собою, безъ различія лечатъ всѣми въ окрестностяхъ Пятигорска находящимися водами, то есть, *мертвою*, *живою* и *богатырскою*.

Обыкновенно, пріѣхавшаго сажаютъ, смотря по показанію его болѣзни, въ одну изъ ваннъ сѣрныхъ Пятигорскихъ источниковъ, и переводя его изъ купальни въ купальню, постепенно пріучаютъ тѣло его отъ 28 до 38° № 1 Александровскаго ключа. Потомъ перевозятъ страдальца въ *Желѣзноводскъ:* тамъ начиная теплыми, кончаютъ холодными; и наконецъ, въ *Кисловодскѣ* погружаютъ его въ шипячій ѣдкій *нарзанъ* въ 10 только градусовъ выше точки замерзанія. Такое леченіе много походитъ на Рускую баню: съ полка́,

на которомъ отъ жару волосы на головѣ трещатъ, да зимнею порою въ прорубь; съ тою только разницею, что Русской мужичокъ по инстинкту самохраненія, изъ проруби для закалки своего железнаго тѣла, снова лезетъ на полокъ, гдѣ безъ милосердія сѣчетъ себя вѣникомъ, третъ тѣло рѣдькою, спиртами. Здѣсь же разумные люди, разслабленное тѣло изъ ванны № 1 Александровскаго ключа, бросаютъ въ богатырскую водицу; — и отправляютъ его въ Россію, съ новою не бывалою болѣзнію, или, сокращая путь, относятъ прямо на погостъ.

И столь рѣшительное *умерщвленіе* не устрашаетъ ни кого; всѣ больные, какъ на поле битвы стараются отличиться храбростію, каждый ищетъ своей пули: или славно и счастливо выздоравливаютъ, или ложатся въ могилу. Всѣ посѣтители, по какому-то убѣжденію и большею частію своею волею и охотою, слѣдуя примѣру другихъ, или лучше, покоряясь самоправной модѣ, не отвергаютъ столь превратнаго способа леченія, и какъ бы увлекаемые быстротою теченія, всѣ почти безъ исключенія стремятся отъ однѣхъ къ другимъ водамъ.

Метода здѣшнихъ Медиковъ одинакова: они подвергаютъ тѣла больныхъ своихъ дѣйствію всѣхъ водъ по порядку, и сыскавъ приличнѣйшую для рода болѣзни, тѣмъ не менѣе отпускаютъ ихъ для укрѣпленія на желѣзныя и кислыя воды. Такимъ образомъ надъ чужимъ тѣломъ учатся, пріобрѣтаютъ опытность, а за ошибки, неминуемыя при

такой пробѣ водъ, больныя платятъ своимъ здоровьемъ. Многіе жалуются на дурныя послѣдствія; но всѣ одинъ за другимъ дѣлаютъ то же, и то же, и отъѣзжая, проклинаютъ и воды и всѣхъ Докторовъ на свѣтѣ! Словомъ здѣсь лечатъ и лечатся такъ, что изцѣляются или получаютъ облегченіе, только случайно; и точно также здѣсь можно выздоровѣть, какъ на дорогѣ избѣжать хищниковъ, не бывъ ими ограбленъ или убитъ.

Многимъ сомнительнымъ можетъ показаться, чтобы образъ леченія, столь противный теоріи Врачебной науки, дѣйствительно былъ употребляемъ. Но я сказалъ, что знаю, что видѣлъ своими глазами, сказалъ сущую правду; и скажу еще другую. Правда, что нѣкоторые посредствомъ сего способа леченія отправляются на тотъ свѣтъ, въ чемъ лекарямъ помогаютъ сами больные; но какъ долговременный опытъ удостовѣрилъ ихъ, что если одна вода повредитъ болѣзни, то другая немедленно изцѣляетъ ее; и притомъ какъ цѣлебность Пятигорскихъ водъ имѣетъ то особенное качество, что онѣ ни въ какомъ случаѣ не дѣлаютъ много вреда, а всегда много помогаютъ, то по симъ конечно причинамъ Лекаря не боятся и смѣло предлагаютъ больнымъ, послѣ сѣрныхъ водъ подкрѣпиться желѣзными и кислыми. Хотя сіе дѣлается болѣе для пріятнаго препровожденія времени, нежели для пользы; но общій результатъ показываетъ, что изъ числа больныхъ, безъ пособія лекарствъ, даже безъ совѣта и руковод-

ства Медиковъ пользующихся минеральными водами; наибольшая часть получаютъ облегченіе или выздоравливаютъ, а наименьшее число умираетъ или возвращается съ тѣмъ, съ чѣмъ пріѣхали.

Если читатель припомнитъ, что сказано выше о *жизненномъ началѣ*, то тайна объяснится и сдѣлается очевидною. Сія таинственная причина, не смотря на превратный способъ леченія, не смотря на неопытность пріѣзжающихъ на воды Гг. Докторовъ; не смотря даже на злоупотребленіе, допускаемое при пользованіи ваннами и питьѣ воды въ чрезмѣрно излишнемъ количествѣ; не соблюденіи діеты и порядка въ образѣ жизни и занятій, хотя случайно, но помогаетъ *чудеснымъ* образомъ, излечиваетъ самыхъ безнадежныхъ, съ корнемъ вырываетъ изъ тѣла упорнѣйшія болѣзни, не оставляя отъ прежнихъ немощей и малѣйшей примѣты. Извѣстно, что при цѣленіи аптечными лекарствами, иногда лекарства сіи производятъ новыя болѣзни; по изцѣленіи же минеральными водами, огромное количество разнородныхъ ядовъ, въ оныхъ переваренныхъ, не оставляютъ въ тѣлѣ никакихъ по себѣ слѣдовъ. Тутъ явно видна рука *Величайшаго* изъ художниковъ: Пятигорскъ уже называлъ я *Божіею лечебницею*, и столько вѣрую въ цѣлебность минеральныхъ водъ, сколько увѣренъ, что одни воды могутъ вдругъ избавить всякаго недугующаго, какъ отъ неопытности или ошибокъ Медицинскихъ нашихъ мудрецовъ; такъ равно и отъ собственнаго незнанія, или небрежности.

Хотя цѣлебность Пятигорскихъ водъ не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, но слава ихъ, къ сожалѣнію, затмѣвается самоучками лекарями, которые сами себя лечатъ, или, переходя изъ рукъ въ руки неопытныхъ докторовъ, стараются преклонить другихъ къ нелѣпымъ своимъ идеямъ и понятіямъ, и согласивъ, вредятъ себѣ и другимъ, убѣждая малодушныхъ слѣдовать своему примѣру. Къ сожалѣнію, также должно замѣтить, что довѣренность къ цѣлебности водъ превышаетъ самое суевѣріе: вообще всѣ спѣшатъ пользоваться ими безъ мѣры и безъ счета; и не смотря на дождь и холодный вѣтеръ, спѣшатъ пить воду и брать ванны, полагая въ большемъ количествѣ и числѣ оныхъ, найти свое спасеніе. Многіе изъ числа моихъ знакомыхъ похвалялись, что они въ Александровскихъ ваннахъ въ 38° жара, по два раза въ день высиживали по получасу, и притомъ изъ Михайловскаго источника, самаго сильнаго слабительнаго, выпивали по 30 и болѣе стакановъ въ день. Не думаю, что бы какой нибудь шарлатанъ осмѣлился предписать имъ сіе; ибо такимъ отчаяннымъ способомъ леченія, можно разстроить самаго здороваго человѣка, что къ несчастію и случалось.

Такихъ самоучекъ лекарей по два и по три изъ самыхъ храбрыхъ и торопливыхъ каждый годъ относятъ на кладбище. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, привыкшій къ самовластію и командованію, забывъ, что по болѣзни своей онъ могъ еще назваться *человѣкомъ*

Божіимъ, не слушая ни чьихъ совѣтовъ, убилъ себя Александровскою водицею. Онъ привезъ съ собою молодаго лекаря, который, изъ подчиненности, не смѣлъ, а по настойчивости грознаго командира, не могъ воспротивиться его своеправію. Каждый день больной кричалъ, сердился какъ предъ фронтомъ, бранился съ людьми, угрожалъ лекарю, который съ досады уходилъ со двора. Однажды нашъ храбрецъ, просидѣвъ по обыкновенію своему въ неразводной ваннѣ въ 38° температуры до 20 минутъ, вздумалъ кромѣ холодной воды, поливаемой на голову, выпить стакана два рѣчной воды со льдомъ; и — весь Пятигорскій факультетъ, призванный на совѣтъ, не могъ спасти его. Другой молодой офицеръ, съ прострѣленною и сведенною рукою, слѣдуя совѣту доброжелателей и медицинскихъ книгъ, не почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ лекаремъ, и начавъ Сабанѣевскими, а кончивъ Ермоловскими, самъ себя вылѣчилъ въ шесть недѣль. По обычаю отправился онъ на желѣзныя воды, тамъ простудился, возвратился въ Пятигорскъ, гдѣ пять, шесть Николаевскихъ ваннъ поставили его на ноги. Онъ снова поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, и возвратился съ флюсомъ и сведенною рукою. Еще разъ Ермоловскія купальни изцѣлили его, но онъ снова переѣхалъ къ желѣзнымъ источникамъ, которые на сей разъ не сдѣлали ему вреда; пустился далѣе, — и, Нарзанъ согнулъ его въ три погибели, чуть не задавилъ его. Въ третій разъ привезли его въ Пятигорскъ съ открытымъ ртомъ, въ лихорадкѣ и съ сведен-

ными руками и ногами; — и, къ удивленію, послѣ 15 Александровскихъ ваннъ, храбрый офицеръ отправился въ полкъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Въ продолженіе перваго курса, я почти не чувствовалъ дѣйствія водъ; тѣ же воды, при началѣ втораго курса, оказали свою цѣлебность въ самой высокой степени. Не торопясь, съ отдыхомъ, вынужденнымъ дождливою и холодною погодою, а паче сильнымъ дѣйствіемъ выпиваемой воды, я взялъ 20 Сабанѣевскихъ, 56 Николаевскихъ, 10 Ермоловскихъ и 15 Александровскихъ, всего 81 ванну. Михайловскую воду мнѣ предписано было пить, начавъ съ одного стакана, и каждый день прибавлять по одному. Едва достигнулъ я шести стакановъ по утру и трехъ послѣ обѣда какъ водица вымыла мнѣ желудокъ на чисто; причемъ я не чувствовалъ никакой слабости, напротивъ голова была свѣжа и я сталъ ѣсть за трехъ. Надобно замѣтить, что наблюдаемая здѣсь діета весьма умѣренна и гораздо милостивѣе Нѣмецкой: кромѣ плодовъ, всего сыраго, кислаго, соленаго, горячительнаго, все позволяется, и рюмки двѣ некрѣпкаго вина за столомъ не запрещается. Моя порція воды ограничилась шестью стаканами по утру и тремя послѣ обѣда; ванны бралъ по двѣ въ день, а чрезъ три дня одну, по воскресеньямъ и въ дурную вѣтренную погоду отдыхъ. Эта умѣренность, и, по сравненію съ другими, небольшое количество выпиваемой воды, подобно Овидіевымъ превращеніямъ, превратило

меня въ фонтанъ, источающій самую чистую прозрачную воду. Какъ вдругъ фонтанъ изсякъ, очищеніе прекратилось, и никакія аптечныя средства не могли возстановить порядка въ отправленіяхъ. Три дня не переводя голоса, я ревѣлъ какъ бѣлуга, другой страдалецъ, жившій со мною въ одномъ домѣ, вторилъ мнѣ густымъ медвѣжьимъ басомъ; мнѣ терли животъ какимъ-то спиртомъ, согрѣвали его салфетками, сажали въ Николаевскія ванны, каждый часъ ставили промывательныя, давали сильные пріемы ревеню, Глауберовой соли, Александрійскаго листа; — но ничто не помогало. Наконецъ, въ третьи сутки ложка кастороваго масла подѣйствовала; я уснулъ, проспалъ сряду часовъ двѣнадцать, и всталъ какъ послѣ болѣзни, отъ морской качки происходящей, не чувствуя никакой боли, никакого утомленія. Тотъ же пароксизмъ, но не столь мучительный и съ перемѣжками продолжался сутки; и не смотря на то, что я уже нѣсколько дней воды не пилъ, третій припадокъ и переломъ болѣзни кончился чрезъ 6 часовъ, и мой упрямый геморроидъ, 14 лѣтъ закрытый, лопнулъ, открылся. Могучая сила минеральной воды Михайловскаго источника сѣрно-соленаго состава, можно сказать, какъ руками вырвала изъ желудка моего все злое, постороннее, и вычистила его такъ, что ни одного червяка конечно тамъ не осталось.

Послѣ сей жестокой и искусной операціи, о которой безъ страха и благодарности вспомнить не мо-

гу, два остальныхъ мѣсяца курса, выпивая каждый день только по три стакана по утру и по два послѣ обѣда, и то половину изъ Михайловскаго, а другую изъ Елисаветинскаго сѣрно-кислаго колодца, менѣе сильнаго, очищеніе продолжалось и по отъѣздѣ изъ Пятигорска далѣе шести мѣсяцевъ, почти съ равною дѣятельностію и безъ малѣйшей боли, кромѣ великаго безпокойства, особенно въ дорогѣ. Благодѣтельныя послѣдствія чудесной цѣлебности водъ, оказались тотчасъ послѣ первой операціи: апетитъ мой увеличился, всѣ члены получили гибкость, кожа мягкость, тѣло начало пополняться; но я снова оглохъ, что продолжалось однако не долго. Вскорѣ примѣтно укрѣпившись въ силахъ, безъ большой боли и безъ нарыва въ ухѣ, опять сталъ слышать лучше прежняго. Завѣса, какъ туманъ застилавшая глаза мои, пала, шумъ въ головѣ умолкъ, я снова ожилъ и благодаря за то Бога, не смѣлъ роптать, что вода не могла поставить меня на ноги. Къ крайнему моему сожалѣнію, я отправился изъ Пятигорска хотя совершенно изцѣленнымъ, но съ притупленнымъ обоняніемъ и безъ ногъ: сухія подколѣнныя жилы, остались въ томъ же сведенномъ положеніи, — и кажется, на всегда.

Не зная Медицины, не буду говорить, въ какихъ болѣзняхъ, какія надлежитъ употреблять воды; ибо не хочу подражать многимъ здѣшнимъ *знахарямъ*, которые, прочитавши какую нибудь медицинскую книгу и въ половину ее не понявъ-

ши, воображаютъ, что имъ уже всѣ источники хорошо извѣстны, и что они не хуже лекаря могутъ назначить употребленіе всякихъ водъ. Бѣда тому, кто послушаетъ сихъ совѣтодателей: не должно вѣрить имъ на слово, а употреблять воду съ крайнею осторожностію, и не иначе какъ по совѣту врача, долговременною практикою познавшаго свойства здѣшнихъ источниковъ. Самый искусный отсутствующій докторъ не можетъ съ точностію опредѣлить своему больному, какія воды наиболѣе ему приличны; тѣмъ менѣе можетъ онъ дать ему полное наставленіе, какъ употреблять ихъ отъ начала до конца курса; ибо въ леченіи водами практика составляетъ главное, а теорія побочное средство. Не должно также вѣрить и тѣмъ ученымъ врачамъ, которые въ первый разъ пріѣхавши на воды, предлагаютъ свои услуги больнымъ.

Наконецъ, все то, что можетъ быть полезно для больныхъ, заключается въ немногихъ правилахъ: во первыхъ, дабы не подвергнуть тѣло свое *пыткѣ*, неопытными лекарями употребляемой, должно повѣрить себя доктору болѣе при водахъ служившему, вручить ему исторію своей болѣзни; впрочемъ, кого бы вы ни избрали, должно предписанія его исполнять въ точности, не перемѣнять его какъ часоваго; и въ заключеніе все упованіе возложить на провидѣніе. Минеральныя воды, какъ сильное и превосходнѣйшее лекарство, приготовляемое Самимъ Богомъ, должно употреблять съ вѣ-

рою и надеждою, оставить всѣ мірскія заботы, не утруждать себя ни леченіемъ и никакими другими занятіями, стараться сколько возможно сохранять веселость и свободу духа; ибо опытъ показалъ, что всѣ люди мнительные, малодушные, сердитые и особенно ипохондрики, возвращались съ водъ въ худшемъ состояніи, нежели въ какомъ пріѣхали въ Пятигорскъ. Напротивъ тѣ, которые лечились не торопясь, съ довѣренностію и терпѣніемъ, всѣ вообще получили облегченіе. Безпечность, пріятное препровожденіе времени, горное мѣстоположеніе, весьма способствующее здоровью слабыхъ грудью, хорошая погода, и самый воздухъ, напитанный кислородомъ, съ которымъ, такъ сказать, и старики молодѣютъ, помогаютъ здѣсь болѣе, нежели что иное.

ВРЕМЯПРЕПРОВОЖДЕНІЕ.

На всѣ Европейскія минеральныя воды ѣздятъ для пріятнаго препровожденія времени; тамъ въ числѣ посѣтителей больныхъ менѣе половины: здѣсь напротивъ, исключая небольшое число служащихъ офицеровъ и мнимо-больныхъ, всѣ прочіе, въ проѣздѣ на длинномъ пути, претерпѣвая всякаго рода неудобства, и даже подвергая жизнь свою опасности, пріѣзжаютъ въ Пятигорскъ не для удовольствія, и свѣтскихъ разсѣяній; но для леченія. Сюда даже странствующія труппы актеровъ, и ярмарочные картежные игроки не доѣз-

жаютъ; первые, конечно потому, что не умѣютъ умирать, какъ только въ трагедіи на сценѣ; а послѣдніе, безъ сомнѣнія, по той причинѣ, что привыкши выигрывать на-вѣрное, не хотятъ при встрѣчѣ съ Черкесами, проиграть на-вѣрное. Здѣсь больные, (съ небольшимъ исключеніемъ) живутъ какъ больные, наблюдаютъ діету и въ точности исполняютъ предписаніе медиковъ. Нынѣшній курсъ (1832 года) былъ не весьма удаченъ; туманы, вѣтры, пасмурная погода и дожди отняли почти половину времени. Холодъ былъ столь великъ, что въ концѣ Мая въ полдень было только $6\frac{1}{2}°$ тепла.

Посѣтителей наѣхало сюда множество, такъ что Пятигорскъ походилъ на улей, въ которомъ пчелы отъ утра до вечера работали прилежно. Обыкновенно съ 4 часовъ утра начинается движеніе и продолжается до 2 часовъ по полудни, а потомъ отъ 4 до 10 часовъ вечера снова таже бѣготня; такъ, что весь день проходитъ въ питьѣ воды, купаньѣ, завтракѣ, отдохновеніи, обѣдѣ и ужинѣ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что люди роскошные, богатые и не скупые, граждане Московскаго Англійскаго клуба, и здѣсь не отказываются отъ виста и Шампанскаго.

Въ нынѣшнемъ году, вода Елисаветинскаго источника, отъ примѣси къ нему побочныхъ ключей, потеряла свою силу, и потому всѣ больные пили воду изъ Сабанѣевскаго колодца. Тутъ, на небольшой площадкѣ смѣшеніе дамъ и кавалеровъ

въ толпѣ преходящей, и въ цвѣтѣ и видѣ своемъ измѣняющейся безпрестанно, представляетъ нѣчто необыкновенное, занимательное, пріятное. Тутъ неожиданно встрѣчаются друзья, пріятели, сослуживцы; сюда изъ разныхъ концовъ обширной Россіи съѣзжаются гости незванные, и входя въ общую сію гостиную, остаются почти цѣлый день на открытомъ воздухѣ; и проводятъ время безъ удовольствія и безъ скуки.

Хотя знакомятся здѣсь легко, но обращеніе вообще какъ-то холодно; свѣтское приличіе и высокая скромность нашихъ дамъ въ публикѣ, мертвитъ общій разговоръ; и не смотря на то, что здѣсь большая часть особъ принадлежатъ къ высшему сословію, въ смѣшенномъ нашемъ обществѣ, мало еще свободы въ обращеніи. Дамы, не обращая по видимому никакого вниманія на своихъ подругъ, и замѣчая только, какъ которая одѣта, съ важностію принимаютъ услугу кавалеровъ; и не сказавши ни слова съ своею сосѣдкою — уже враждуютъ взорами. Мущины раздѣляются: — каждый ищетъ разговора въ своемъ кругу, каждый услуживаетъ своимъ дамамъ, каждый имѣетъ своихъ особливыхъ знакомыхъ. У нихъ предметъ разговора одинъ: о болѣзняхъ и способахъ лѣченія; почитающіе себя знатоками, добродушно навязываютъ всякому свой способъ лечепія, какъ самый дѣйствительный, опровергая всѣ другіе, какъ недостойные слѣдованія. Я здѣсь испыталъ, что са-

мое искреннее вниманіе, можетъ въ послѣдствіи надоѣсть; не разъ чувствовалъ я себя нездоровымъ отъ того единственно, что меня безпрестанно спрашивали: здоровы ли вы? лучше ли вамъ?....

Я нарочно пріѣзжалъ къ Сабанѣевскому колодцу по утрамъ, любоваться этимъ вѣчнымъ движеніемъ, суетою; и всякой почти разъ, или находилъ тамъ знакомаго вновь пріѣхавшаго, или знакомился съ новымъ лицомъ. Послѣ обѣда, мнѣ стоило подвинуть свое кресло къ окну, и полный Венеціанскій карнавалъ представлялся глазамъ моимъ.! Столичныя и провинціальныя одежды, представляли здѣсь смѣсь, истинно маскарадную: кто во фракѣ и въ Черкеской шапкѣ, кто завернувшись въ широкій плащь, шелъ посреди собранія въ колпакѣ, кто въ буркѣ и подъ вуалью, кто въ нанковомъ сюртукѣ и въ шитомъ золотомъ картузѣ; слуги и служанки столь же разнообразно одѣтые, несутъ въ купальни узлы, ковры, подушки и тюфяки. Отъ пяти часовъ и до поздняго вечера, булваръ, предъ окнами моими проходящій, кипитъ многолюдствомъ, пестрѣетъ отъ разноцвѣтныхъ одеждъ, полковая музыка гремитъ, и я, сидя у окна и ничего не дѣлая, бывалъ очень занятъ, иногда уставалъ, но не скучалъ; ибо какъ въ сей печальной юдоли не возможно быть совершенно благополучнымъ, то я старался по крайней мѣрѣ быть веселымъ. Веселость иногда замѣняетъ благополучіе, иногда подражаетъ

ему; и если не въ существѣ, то по наружности весьма много на него походитъ. Безпомощное мое положеніе уже было очевидно, червь горести грызъ мое сердце, но я, покоряясь гнѣву Божію, терпѣлъ, страдалъ и могъ еще смотрѣть на блестящее собраніе; могъ шутить, могъ казаться веселымъ.

Мужчины и въ сихъ собраніяхъ наблюдаютъ простоту, слагаютъ съ себя внѣшніе знаки почестей и посѣщаютъ дамъ просто въ сертукахъ и безъ орденовъ. Дамы и здѣсь какъ и вездѣ, являются съ пышностію; но за неимѣніемъ ли столичныхъ модъ, или собственнаго вкуса, на булеварѣ и въ собраніи встрѣчаешь часто непріятную для глазъ пестроту; и горе *той*, которой граціи открыли тайну ловко одѣваться: женщины объявятъ ей войну, войну непримиримую; и за головной уборъ, сдѣланный искусными руками М. Ксавье, нервы ихъ до того могутъ разстроиться, что врядъ ли и самый Парзанъ принесетъ имъ пользу; и тогда, побѣжденныя одною ленточкою, ловко къ чепчику приколотою, ѣдутъ скрыть свое негодованіе за Кавказъ, въ Крымъ, въ Вятку и въ Малороссію. Провинціялка съ хорошенькимъ личикомъ, и въ собраніи и на бульварѣ является въ томъ же нарядѣ, и сказываясь больною, танцуетъ во всю ночь до упаду. На сихъ балахъ, враждованіе дамъ становится явственнѣе, и холодность ихъ обращенія между собою, едва прикрывается завѣсою пристойности. Генеральскія

дочки танцуютъ съ Адъютантами своихъ отцовъ, а другія дѣвицы, не имѣя знакомыхъ, остаются праздными зрительницами; однѣ изъ нихъ съ досады уходятъ, другія, просидѣвъ на одномъ стулѣ до самаго разсвѣта, оставляютъ домъ собранія, чуть не съ слезами на глазахъ. Здѣсь къ стати замѣтить, что, исключая столицъ, во всѣхъ нашихъ провинціальныхъ городахъ недостатокъ танцующихъ кавалеровъ весьма ощутителенъ; и это конечно потому, что во всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ, мальчиковъ танцовать не учили; а для дѣвицъ танцованье всегда почиталось первымъ предметомъ воспитанія.

Въ такомъ множествѣ пріѣзжихъ, много и оригиналовъ: изъ нихъ, привыкшіе къ роскоши и ко всѣмъ удобствамъ жизни, представляютъ здѣсь самое несчастное созданіе. Одинъ смотритъ на все въ увеличительное критическое стекло, другому всѣ предметы кажутся не на мѣстѣ, иному же все надоѣло: онъ вздыхаетъ о прогулкахъ по Невѣ, по островамъ, о театрѣ, о пивѣ, о женѣ — и не вѣдомо еще о чемъ....

Другой, мой пріятель, удивлялся, какъ я могу умываться одною рукою, и одѣваться съ пособіемъ одного только слуги; какъ между тѣмъ онъ при сихъ дѣйствіяхъ, также какъ и при вареніи кофе, не можетъ обойтися безъ пяти лакѣевъ!

Провинціальная причудница, богатая и роскош-

ная, добрая и готовая на всякой благородный подвигъ, пріѣхала съ огромною свитою праздныхъ слугъ, служанокъ, фаворитокъ и приживалокъ, привезла сверхъ того, двѣ кошки и три моськи, къ коимъ вскорѣ присоединились нѣсколько паръ фазановъ, и двѣ дикія козочки; — и не нашедъ дома, приличнаго для помѣщенія всѣхъ своихъ животныхъ и домочадцевъ, проклинала здѣшнюю кочевую жизнь, дивилась и понять не могла, почему въ Пятигорскѣ нѣтъ того, что есть у нее въ деревнѣ, и въ Москвѣ?

Лучшій изъ оригиналовъ, годный въ кунсткамеру, или на футляръ для контръ-баса, вѣсомъ пудовъ въ десять, лысый, жирный и по обширности живота своего, давно уже не видавшій своихъ ногъ; снѣдая по шести разъ въ день, и поглощая всякаго рода съѣстныхъ припасовъ и питей, до полутора пуда, всѣмъ жаловался на доктора, что предписалъ ему діету столь строгую, что онъ боится умерсть отъ нея съ голода!

Наконецъ, ипохондрики могли бы составить многочисленный классъ жалкихъ шалуновъ; но какъ ихъ шутки не слишкомъ забавны, то я упомяну только объ одномъ. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ молодой и къ несчастію чрезвычайно мнительный, вообразилъ, что онъ ничего не можетъ кушать, кромѣ одного бульона, и съ помощію снисходительныхъ, на все согласныхъ медиковъ, лекарствами и діетою истощилъ себя до того, что

наконецъ въ сильнѣйшей ипохондріи отправили его какъ безнадежнаго на Кавказъ. Дорожное движеніе, перемѣна воздуха, пріятное препровожденіе времени и воды благодѣтельнаго *Машука*, облегчили, разсѣяли сумрачныя его мечты. Въ свободныя отъ припадковъ слабодушія минуты, нашъ ипохондрикъ, по просьбѣ пріятелей, рѣшился пообѣдать: проглотилъ нѣсколько ложекъ супа, сжевалъ цыплячье крылышко, выпилъ рюмку Шампанскаго, и полагая, какъ думать должно, что онъ пресыщеніемъ отравилъ себя, спѣшилъ предупредить мученія смерти. Послѣ обѣда весело раскланялся съ гостьми, легъ отдохнуть, выслалъ изъ комнаты всѣхъ людей, и пистолетнымъ выстрѣломъ разбилъ себѣ голову.

Между прочими оригиналами, нашелъ я одного, котораго не льзя не полюбить, не льзя не замѣтить. Какъ Пиррона называли машиною эпиграммъ, такъ его можно назвать машиною памяти. Онъ все знаетъ, и все помнитъ: произшествія допотопныя, также какъ и нынѣшнія закулисныя, достопамятное и мелочное, святцы и родословныя, событія къ разряду любовныхъ приключеній принадлежащія, и тайны Европейскихъ Дворовъ, все у него наизусть, все на перечетѣ, по числамъ, по часамъ. Эта ходячая лѣтопись, лексиконъ, энциклопедія, какъ вамъ угодно назвать, очень при томъ добраго нрава, и въ существѣ своемъ заключаетъ противорѣчіе странное и никакъ не ожиданное. При столь обширныхъ познаніяхъ и памяти, онъ ни

одной строки въ жизни не написалъ своею рукою, и въ отношеніи къ себѣ не помнитъ ничего, что дѣлаетъ: выходитъ на прогулку въ одномъ сапогѣ, и собирается на балъ, бывшій прошедшаго четверга. Въ глазахъ его блистаетъ умъ, но всѣ движенія и самыя члены изображаютъ лѣнь безпробудную, доброту неисчерпаемую. Мнѣ не случалось встрѣчать ни одного лица столь много говорящаго. Пальцы его, кажется, сдѣланы только для того, чтобы давать. Онъ подаетъ нищему монету, первую, какая ему въ кошелькѣ попадется, никогда не вспомнитъ взять сдачи съ купца, и, подобно святому Мартину, готовъ отдать плащь, послѣднюю рубашку проходящему, имѣющему въ томъ нужду; и, потомъ преравнодушно садится дома на мягкій диванъ, а за неимѣніемъ его просто на полъ, не думая о томъ, что нынѣ и завтра нечего кушать. Словомъ мой добрый лѣнивецъ есть существо достойное всякаго уваженія.

НѢЧТО О ЧЕРКЕСАХЪ.

Я люблю (не скажу уважаю) Черкесовъ, сихъ полу-воровъ-героевъ; ибо со многими пороками, они еще храбрѣе и Турокъ; люблю смотрѣть на нихъ, потому что они очень статны, развязны и щеголевато одѣваются; люблю ихъ и за то, что они промышляя воровствомъ, не либеральничаютъ и подобно революціонернымъ рыцарямъ не ищутъ

власти, не философствуютъ, не принуждаютъ другихъ жить или думать такъ, какъ они живутъ и думаютъ. Словомъ, Черкесы не принадлежа къ числу мыслителей, съ высшими взглядами, не разсуждаютъ и незаблуждаются на счетъ своего политическаго существованія; предпочитаютъ воровство славѣ, праздность труду, и не увлекаясь никакими иными страстями, добычу ловко и храбро украденную предпочитаютъ всѣмъ другимъ понятіямъ о чести и справедливости. Искуство воровать, храбро нападать и быстро отступать, составляютъ всю ихъ мудрость, весь итогъ ихъ достоинствъ.

О племенахъ, обитающихъ по сѣверному скату Кавказскихъ горъ, и извѣстныхъ подъ общимъ имянемъ Черкесовъ, много писано, но мало сказано; ибо нравы ихъ, правленіе, образъ жизни, вѣра, языкъ, представляютъ такой хаосъ, такое противурѣчіе съ нашими понятіями, что мы, живя съ ними по сосѣдству, еще не довольно ихъ знаемъ. Храбрецы сіи стоятъ однакожъ всего нашего вниманія, ибо намъ, какъ націи великой и могущественной, предстоитъ подвигъ великодушной: намъ должно просвѣтить ихъ, пріучить къ труду, успокоить и, исхитивъ изъ дикаго состоянія, сдѣлать людьми.

Разверните Исторію, прочтите о Половцахъ и Печенегахъ, и вы будете имѣть полное понятіе о Черкесахъ: то же невѣжество, то же свирѣпство и та же грубость во нравахъ. Принятое ими поня-

тіе о насиліи, ненависти, мщенія и корысти, содѣлали ихъ неустрашимыми, но не воинами; и они остались тѣми же варварами, заносчивыми и вѣроломными, какими были сосѣди предковъ нашихъ, жившихъ въ IX столѣтіи. Черкесы отличаются излишествомъ всѣхъ пороковъ и добродѣтелей, свойственныхъ полу-дикимъ народамъ. Разсматривая оныя, встрѣчаешь противурѣчія, оскорбляющія умъ и нравящіяся сердцу. Они сребролюбивы и умѣютъ переносить бѣдность, коварны и вѣрны въ дружбѣ до великодушія, злобны противу врага, но въ домашнемъ быту кротки, гостепріимны; ищутъ богатства и живутъ всегда умѣренно; любятъ свободу и терпятъ тирановъ; ведутъ праздную, буйную жизнь, отличаются легковѣріемъ и непостоянствомъ; и цѣломудренны, почтительны къ старости, снисходительны къ женамъ и милосердны къ плѣнникамъ. Сіи общія черты нравственности представляютъ ту горькую смѣсь, которая въ теченіи десяти протекшихъ вѣковъ не могла перебродить, измѣниться и хотя сколько нибудь улучшиться.

Черкесы ведутъ жизнь совершенно воинственную: грабежъ, убійство и кровомщеніе составляютъ обычное ихъ состояніе. Вѣчная война, вѣчная тревога, нищета и глубокое невѣжество содѣлали ихъ смѣлыми и проворными, и образовали между ими особенный родъ честолюбія, называемаго нами хищничествомъ. Едва ли есть на земномъ шарѣ другой народъ, который бы съ

большимъ упорствомъ защищался и съ большею наглостію посягалъ на утѣсненіе своихъ сосѣдей и ближнихъ.

Черкесы не имѣютъ писанныхъ законовъ: обычаи и привычки замѣняютъ оныя. Мечь рѣшаетъ тяжбы, убійство отмщается убійствомъ же, деньгами искупаются вины. Правленіе ихъ представляетъ подобіе помѣстнаго, смѣшаннаго съ народнымъ правленіемъ. Сія чудовищная смѣсь произвела множество малыхъ тирановъ, и народъ свободный содѣлала рабомъ. Князья ихъ подразумѣваются владѣтельными, и не имѣя въ правленія почти никакого участія, уважаются только по личной ихъ храбрости и богатству. *Узденu* (дворяне) владѣютъ землею на откупномъ правѣ; чернь не по праву, а по привычкѣ признаетъ себя ихъ подданными, но на сборахъ для совѣта мнѣніе народа имѣетъ силу закона. *Узденu* составляютъ рыцарской станъ, живутъ разбоемъ, упорно стоятъ за свои преимущества, иногда удерживаютъ князей въ предѣлахъ умѣренности; и постоянно тѣснятъ народъ. Сіи правители безъ власти, управа безъ законовъ; и сія необузданная свобода *Узденей*, и сіе рабство народа — плодъ своенравія, а не разсудка, должны были произвесть и произвели всѣ бѣдствія слабаго Правительства и кровопролитнаго безначалія. Такое безначаліе долженствовало бы истребить все племя Горцевъ, если бы соблюденіе долга гостепріимства, ненарушимая связь *куначества*, заступленіе женскаго

пола, и нѣкоторые другіе обычаи не удерживали руку убійцъ, и корысть не побуждала хранить плѣнниковъ для продажи или для выкупа.

Не имѣя ни законовъ, ни правленія, Черкесы не имѣютъ и вѣры. Еще недавно Князья и Уздени назвалися Магометанами. *Муллы*, присланныя Турецкимъ Султаномъ, не могли безграмотныхъ людей содѣлать усердными поборниками мусульманства; но по обычаю своему успѣли внушить имъ ненависть къ Русскимъ. Ненависть сія не имѣетъ однакожъ Турецкаго свойства: она легко уступаетъ обстоятельствамъ, и особенно денежнымъ подаркамъ. Большая часть Горскихъ народовъ суть язычники или, лучше, не имѣютъ никакой вѣры. Сіи народы хотя суевѣрны, но показываютъ совершенное равнодушіе ко всѣмъ исповѣданіямъ, не исключая и своего. Между Кабардинцами сохранились однакожъ нѣкоторые Христіанскіе обряды, которые, какъ искры въ темную ночь, слабо освѣщаютъ глубокій мракъ невѣжества. Такъ, къ развалинамъ одного храма, *Татартупъ* называемаго, имѣютъ они столь великое благоговеніе, что убійца и всякій ищущій въ немъ убѣжища, остается неприкосновеннымъ.

Знатность рожденія составляетъ весьма важное преимущество между Горцами; и самыя неукротимыя между ими республиканцы почитаютъ особу Князя неприкосновенною. Но Князья сіи не имѣютъ никакого нравственнаго преимущества предъ простымъ народомъ: также безграмотны,

также необразованы, и если не умѣютъ воровать, то теряютъ и власть и уваженіе народа. По сему-то искуство притѣснять подданныхъ своихъ, отнимать у нихъ что подъ руку попадется, грабить сосѣдей и налагать на нихъ дань — составляетъ преимущественное ихъ занятіе. Для пріобрѣтенія большаго богатства и большей тяжести и силы нужныхъ для угнетенія, главное Князей попеченіе состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣтать способы къ содержанію при себѣ большаго числа наѣздниковъ. Воспитаніе Княжескихъ дѣтей ничѣмъ не отличается отъ простаго народа: оно ограничивается наукою красть, ловко владѣть саблею и мѣтко стрѣлять изъ ружья. Дядька (*Аталыка*) Княжескаго сына, до возмужанія питомца своего, въ награду за воспитаніе получаетъ съ него девять десятыхъ изъ пріобрѣтаемой имъ добычи.

Князья, не имѣя никакого умственнаго образованія, обращаются съ Узденями и народомъ запросто, живутъ въ такой же грязной мазанкѣ безъ пола и оконъ, и ѣдятъ пшонную кашу вмѣсто хлѣба. У Князя на столѣ найдете вы то же, что и у всякаго Черкеса: кусокъ вареной или въ золѣ печеной баранины, жареное просо, бузу и дурной медъ; и все до того плохое, что зажиточный нашъ крестьянинъ конечно не согласился бы быть Черкескимъ Княземъ, не смотря даже и на то, что въ семъ званіи можно воровать и обижать сосѣда безнаказанно, можно безъ платы брать все, что нужно для пропитанія, одежды и проч. и проч.

Черкесъ проводитъ всю жизнь на конѣ, и упражняясь въ ловлѣ людей и звѣрей, почитаетъ всякой трудъ унизительнымъ для себя. Сидя дома, чтобы подобно Италіанцамъ ничего не дѣлать (Dolce, fare niente), куритъ трубку, или кинжаломъ стругаетъ палочку. Жены ихъ, славныя своею красотою и особенно стройностію стана, славятся, (въ противорѣчіе нашимъ красавицамъ) и рукодѣльностію своею: они у нихъ портные, ткачи, швеи, тесемщики. Немногіе изъ мущинъ занимаются ружейнымъ, сѣдельнымъ и сапожнымъ ремесломъ, а для предмѣтовъ роскоши есть только серебренаго дѣла мастера. Кавказскіе наѣздники почитаютъ неприличнымъ торговать между собою, и думаютъ, что благороднѣе отнятое подарить, нежели собственность продать. Но нужда побѣждаетъ однакожъ сей ложный стыдъ, и Князья ихъ, также какъ и простой народъ, умѣютъ торговаться и съ выгодою продавать свои произведенія только иноземцамъ. Они промѣниваютъ сырыя кожи, мѣха, воскъ, медъ, лошадей, рогатый скотъ, войлоки, сѣдла, уздечки, шитое платье, на нужнѣйшія для нихъ вещи, какъ то: порохъ, свинецъ, огнестрѣльное и бѣлое оружіе, чугунные котлы, холстъ, сукно, юфть и особенно соль. Торговля сія весьма впрочемъ незначительна.

При такомъ неустройствѣ, гдѣ право сильнаго замѣняетъ законы, гдѣ разбои и убійства доставляютъ знаменитость, власть и славу, есть однакожъ нѣкоторыя условныя между Горцами

народныя права, есть средства, употребляемыя ими для пріобрѣтенія помощи, заключенія союзнаго договора; есть политика, въ которую, къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ пограничныхъ Начальниковъ, мало вникали, худо понимали, и потому часто ошибались. Впрочемъ, мудрено придумать средства къ погашенію духа раздоровъ, къ удержанію кровопролитія и грабежей искони вѣковъ безпрерывно продолжающихся.

О разбояхъ Черкесовъ много говорятъ и много лгутъ: преувеличенные разсказы о набѣгахъ ихъ тревожатъ воображеніе бѣдныхъ больныхъ, робкихъ отъ немощи, и малодушныхъ по недостатку тѣлесной силы; тревожатъ до того, что многіе изъ нихъ отказываются искать исцѣленія тамъ, гдѣ жизнь, по ихъ мнѣнію, подвергается очевидной опасности. Я не скажу однакожъ, чтобы не было никакой опасности: случаются бѣды, но рѣдко.

Справедливо называютъ Черкесовъ отважными наѣздниками, но несправедливо нѣкоторые почитаютъ ихъ отличными воинами. Будучи въ полудикомъ состояніи, не имѣя понятія о чести, они храбруютъ не для славы или защиты своей независимости, а для одной добычи; и тѣмъ, что мы называемъ разбоемъ и грабительствомъ, они похваляются точно такъ, какъ наши картежные игроки кичатся богатствомъ, пріобрѣтаемымъ подрѣзными картами; и точно такъ какъ у насъ поздравляютъ игрока съ выигрышемъ, здѣсь по-

здравляютъ молодца съ добычею. Логика Черкесовъ чуть ли не лучше нашей.

Если читатель найдетъ въ семъ портретѣ нѣкоторое сходство съ Спартанцами, то да не усомнится въ томъ, чтобы Ликурговы республиканцы стоили большаго уваженія, нежели наши сосѣды. Если же читатель найдетъ въ изображеніи моемъ мало лестнаго, не моя въ томъ вина: копія моя вѣрна, и если есть въ ней какіе недостатки, то они принадлежатъ оригиналу.

Черкесы производятъ нынѣ поиски свои слѣдующимъ образомъ. Тайно переправившись чрезъ пограничныя рѣки, раздѣляются на малыя партіи, отъ 20 до 50 и рѣдко болѣе 50 человѣкъ, разъѣзжаются въ разныя стороны; и засѣвши въ ущеліяхъ горъ или въ какихъ-либо скрытыхъ мѣстахъ, въ зрительную трубу [a] высматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ крестьянъ отдѣльно въ полѣ работающихъ, не видно ли по дорогѣ обоза, или путешественниковъ съ небольшимъ конвоемъ и въ маломъ числѣ ѣдущихъ. Высмотрѣвъ нападаютъ тамъ, гдѣ менѣе предвидятъ для себя опасности, и схвативши что подъ руку попадется, дабы избѣжать преслѣдованія, пускаются цѣликомъ чрезъ степь или по непроходимымъ стезямъ горами, и чрезъ ночь являются за сто верстъ; гдѣ снова высматриваютъ, снова уловляютъ минуту способную

---

[a] Зрительныя трубы покупали они съ кораблей, приходившихъ въ Анапу и Суджукъ-кале.

для нападенія, и снова скрывшись, проникаютъ за 200 и болѣе верстъ во глубину Кавказской области, грабя, и убивая всегда нечаянно, мгновенно. Въ ночное время одинъ изъ хищниковъ ѣдетъ впередъ, и высѣкая изъ кремня огонь, показываетъ тѣмъ дорогу слѣдующему за нимъ отряду. При переправахъ, они накидываютъ бурку на глаза лошади, и съ крутизны бросаются съ нею въ быстрину. Собранную добычу, состоящую изъ плѣнниковъ и скота, скрываютъ до времени въ дебряхъ непроходимыхъ горъ; потомъ тайными путями перегоняютъ чрезъ границу, и посредствомъ *кунаковъ* (друзей), отчасти изъ нашихъ такъ называемыхъ мирныхъ Черкесовъ, передаютъ въ свои улусы, находящіеся при подошвѣ Эльборуса, и далѣе въ горахъ.

Большія толпы хищниковъ держатся той же тактики, какъ и малыя: переправившись чрезъ Кубань тайно или открытою силою, быстро переходятъ во внутренность страны верстъ за 50 и за 100; тамъ по удобности нападаютъ на одно или нѣсколько селеній, и схвативъ что удастся, также прямо степью, или лѣсомъ и горами, поспѣшно отступаютъ назадъ, пробиваются въ другомъ пунктѣ границы и уходятъ во свояси не оглядываясь. Такимъ образомъ совершаютъ они поиски свои съ такою быстротою, что успѣваютъ убѣгать за Кубань съ богатою добычею. При сихъ набѣгахъ, Черкесы постоянно уклоняются отъ битвы съ регулярною пѣхотою, отъ одного

выстрѣла изъ пушки бѣгутъ стремглавъ. На редуть и на самое плохое полевое укрѣпленіе, защищаемое ротою егерей, никогда не нападаютъ открытою силою явно, а развѣ только ночью, врасплохъ. Баталіонъ, устроенный въ каре, съ одною или двумя пушками, почитается ими какъ крѣпость неприступнымъ; слѣдственно съ двумя или тремя полками можно пройти куда угодно, можно раззорить всѣ ихъ *Аулы*. На ровныхъ мѣстахъ Черкескіе латники уступаютъ намъ поле безъ сопротивленія, и рѣдко подъѣзжаютъ къ пѣхотному строю на близкій ружейный выстрѣлъ; но въ тѣсныхъ своихъ ущеліяхъ, спѣшившись, стрѣляютъ съ присошки весьма мѣтко, и защищаются упорно. Инстинктъ самохраненія умудрилъ и нашихъ Казаковъ, особенно линѣйныхъ, которые, имѣя хорошихъ Черкескихъ лошадей, не уступаютъ Горцамъ въ храбрости; отважно рубятся съ ними на *шашкахъ*, и также мѣтко стрѣляютъ изъ ружья на скаку. Союзные, такъ называемые, мирные Черкесы, Кабардинцы и другіе Горцы, даютъ намъ значительное число отличной конницы. Слѣдственно связь между ими разорвана. Впрочемъ Черкесы никогда не составляли одной націи, и никогда не выставляли противу насъ общаго ополченія.

При разъѣздѣ посѣтителей изъ Пятигорска въ 1831 году, многіе изъ нихъ, согласившись, наняли долгихъ до Ставрополя, выѣхали вмѣстѣ экипажей по десяти и болѣе; и ничего непріятнаго съ ними

не случилось. На встрѣчу одному изъ сихъ каравановъ выскакали человѣкъ 20 хищниковъ, но увидя, что экипажи, ѣхавшіе шагомъ, окружены были вооруженными людьми, готовыми къ оборонѣ, не посмѣли сдѣлать нападенія, и ускакали изъ вида съ такою же скоростію, какъ показались. Я выѣхалъ изъ Пятигорска 15 Сентября, и въ сопровожденіи трехъ, иногда одного Казака, а послѣ и совсѣмъ безъ конвоя пріѣхалъ въ Ставрополь благополучно. Далѣе дорога была безопасна.

Въ заключеніе, дабы короче и одною характерическою чертою познакомить читателя съ Черкесами, скажу, что очевиднаго преимущества нашихъ войскъ и искуства недостаточно для того, чтобы обезохотить хищниковъ отъ привычки жить на нашъ счетъ, и конечно никакія препятствія и опасности не принудятъ ихъ добровольно отказаться отъ промысла, составляющаго единственный ихъ денежный доходъ.

РАЗЪѢЗДЪ.

Недѣлю назадъ бывъ веселъ и доволенъ, я могъ бы разсказать про мое житье-бытье много забавнаго, но теперь мнѣ не до того: сборы въ возвратный путь, дальняя дорога, осень, грозящая бурями и непогодами, а всего болѣе безногое мое положеніе, навели на меня такую тоску, что я

самъ себя не узнаю. Оставляю Пятигорскъ безъ сожалѣнія, возвращаюсь въ Петербургъ безъ удовольствія, и не зная, что со мною будетъ и что́ стану дѣлать? подобно мореплавателю, претерпѣвшему кораблекрушеніе, всего лишившемуся и едва оставшемуся въ живыхъ, иду искать успокоенія и пристанища; но найду ли его? Эта неизвѣстность приводитъ въ смущеніе мою душу; всего болѣе убиваетъ меня мысль, что не могу служить Царю доброму и долженъ влачить безполезную жизнь, будучи въ тягость и ближнимъ и себѣ, — и даже Государственному Казначейству. Такъ горько кончилось мое пребываніе на Кавказскихъ водахъ.

Надобно спѣшить отъѣздомъ, ибо послѣ праздника, назначеннаго въ Кисловодскѣ 22 Августа, въ день Коронаціи, многіе изъ посѣтителей собираются въ обратный путь. Нынѣшній курсъ (1832 г.) общественныя удовольствія, какъ то не ладились; и ни на одинъ *пикникъ* не могли согласиться. Наконецъ, досыта накричавшись, и насказавъ другъ другу нѣсколько острыхъ непріятностей, согласились повеселиться и угостили себя по системѣ самой *либеральнѣй:* много было хозяевъ и, ни одного властнаго распорядителя. За всѣмъ тѣмъ, праздникъ былъ самый блистательный, какихъ здѣсь еще не бывало. Кромѣ посѣтителей приглашено было 300 Кабардинскихъ Князей и Узденей, которыхъ съ Московскою пышностію упитали яствами и упоили напитками, для желудковъ ихъ приторными; пѣли

предъ ними стихи и разъигривали прекрасный полонезъ съ хоромъ, сочиненный извѣстнымъ композиторомъ, любителемъ музыки Г. Алябьевымъ, изъ которыхъ они не поняли ни одного слова, и ни одного звука. Послѣ обѣда была скачка, стрѣльба въ цѣль, разные наѣздническіе маневры; ввечеру: фейерверкъ, балъ, иллюминація; словомъ, праздникъ хоть куда и для Кабардинцевъ невиданный, чудесный, очаровательный.

Я всегда думалъ, что простоватой слуга опаснѣе вороватаго, и сверхъ того гораздо несноснѣе послѣдняго; ибо отъ ухищреній остеречься можно, а отъ глупости никогда. Одинъ исправляется наказаніемъ, а глупость неизцѣлима; и чтобы избавиться отъ дурака, надобно выгнать его изъ дома, и при перемѣнѣ того и смотри, чтобы не попасть изъ огня да въ полымя. Одинъ изъ моихъ пріятелей, отправившійся *на гульбу* въ Кисловодскъ, просилъ меня присылаемыя на имя его изъ Россіи письма принимать, а отъ него ко мнѣ доставляемыя отдавать на почту. Человѣкъ мой принялъ присланный изъ Кисловодска большой пакетъ, и не спросивъ у принесшаго, кто онъ такой и отъ кого присланъ? — отпустилъ его. Срываю печать, и вмѣсто писемъ нахожу старыя рапорты, вѣдомости и разныя полковыя дѣла. Эта мистификація мнѣ не понравилась. Я отослалъ рапорты въ полковую Канцелярію, и получилъ въ отвѣтъ отъ Адъютанта, что о посланныхъ ко мнѣ письмахъ онъ понятія не имѣетъ! Двупогое, по

мнѣнію Платона, безперое мое животное, отъ утра до вечера бѣгалъ, искалъ; и, толку не добившись, въ заключеніе кончилъ безсмысленнымъ вздоромъ: будто пріятель мой поручилъ доставить мнѣ пакетъ какому-то Полковнику, Полковникъ передалъ Попу, Попъ Адъютанту, Адъютантъ Прапорщику, тотъ урядпику, урядникъ невѣдомо кому, а этотъ невѣдомо кто, съ какимъ-то діаволомъ прислалъ мнѣ вмѣсто писемъ полковые отчеты. Письма пропали!....

Разъѣздъ съ минеральныхъ водъ не походитъ на пріѣздъ. Больные или такими себя почитающіе, пріѣзжаютъ въ дурномъ нравѣ, сумрачны, печальны, со страхомъ и надеждою: отъѣзжаютъ въ силахъ — обновленными, въ чувствахъ — радостными, веселыми; и если уже безъ надежды, то и безъ страха; ибо страхъ, какъ извѣстно, по мѣрѣ приближенія къ опасности уменьшается. Такъ и я, видя смерть предъ моими глазами, привыкъ смотрѣть на нее безъ ужаса; и хотя хотѣлось бы еще пожить года два лишнихъ, но безъ большаго сожаленія готовъ и сей-часъ разстаться съ жизнію. При отъѣздѣ изъ Пятигорска я точно находился въ томъ положеніи и въ томъ же расположеніи духа, въ какомъ бываешь въ дѣйствительномъ сраженіи, въ которомъ, стоя подъ картечными выстрѣлами, и будучи, такъ сказать, въ челюстяхъ смерти, желаешь остаться цѣлымъ, и, между тѣмъ, не щадя жизни, неподвижно стоишь посреди очевидной опасности.

Неисполнившееся ожиданіе на полное изцѣленіе, всѣми эскулапами и добрыми людьми въ сей Божіей лѣчебницѣ мнѣ обѣщанное, колебали вѣру и терпѣніе мое, сильно тревожили и нарушали спокойствіе духа, для поддержанія немощи моей необходимаго. Но какъ нѣтъ столь отчаянной болѣзни, исключая рѣдкіе случаи, отъ которой бы больной не имѣлъ надежды избавиться, то сія надежда успокоивала меня и облегчала тяжесть испытующаго меня креста. Подобно Панглосу, я не восклицалъ: „*Все къ лучшему!*" ибо въ моемъ положеніи, по истинѣ, не представлялось ничего хорошаго; но если, (такъ разсуждалъ я про себя), болѣзнь моя неизцѣлима, то смерть прекратитъ ее и дѣлу конецъ.

Сіи разнородныя мысли, волновавшія мое воображеніе; сія печаль и надежда, услаждавшія мою душу, утвердили меня въ мнѣніи противномъ тѣмъ философамъ, которые, сами наслаждаясь жизнію, увѣряютъ другихъ, будто жизнь наша есть не иное что, какъ собраніе несчастій. Но если жизнь есть несчастіе, то смерть, какъ противоположная жизни, должно бы назвать исключительнымъ благополучіемъ. Сей выводъ для многихъ можетъ показаться жестокимъ, и тѣ, которые такъ думаютъ, конечно произнесли такой приговоръ во время болѣзни или безденежья; ибо еслибъ они пользовались хорошимъ здоровьемъ и въ карманѣ имѣли полный кошелекъ, то конечно перемѣнили бы свое мнѣніе. Правда, въ

въ продолженіе жизни, случаются несчастія, нѣкоторыя и меня посѣтили; но самое существованіе оныхъ доказываетъ, что сумма благополучія превышаетъ сумму несчастія. Мы не безъ причины столько животолюбивы, и безъ сомнѣнія любимъ жизнь не даромъ, любимъ за то, что она доставляетъ намъ многія удовольствія и наслажденія. По сему отвергать, что жизнь не составляетъ нашего блага, значило бы клеветать на благое Провидѣніе. Такъ, подходя къ предѣламъ жизни, мнѣ нравится, и въ моемъ страдальческомъ положеніи, изъ ветхой тѣлесной моей хижины смотрѣть окомъ разума, на обширное, пройденное мною поле жизни, гдѣ росли для меня и розы, встрѣчались и тернія; а теперь одно горе и бѣда посѣтили. Постараемся же окончить поприще наше какъ можно спокойнѣе, раскланяемся съ жизнію какъ можно учтивѣе, и перейдемъ къ другой жизни, къ другимъ радостямъ, если по внутреннему сознанію совѣсти считаемъ себя оныхъ достойными.

МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ НА ВОЗВРАТНОМЪ ПУТИ.

Недѣлю собирались, два дни укладывались и 25г Августа, вставши въ 5 часовъ утра, располагали выѣхать въ 10, но какъ ни торопились, а выѣхали не прежде 4ѣх часовъ по полудни. Хотя и не было причины много горевать, раставаясь съ

Пятигорскомъ, однакожъ, когда съ постели перенесли меня въ карету, когда извощикъ взмахнулъ кнутомъ и крикнулъ на лошадей, то я вздохнулъ, перекрестился и отеръ слезу. При самомъ выѣздѣ изъ воротъ, окропилъ насъ небольшой дожжикъ: добрый знакъ, сказалъ я самъ себѣ; и вспомнивъ въ какомъ положеніи пріѣхалъ сюда, въ знакъ благодарности еще разъ перекрестился. Вскорѣ въ зеркалѣ воображенія представилися мнѣ радости, а надежда, сія небесная утѣшительница, расплодивъ мои мечты, усладила ихъ и разогнала скоплявшіяся въ головѣ моей печальныя думы.

Быстро катился экипажъ, быстро одни за другими смѣнялись ландшафтные виды горъ, которыя какъ острова со дна океана возникали. Любуясь то двухгорбою Верблюжьею горою, то конусообразною голою вершиною Змѣиной горы, то съ благодарностію измѣряя взоромъ зеленью покрытый Машукъ, мнѣ стало какъ-то легче, и въ моемъ полумертвомъ положеніи, увлекшись пріятными мечтами, я нѣсколько минутъ, вопреки дѣйствительности, былъ счастливъ, веселъ, доволенъ.

Свободный отъ заботъ и обязанностей службы, я могъ располагать моимъ временемъ какъ хочу. Свобода сія дала мнѣ почувствовать многія пріятности, какихъ не зналъ прежде. Я ѣхалъ не торопясь, знакомился съ новымъ своимъ бытомъ и въ головѣ чертилъ планъ будущему.

Пріятная погода, прекрасная дорога и добрыя лошади, скоро и спокойно перенесли меня къ знакомымъ берегамъ Дона. Видъ берега съ сей стороны представляетъ нѣчто особенное, посреди степи неожиданное. Отъ Батайской станціи дорога къ Дону идетъ полемъ ровнымъ и низкимъ, почти въ уровень съ поверхностію воды въ рѣкѣ. Приближаясь къ ней, движеніе на дорогѣ увеличивается, многолюдство примѣтно множится, нѣсколько парусовъ виднѣются въ дали и кажутся плывущими по зеленому лугу; нѣсколько вѣтряныхъ мельницъ съ предлинными крыльями, напоминаютъ болотную, изрытую каналами Голландію. Вообще страна сія нѣсколько походитъ на прибрежныя мѣста, около Текселя и Амстердама встрѣчающіяся. Жаль, что обширная Махинская станица широкими и прямыми улицами вновь разбитая, но утопающая въ грязи, искажаетъ воображаемое подобіе, близость Аксая ослабляетъ очарованіе; лѣсная же биржа, по берегу Дона расположенная, по Русскому своему матеріалу, совершенно выводитъ путешественника изъ заблужденія. Противуположный, правый берегъ Дона отъ Аксая къ морю, подобно раскрашенной ширмѣ, представляетъ иные виды. Тамъ волнистое возвышеніе берега образуетъ многоразличныя кривизны, углы, углубленія, покатости, крутые обрывы, и представляетъ природу болѣе разнообразную. Шпицы же колоколенъ и позлащенные кресты, на куполахъ церквей блистающіе въ вышинѣ, прорѣзывая синеву утренняго тумана, еще не

изчезнувшаго отъ теплоты лучей восходящаго солнца, въ цѣломъ представляли виды дѣйствительно привлекательные, прелестные.

30го *Августа:* По пловучему мосту переправившись чрезъ Донъ у Аксая, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ, прибылъ я въ Новочеркаскъ, и засталъ всѣхъ жителей въ праздничныхъ одеждахъ и въ большомъ движеніи. Казаки пировали, празднуя тезоименитство высокоповелительнаго своего Войсковаго Атамана, о здравіи котораго шестьдесятъ милліоновъ Русскаго народа молили Бога и, безъ сомнѣнія, также какъ и Казаки, въ сей день преусердно выпили и закусили. Къ сожалѣнію, мнѣ праздникъ былъ не въ праздникъ: братъ мой еще не возвратился изъ Петербурга, а невѣстка страдала періодическою лихорадкою, чрезъ девятъ мѣсяцовъ на молодыхъ женщинъ нападающею.

Двое сутокъ ожиданія, истощили мое терпѣніе: я отказался отъ удовольствія видѣть, обнять брата, и 1го Сентября, какъ ударилъ колоколъ къ вечернѣ, выѣхалъ. Если бы знать, что онъ пріѣдетъ на другой день послѣ моего отъѣзда, я бы, кажется, прожилъ еще цѣлую недѣлю, что бы только его дождаться и взглянуть на него; а тутъ какъ нарочно и весьма не къ стати пробудилась во мнѣ военная дѣятельность, когда въ сущности я и въ инвалиды не годился. Но прошедшаго не возвратишь!...

Первую станцію изъ Черкаска ѣхали назадъ.

Зміевскому смотрителю очень не хотѣлось дать мнѣ лошадей прямо чрезъ степь въ *Бабинскую*. Онъ хлопоталъ о томъ, что бы заставить меня объѣхать противу маршрута 15 верстъ лишнихъ; а для своихъ лошадей выиграть дорогу 20 верстами короче. Почти на каждой станціи, встрѣчая подобныя непріятности, я къ нимъ такъ привыкъ, что если дѣло шло только о нѣсколькихъ копѣйкахъ лишнихъ, то молча вынималъ ихъ изъ кошелька и платилъ безъ спора; ибо въ противномъ случаѣ, не избавляясь отъ убытка, надобно было употребить много времени на крикъ и шумъ. Подлинно, путешествующіе въ Россіи, походятъ на перелетныхъ птицъ: также скоро летятъ, и также на каждомъ привалѣ терпятъ убытки. Какъ деньги въ карманѣ у проѣзжающаго то же, что у птицы крылья, то смотрители, ямщики, старосты, трактирщики и кузнецы, стараются выдернуть у нихъ по перушку изъ крыла. Надобно признаться, что искуство сихъ господъ ощипывать проѣзжающихъ, далеко превосходитъ и хитрость птицелововъ, и жадность хищныхъ птицъ.

Я согласился ѣхать окружною дорогою, что бы видѣть Ростовъ; но въ семъ ожиданіи очень обманулся. Когда подъѣзжали къ городу, наступила темнота, какъ говорится, хоть глазъ выколи; а какъ почтовой дворъ помѣщенъ въ крайнемъ съ пріѣзда домѣ, большая же дорога проложена мимо города, то по сему я могу сказать, что былъ и не былъ въ Ростовѣ, на который очень бы

мнѣ хотѣлось взглянуть, особенно на близкій къ нему Нахичеванъ, населенный богатыми Армянами.

Ночь была теплая, дорога гладкая какъ столъ, я уснулъ покойно и проскакавъ три станціи проснулся, когда солнце уже было довольно высоко. Боже мой! какая пустота, сказалъ я протирая глаза! какъ тихое море, покрытое голубымъ кристальнымъ куполомъ, растилалась предо мною необозримая голая степь, на коей взоръ мой не находилъ ни одного предмета, на коемъ могъ бы остановиться, отдохнуть. Присутствіе человѣка означалось только стогами сѣна; ни жилищъ, ни скота не видно. Между тѣмъ какъ Донскіе кони несли меня во весь духъ, а дѣти, свернувшись крендслемъ преспокойно у ногъ моихъ спали, я началъ молиться, и не помню что бы когда либо молился съ такою полнотою чувствъ. Тишина въ воздухѣ, таинственное безмолвіе, и всѣ другіе окружавшіе меня предметы способствовали моему благоговѣнію. Въ семъ обширномъ храмѣ природы, посреди уединенныхъ полей, я чувствовалъ себя какъ бы въ присутствіи Творца.

Наконецъ показался станціонный бивакъ, а вокругъ та же пустота. Не уже ли сія Половецкая земля, гдѣ Игорь Святославичъ томился у Кончака въ неволѣ, нынѣ оставлена? на сей вопросъ, сдѣланный самому себѣ, вскорѣ глазамъ моимъ представился отвѣтъ самый удовлетворительный. Въ десяти верстахъ отъ *Колодезной* станціи яв-

дяется первое Казачье село, которое по сей дорогѣ мнѣ встрѣтилось. Положеніе сего села, называемаго *Дьяково*, (она же Исаевка), сколько пріятно, столько же неожиданно. Близъ него протекаетъ рѣчка, на берегу коей видѣнъ господской домъ съ садомъ, и крестьянскіе дворы, обсаженные деревьями. За рѣчкою, природа какъ волшебница принимаетъ на себя другой видъ, и вдругъ утомительная для глазъ равнина, обращается въ холмистыя возвышенія. Высоты сіи ростутъ постепенно, растетъ и населеніе и богатство; и виды природы какъ въ калейдоскопѣ начинаютъ пестрѣть, измѣняться. Въ *Леоновой* деревнѣ есть уже холмы, довольно высокіе и крутые, есть рѣчка и большой прудъ, есть садъ и небольшой лѣсъ; домъ съ мезониномъ и флигелями, и все устройство по образцу Русскихъ помѣщичьихъ усадьбъ.

За Леоновою на маломъ разстояніи переѣхали мы три ручья, нѣсколько сухихъ отвершковъ, и наконецъ вершину Міуса, омывающаго западную границу Донской земли. Въ 10^{ти} верстахъ отъ *Есауловской* станціи пять столбовъ означаютъ конецъ Казачьей и начало Гусарской губерніи, такъ Казаки называютъ Екатеринославскую губернію, потому что здѣсь первоначально поселены были Сербы, составлявшіе Венгерскій Гусарскій полкъ, послѣ Штеричевымъ полкомъ называвшійся. Нынѣ они обращены въ казенныхъ крестьянъ. Мѣста, которыми я проѣзжалъ, также какъ и Міюсской округъ, населены всякимъ сбродомъ

бѣжавшимъ изъ Россіи, Польши и Малороссіи. Все имущество здѣшнихъ богачей, съ небольшимъ исключеніемъ, можно назвать *неправильнымъ нажитіемъ*. Есть помѣщики, принадлежащіе къ числу тѣхъ, которыхъ Французы называютъ officier de fortune, владѣющіе тысячею душъ, не издержавъ на пріобрѣтеніе ихъ ни одного рубля.

Разкланявшись съ Донскою землею, путешественникъ, можно сказать, освобождается отъ страха — умереть на дорогѣ съ голода; ибо здѣсь дорога проведена не мимо селеній, а на станціяхъ; всего достать можно, и воды и хлѣба сколько угодно. Въ Екатеринославской Губерніи деревни хорошо устроены: вездѣ пруды, колодцы, вѣтреныя мѣльницы и по дорогѣ между станціями построены препорядочныя постоялые дворы, снабженные всѣмъ нужнымъ. Обширныя пространства обработанныхъ полей и безчисленныя стада рогатаго скота и овецъ, являютъ видъ богатства и избытка. Поверхность земли представляетъ холмистый покровъ, по складкамъ отѣненный букетами деревъ, по оврагамъ растущихъ; словомъ, въ здѣшнемъ краю можно найти помѣстье, и доходное и на самомъ пріятномъ мѣстоположеніи расположенное.

Едва смерклось, и опять наступила ночь такая же темная, какъ вчерашняя. Уставши, я хотѣлъ отдохнуть въ *Адріанопольской*, принадлежащей Г. Каменгаузену, бывшему Градоначальникомъ въ

Таганрогѣ; но какъ станція расположена въ глубокомъ оврагѣ, а спускъ въ него крутъ, мостъ же чрезъ рѣчку неисправенъ, то должно было поневолѣ, не въѣзжая въ деревню, остановиться на дорогѣ въ полѣ, и перемѣнивши лошадей, ѣхать далѣе, еще 18 верстъ. Эти 18 верстъ показались мнѣ солоны: люди, пронюхавъ о вольной продажѣ вина, черезъ край дешевенькаго выпили, поднесли и ямщикамъ; и меня, то несли во весь духъ, то безпрестанно останавливались. Терпѣніе мое истощилось, я разсердился и былъ не правъ. Все пошло на выворотъ, все мнѣ казалось не такъ, не на своемъ мѣстѣ. Пріѣхавши въ *Чернухино*, гдѣ былъ одинъ только постоялый дворъ, мнѣ непремѣнно хотѣлось сыскать другой получше; и, простоявъ на дождѣ болѣе часа, принужденъ былъ удовольствоваться тѣмъ, какой былъ. При семъ случаѣ я совершенно убѣдился въ томъ, что сердитой, также какъ и влюбленной, не можетъ здраво судить о вещахъ; ибо сіи двѣ страсти имѣютъ между собою то сходство, что онѣ человѣка уподобляютъ животному, которое не можетъ противиться инстинкту, имъ управляющему. По сей причинѣ, мы менѣе всего принадлежимъ къ тому роду животныхъ, которыхъ Бюффонъ назвалъ разумными, въ то время, какъ бываемъ влюблены или сердиты. По счастію, со мною и то и другое рѣдко случается.

3го *Сентября:* пѣтухъ поетъ, надобно вставать и ѣхать немедленно. Я такъ привыкъ къ пере-

ѣздамъ кочующей жизни, что боюсь, какъ бы не сдѣлаться странствующимъ цыганомъ. Теперь весь таборъ со мною, и все, что принадлежитъ мнѣ въ семъ мірѣ, помѣщается въ двухъ экипажахъ....

Въ большомъ селѣ *Луганскомъ*, я испугался, когда мнѣ сказали, что надобно починить бричку; но вспомнивъ, что та земля, въ которой не примѣтилъ я и одной кузницы, уже осталась за спиною, успокоился. Подлинно нашелся мастеръ Нѣмецъ и я скоро полетѣлъ впередъ. Здѣсь погоняютъ коней не хуже Донскихъ наемныхъ ямщиковъ: какъ по справкѣ оказалось, по той же самой причинѣ, и здѣсь никому не приходитъ въ голову беречь чужое добро. *Бахмутъ*, до покоренія Крыма, знаменитый своими солеварнями, нынѣ походитъ на деревню; но какъ наружность иногда бываетъ обманчива, то и здѣсь показали мнѣ гостинницу, въ которой сверхъ чаянія нашелъ я три чистыхъ комнаты съ мебелью и картинами. По малому числу проѣзжающихъ въ этой сторонѣ, готоваго стола не держатъ; но всякой провизіи можно достать, и кромѣ дровъ все очень дешево. За городомъ строятъ балаганы для ярмарки, по дорогѣ встрѣтили мы большія обозы, преимущественно съ лѣснымъ товаромъ.

Почему Малороссіяне, одаренные отличными умственными способностями и почитающіеся между всѣми Славянскими племенами умницами, приняли на себя столь тупую, холодную наружность? Почему сдѣлались они неповоротливыми, сонли-

выми и предосадно лѣнивыми? Если приписать это климату, плодородію почвы, то въ отвѣтъ на сіе можно сказать, что Сербы, Кроаты, Далматы и Черногорцы, обитая въ лучшемъ и изобильнѣйшемъ климатѣ, болѣе, нежели Малороссіяне, походятъ на Русскихъ. Черногорецъ, напримѣръ, не смотря на знойный день, на горы и трудный путь, переходитъ въ сутки по сту верстъ; и идучи противу врага на походѣ поетъ, на привалѣ пляшетъ, всегда веселъ, доволенъ, расторопенъ и неутомимъ. Посмотрите на Малороссіянина, въ валеномъ его колпакѣ и бѣлой свиткѣ, едва волочащаго ноги, подлѣ своей пары быковъ; и скажите, если какое-либо сходство между имъ и Русскимъ?

Одинъ мой пріятель, долго жившій въ Малороссіи, шутя изобразилъ характеръ простаго народа, слѣдующею чертою. Чумакъ, ѣдучи просторною большею дорогою, зацѣпилъ колесомъ за верстовой столбъ и вмѣсто того, чтобы остановить быковъ, бросивъ кнутъ воскликнулъ: *бисова тиснота!* и ось хряснула какъ у Ипполитовой колесницы, въ разсказѣ Терамена. Не ручаюсь за истину, но если это и неправда, какъ говоритъ Италіанская пословица, (se non é vero e ben trovato) то хорошо выдумано.

4го Сентября: Небольшой дождикъ и дурная дорога принудили меня остановиться гораздо засвѣтло и удовольствоваться небольшимъ переѣздомъ въ 67 верстъ. Дорога отъ *Копанки* къ *Славянкѣ* гориста, и подлинно для ночнаго переѣзда

опасна. Она была бы превосходна, какъ и всѣ степныя дороги, коими до сего мѣста катился я какъ по шоссе; если бы оставили ихъ въ природномъ положеніи, обсадивъ только деревьями. Но какъ во исполненіе общаго плана, въ которомъ не взяли въ соображеніе различныя свойства почвы, и здѣсь перерыли ихъ шестью каналами, то эти каналы, на почвѣ глинистой и чернозёмѣ, обратились во рвы и пропасти; а насыпные булевары, препятствующіе стоку воды, при маломъ дождѣ, посреди лѣта, сдѣлали дороги непроѣздными. Теперь опытъ доказалъ, что черноземныя и глинистыя дороги, и въ осеннее время, были хороши единственно по причинѣ растущей на нихъ травы, которой корни утверждаютъ всякую рыхлую поверхность.

Деревнѣ *Голой Долинѣ*, дано чужое имя, присвоено названіе самое несправедливое. Она расположена на полускатѣ отлогаго возвышенія, вокругъ большія лѣса, обширныя поля, и нѣтъ ни долины и ничего голаго. Природа между Бахмутомъ и Изюмомъ великолѣпна и богата; богата и воспоминаніемъ: Тутъ около Славянки, на рѣчкѣ Торѣ (древнемъ Сюурліѣ), Игорь одержалъ надъ Половцами знаменитую побѣду, и чрезъ три дни погибъ на Кальміусѣ, не болѣе 60 верстъ отсюда начинающемся. До покоренія Крыма тутъ была пустыня, а теперь все ожило и дышетъ изобиліемъ. Россія идетъ подлинно исполинскими шагами! Не даромъ сосѣды ея тревожатся и ахаютъ при малѣйшемъ ея движеніи.

Въ семи верстахъ отъ Изюма прекрасное село, принадлежащее Г. Самбурскому, бывшему Духовникомъ при Императорѣ Павлѣ I и потомъ въ томъ же званіи находившемся при Ея Высочествѣ Великой Княгинѣ Александрѣ Павловнѣ въ Пестѣ, останется долго въ моей памяти. Спускаясь подъ гору, вдругъ лопнулъ пашильникъ, лошади понесли. По счастію догадливой молодецъ форейторъ повернулъ ихъ въ сторону, и поставивъ карету поперегъ дороги, успѣлъ остановить лошадей на самомъ краю рва, гдѣ всѣмъ сидѣвшимъ въ каретѣ и кучеру и форейтору не бывать бы въ живыхъ. Благодаря благому Провидѣнію, я отдѣлался однимъ страхомъ, жена обморокомъ, дѣти слезами: карета уцѣлѣла, и мы, исправившись и перекрестясь, поѣхали.

Дабы отдохнуть отъ страха и починить экипажи, въ коихъ нашлись неважныя неисправности, я остановился въ *Изюмѣ*. Этотъ уютной городокъ расположенъ по обѣ стороны Донца, окруженнаго лѣсами при подошвѣ горы, на которую отъ деревни Самбурскаго подымались мы по отлогому скату болѣе трехъ верстъ. Строеніе въ немъ большею частію деревянное, красивой наружности; но улица, по которой проѣзжалъ я, еще по старинному узка и крива. Единственный въ городѣ трактиръ былъ занятъ пріѣзжими, и я принужденъ былъ возвратиться назадъ къ Станціонному дому, построенному иждивеніемъ дворянства, гдѣ нашелъ прекрасную комнату, говорливую хозяйку и услужливаго Смотрителя.

5го *Сентября.* Не смотря на пески, я прибылъ на первую станцію вскорѣ по разсвѣтѣ. Здѣсь Смотритель еще услужливѣе Изюмскаго. Въ 1812 году, попавшись въ плѣнъ, онъ выучился по Французски; и хотя вѣжливость его на семъ прелестномъ языкѣ стóила мнѣ нѣсколько дороже, за то получилъ я лошадей безъ задержанія. Но въ *Волоховомъ ярѣ*, откуда мнѣ надобно было поворотить въ сторону отъ большой дороги, Смотритель предъявилъ повелѣніе отослать всѣхъ лошадей въ Чугуевъ немедленно. Для этой неоспоримой причины, надобно было цѣлую недѣлю жить на дорогѣ, ибо почтовой домъ сгорѣлъ, а переѣхать въ ближнюю деревню было не на чѣмъ. Но золото, этотъ идолъ-соблазнитель, скоро довелъ до счастливой развязки, и я въ тотъ же день былъ въ объятіяхъ брата, служившаго въ одномъ изъ поселенныхъ Уланскихъ полковъ.

Въ семействѣ брата не видалъ, какъ прошла недѣля: бесѣду нашу можно было уподобить сліянію Оки съ Волгою. Послѣ долгой разлуки и было о чѣмъ поговорить. Картина его семейственнаго счастія восхитила меня; дѣти наши также слились и разъигрались до того, что отъ усталости, какъ мнѣ показалось, похудѣли. Два дня провелъ я у моего друга, товарища N.... моего Ореста, съ коимъ много лѣтъ плавая по морямъ, жилъ въ одной каютѣ.

14го *Сентября:* При пушечныхъ выстрѣлахъ начавшихся маневровъ я проѣхалъ *Чугуевъ* не

останавливаясь. Съ удивленіемъ смотря на устройство сего прежде незначительнаго, не опрятнаго городишка, и проѣхавъ поля, уставленныя, такъ сказать, тысячами тысячь стоговъ, разнаго хлѣба и сѣна, я съ удовольствіемъ вспомнилъ, какихъ усилій стоило Петру Великому, преобразовать нашъ народъ, когда и теперь безъ полицейской управы добровольно улицы не подметутъ.

Въ *Харьковѣ* никого своихъ не засталъ, хотѣлъ тотчасъ выѣхать; но болѣзнь одного изъ домочадцевъ принудила меня прожить въ городѣ три дни. Это время провелъ я какъ арестованный и содержащійся на гауптвахтѣ офицеръ: плохо ѣлъ, много спалъ, и ничего не дѣлая, курилъ трубку.

18го *Сентября.* Не смотря на грязную и гористую дорогу, часовъ въ 10 вечера, добился до *Бѣлгорода*, гдѣ засталъ все свое семейство за ужиномъ. Мать, два брата, сестра, невѣстка, встрѣтили меня съ распростертыми объятіями и слезами; но слезы свиданія послѣ долгой разлуки усладительны. Мы просидѣли почти до свѣта, часы мои стали, и я забылъ и время и усталость. Какъ въ ружейной перестрѣлкѣ выстрѣлъ слѣдуетъ за выстрѣломъ, такъ въ нашей дружеской, откровенной бесѣдѣ, вопросъ слѣдовалъ за вопросомъ. Мысли, подобно бурнымъ облакамъ, носились по поднебесью, и подобно солнечному лучу, перелетали изъ страны въ страну, столь быстро, что 20 и 30 лѣтъ жизни прожито часа въ два: — и ничего не забыто.

Воспоминанія о дѣтскихъ, юношескихъ лѣтахъ, всегда памятны, всегда краснорѣчивы. Общество, въ которомъ я находился, представило глазамъ моимъ истинно патріархальную картину, которая не могла мнѣ не нравиться. Все меня занимало, все могло возбудить веселость; если бы въ ней имѣлъ надобность. Пять дней протекли какъ одинъ часъ; такіе моменты бѣдное сердце, рѣдко находитъ на землѣ.

Я выѣхалъ съ дождемъ, который три дня не переставалъ ни на минуту; по счастію, въ Харьковской и Курской губерніяхъ построены прекрасные станціонные дома. Находя въ нихъ покойный пріютъ и все нужное, я не скучалъ дурною погодою и медленною ѣздою.

Вскорѣ примѣтно стало, что находишься въ Россіи. Ямщики, по уши въ грязи, запрягаютъ въ уторопь, везутъ въ силу, и покрикивая, помахивая кнутомъ, въ перемежку поютъ да погоняютъ. Кого тонъ этихъ пѣсенъ не трогалъ? Онѣ возбуждаютъ въ душѣ какое-то чувство гордости: *и я, слава Богу, Русской!* шептало мнѣ оно.

Станція до Курска тяжела: болото, песокъ, и хотя чрезъ топь насыпана хорошая плотина; но по ней послѣ дождя иначе ѣхать было не льзя, какъ шагомъ. Курскъ прекрасный городъ, расположенъ на двухъ горахъ, соборъ изящной архитектуры, первый бросается въ глаза; лазуревый куполъ его, усѣянный золотыми звѣздочками, виситъ въ воздухѣ.

Сады, славящіеся хорошими плодами, украшаютъ городъ, и ставятъ его въ число лучшихъ нашихъ Губернскихъ городовъ.

Надобно замѣтить, что съ того времени, какъ достойный вѣчной памяти Императоръ Александръ Павловичъ для осмотра войскъ и благотворительныхъ заведеній, началъ ѣздить по Россіи, всѣ вообще города преобразились, украсились хорошими зданіями, булеварами, садами. Нѣкоторые думаютъ, что въ Его царствованіе ходъ просвѣщенія замедлился, и къ прежнимъ недостаткамъ прибавились новые. Правда, 25 лѣтнее соперничество съ человѣкомъ необыкновеннымъ, геніемъ войны, борепіе съ народомъ могущественнымъ, революціонернымъ, ввело и между нами нѣкоторыя идеи, противныя духу нашей народности, но ходъ просвѣщенія тѣмъ не былъ остановленъ. Сравните времена Екатерины съ нынѣшними, взгляните на внутренніе наши города, на устройство полиціи, вспомните что̀ было за 50 лѣтъ назадъ; и вы убѣдитесь, что если не всѣ отрасли правленія, то многія изъ нихъ значительно улучшились. Не льзя также не согласиться, что состояніе крестьянъ многимъ и многимъ не то, что было прежде.

Если положеніе дворянъ, старыхъ нашихъ аристократовъ, вельможъ, нѣкоторымъ образомъ поотступило назадъ, то въ томъ они сами не правы: ибо принявъ Французскіе нравы и обычаи, и уступя либеральнымъ идеямъ, несвойственнымъ,

неприличнымъ для насъ, хотя они не ослабѣли еще въ любви къ отечеству; но содѣлавшись чуждыми всего что несетъ на себѣ печать родной страны, наружностію уподобились иноземцамъ, которыхъ народъ подъ общимъ именемъ *Нѣмцовъ* разумѣетъ.....

Къ утѣшенію патріотовъ считаю нужнымъ прибавить, что нынѣ царствующій Государь, съ твердостію Его достойною, обратилъ вниманіе на отечественное воспитаніе, и учебныя заведенія уже узнать не льзя, такъ они преобразились. Запрещеніе посылать дѣтей въ иностранные университеты, произвело столь же благодѣтельную перемѣну: я знаю, что во многихъ домахъ отпустили Аббатовъ, закону Божію начали учить по Русски; Ренегатство кончилось. Давно уже не слышно, что бы кто-либо пріѣзжалъ изъ за границы, припринявъ Католическую религію; молиться по Французскому молитвеннику также вышло изъ моды. Словомъ, въ необходимости знать Русскую грамоту и законъ, кажется, начали убѣждаться.

Наконецъ, солнце показалось, дорога подсохла, угладилась; я приказалъ ѣхать скорѣе, какъ вдругъ карета поворотилась въ сторону, и я увидѣлъ посреди дороги лежащаго человѣка. Ямщики сами остановились, люди мои подошли къ лежащему, поворотили его; и мужикъ, широкоплечій съ окладистою бородою, съ разбитымъ лбомъ, приподнялся, сѣлъ, и протерши глаза, началъ осматриваться. Что братъ, видно уснулъ? спросилъ я

его. Да не што, отвѣчалъ мужикъ. Гдѣ же твой кафтанъ, кушакъ и шапка? Ну! вѣстимо, что добрыя люди подобрали. Кто же тебѣ виноватъ, вздумалъ спать посреди большой дороги. Эхъ! баринъ, почесывая голову отвѣчалъ дѣтина, „*и ужъ придетъ, да пора пройдетъ.*“

Еще одно замѣчаніе и я кончу. Вообще роскошь между Вельможами уменьшилась, а между среднимъ сословіемъ и особенно разночинцами, такъ называемыми Титулярными Совѣтниками, изъ Грузіи и Сибири съ достоинствомъ Ассессоровъ возвратившихся, роскошь до крайности увеличилась; и все стало дороже въ той соразмѣрности, сколько нужда и число потребителей умножилось. Богатые Бояре не живутъ уже въ своихъ огромныхъ палатахъ, одни съ своимъ семействомъ; но помѣщаясь въ тѣсномъ отдѣленіи, отдаютъ весь домъ въ наемъ, открытыхъ столовъ уже не держатъ, уже не высыпаютъ на картежный столъ пригоршни золота; — и все у нихъ въ закладѣ, сами въ долгу какъ въ шелку. Напротивъ, войдите въ квартиру мелкаго чиновника, живущаго однимъ жалованьемъ, но служившаго по-прежде бывшей винной операціи и тому подобнымъ мѣстамъ; и вы увидете мебель краснаго дерева, зеркала, картины, бронзы, фарфоръ, серебро и дорогіе ковры на паркетѣ и по лѣстницамъ. Прежде иначе Титулярнаго Совѣтника, можно было за труды попотчивать въ харчевнѣ, травничкомъ и селянкою; нынѣ надобно вести его въ великолѣпную

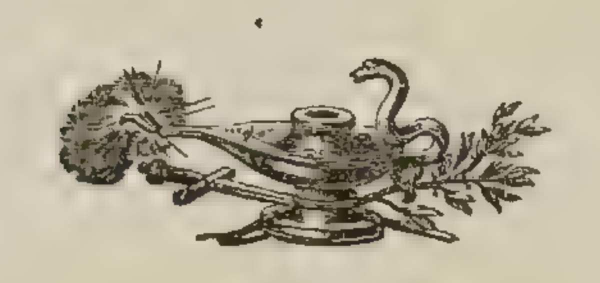
ресторацію и поитъ Шампанскимъ. Словомъ, старое дворянство въ нуждѣ; новому дался въ руку кладъ.

Не смотря на столь быстрое распространеніе роскоши, вообще жить стали скучнѣе. Въ столицахъ веселятся только въ Англійскомъ клубѣ за вистомъ; въ губерніяхъ и уѣздахъ вспоминаютъ о прежнихъ *дологіцахъ*, которыми всѣ сыти были; въ деревняхъ скучаютъ, каждый ѣстъ свой кусокъ въ углу, и уже изрѣдка является старинное хлѣбосольство. Молодые наши люди, воспитанные Французскими гувернерами, какъ чуждые своему отечеству люди, увлекаемые духомъ времени, либеральничаютъ, скоро старѣютъ, въ величавой осанкѣ своей имѣютъ нѣчто важное, ученое, заносчивое. — Прапорщики, только что произведенные..... но я обѣщалъ кончить и приступаю къ заключенію.

Самъ Тацитъ не могъ бы написать хорошей современной исторіи, ибо какой предметъ не избралъ бы онъ для своего описанія, вездѣ встрѣтилъ бы много препятствій. Одинмъ не понравился бы угодливостію, другимъ правдою выкололъ бы глаза, потворствомъ исказилъ бы истину, чрезмѣрною похвалою не обманулъ бы никого; словомъ, нажилъ бы много непріятелей, а обществу не принесъ бы никакой пользы. По тѣмъ же причинамъ трудно, и почти невозможно описать настоящее наше положеніе, наше житье бытье, въ такое время, когда каждый смотритъ на существующій

порядокъ вещей своими глазами, и составляетъ объ нихъ свои понятія. На сцену жизни подлинно должно смотрѣть точно также какъ на театральную декорацію;— вдали онѣ нравятся, прельщаютъ взоръ; вблизи, вмѣсто живописи вы увидите одно мараніе малера. Анатомія, подробности, тутъ были бы не у мѣста.

Кладу перо — благодарю благосклонныхъ читателей, удостоившихъ прочесть мои бѣглыя замѣчанія до сей строки; и прошу снисхожденія у тѣхъ, которымъ не угодилъ.



Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

Стран.

ПОГРѢШНОСТИ.

ВЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

				Напечатано:	*Читай:*
Стр.	6	строка	23	*с*дѣсь.........	*з*дѣсь
—	7	—	— 11	впада*у*щихъ...	впада*ю*щихъ
—	109	—	— 14	1772 г.......	1672 г.
—	144	—	— 30	раз*вр*инулся;	раз*д*винулся;
—	161	—	— 26	оныхъ.......	ихъ

ВЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

—	14	—	— 7	*Баталшской*	Батайской
—	20	—	— 28	обстроен*ы*...	обстроен*а*
—	28	—	— 10	поросши*мъ* ..	поросши*хъ*
—	29	—	— 20	встрѣти*лись* ..	встрѣти*лся*
—	67	—	— 81	*еще*.........	уже

МАРШРУТЪ,

ОТЪ С. ПЕТЕРБУРГА, ЧРЕЗЪ ТУЛУ И ВОРОНЕЖЪ ДО ПЯТИГОРСКА.

Числа.		Верст.	Лошад.	Губер.
	Отъ Санктпетербурга.		По ямамъ въ лошадяхъ недостатка не случается	
20 Мая 1831.	Ижора	33		С.П.б. Губ.
	Тосна	$24\frac{1}{2}$		
	Померанье	32		Новгородской Губерніи.
	Чудово	25		
	Спаская Полѣсть . . .	24		
	Подберезье	24		
	Г. *Новгородъ*	21		
	$183\frac{1}{2}$			
	Бронницы	25		
	Зайцово	26		
	Г. *Крестцы*	27		
	Рахино	16		
	Яжелбицы	16		
	Г. *Валдай*	20		
	Едрово	20		
	Хотилово	52		
	Г. *Волочекъ*	30		Тверской Г.
	Выдропускъ	33		
	Г. *Торжекъ*	38		
	Мѣдное	$33\frac{1}{2}$		
	Губ. *Тверь*	30		
	$346\frac{1}{2}$			
	Городня	$30\frac{1}{2}$		Московской Губ.
	Завидово	25		
	Г. *Клинъ*	28		
	Солнечная гора	21		

Числа.		Верст.	Лошад.	Губер.
	Черная грязь	30		Московской.
	Москва	26		
	160½			
	Отъ С. П. бурга до Москвы. . .690½			
	Г. *Подольскъ*	30	20	
	Лопасня	32	30	
	Г. *Серпуховъ*	27	30	
	Ведвенской заводъ . .	35	30	Тульской.
	Вошаны	19½	30	
	Волоти	22	14	
	Губ. *Тула*	13	30	
	176½			
	Отъ С. П. бурга до Тулы.....867			
	Упская Гать	14	14	
	Дедилова	19	14	
	Г. *Богородицкъ*	25	16	
	Никитское..........	25	14	
	Большіе плоты	27	14	
	Г. *Ефремовъ*	16	16	
	Николаевка	20	14	
	Пальна............	22½	10	Орловс.
	Г. *Елецъ*	27	10	
	Извалы............	19	10	
	Г. *Задонскъ*........	19	30	Воронежской.
	Хлевное	26	30	
	Бестужевка	14	30	
	Животинное	17	30	
	Губ. *Воронежъ*	25	60	
	315½			
	Усмань............	12	30	
	Рогачевка	15	30	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
	Можайской поселокъ.	23	30	Воронежской.
	Средній Икорецъ . . .	27	30	
	Шестакова	34	40	
	Лосева	14	30	
	Г. *Павловскъ*	21	30	
	Казанка	20	30	
	Нижній Мамонъ	23	30	
	Бычокъ	27	30	
	Матюшкинской логъ.	23	30	
	Сухологовская	$29\frac{1}{2}$	30	Земли Войска Донскаго.
	Верхне-Лазовая.	30	30	
	Нижне-Лазовая	27	30	
	Суховская	32	30	
	Разсошинская	28	30	
	Астахова	$30\frac{1}{2}$	30	
	Харьковская	25	30	
	Кундрючевская	33	30	
	Константиновская . .	26	36	
	Губ. *Новочеркаскъ* . . .	$30\frac{1}{2}$	45	
	530			
	Змiевская	21	36	
	Аксай, переправа чрезъ Донъ	8	. . . .	
	Батайская	18	30	
	Кагальницкая	26	30	
	Мечетинская	28	30	
	Нижне-Егорлыцкая . .	26	30	
	Средне-Егорлыцкая (карантинъ) . .	20	30	
	Песчанокопская	28	30	Кавказ. Обл.
	Лѣтницкая	25	30	
	Медвѣжьева	28	30	
	Преградная	17	30	
	Безопасная	25	30	
	Донская	20	30	

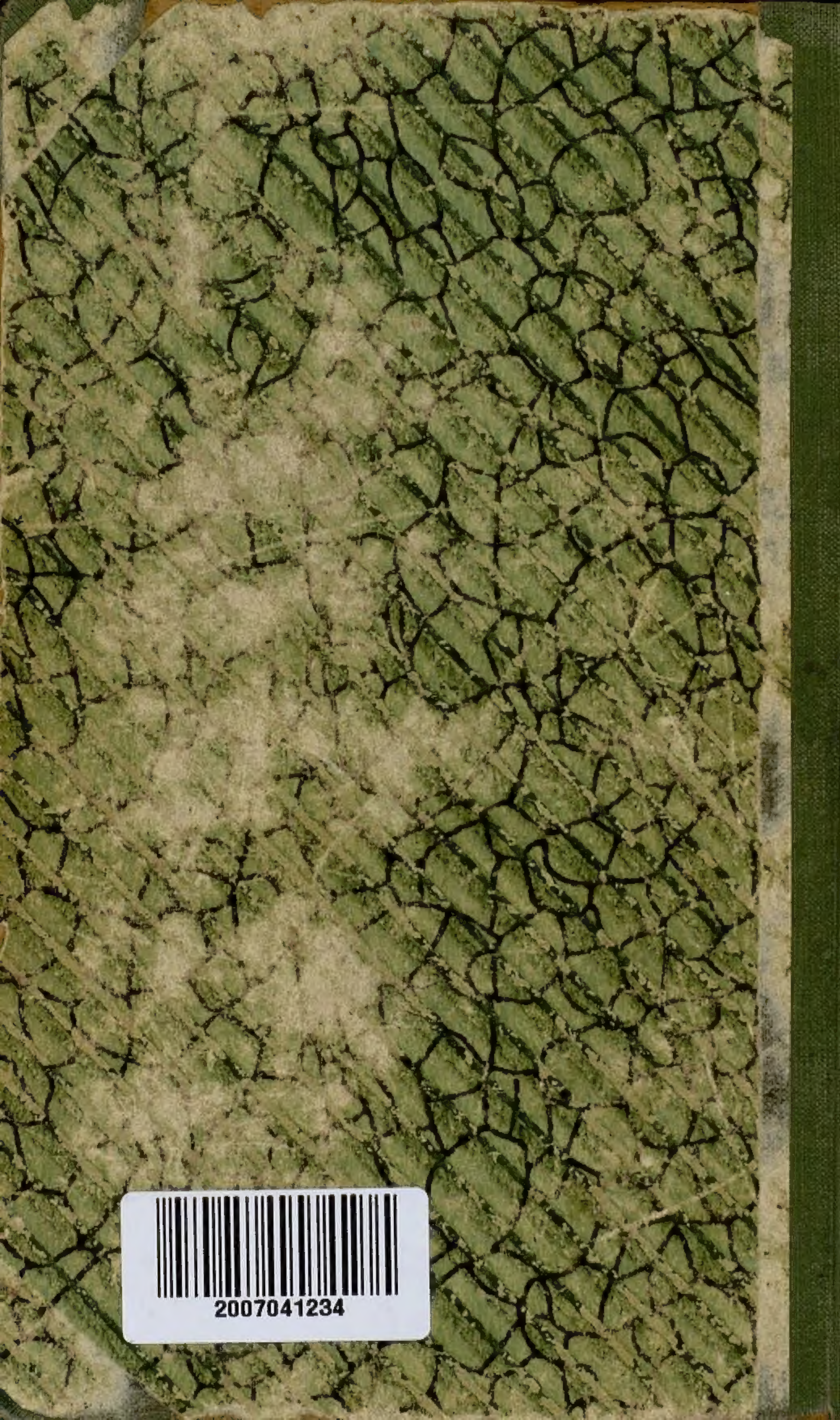
Числа.		Верст.	Лош.	Губер,
	Московская	18	30	Кавказская Область.
	Губ. *Ставрополь*......	52	30	
	340			
	Марьевка	20	30	
	Базовая Балка	22	30	
	Сергіевка..........	22	30	
	Калиновка	17	30	
	Александровъ	18½	30	
	Сабля	27	30	
	Александрія........	38	30	
	Г. *Георгіевскъ*......	13	30	
Іюня 16 1831.	Г. Пятигорскъ....	40	30	
	217½			
	Итого отъ С. П. бурга до Пятигорска....	2268		

ОБРАТНО ОТЪ ПЯТИГОРСКА ДО САНКТПЕТЕРБУРГА.

Числа.		Верст.	Лош.	Губер,
25 Авг. 1832.	Выѣхалъ изъ Пятигорска.	...		Земли Войска Донск.
30 Авг.	До *Новочеркаска*...	557½		
1 Сен.	Зміевская..........	21	36	
	Г. *Ростовъ*	17	30	
	Чалтурпиская	17	30	
	Бабпиская........	20	15	
	Пришибинская	28	15	
	Колодезная	22½	15	
	Есауловская........	23	15	
	Ивановская.........	25	27	Екатерин.
	Адріанопольская	17	18	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
	Чернухина	18	18	Екатериносл.
	Луганская	25	18	
	Г. *Бахмутъ*	24	33	
	255½			
	Копанки	20	15	Слободско-Украинской.
	Славянскъ	24	15	
	Голая долина	20	15	
	Г. *Изюмъ*	28	24	
	92			
	Теплянка	35	18	
5 Сен.	Волоховъ Яръ	21	15	
	Малиновка	18	15	
	Г. *Чугуевъ*	23	21	
	Рогань	18	15	
14 Сен.	Губ. *Харьковъ*	18	60	
	Отъ Новочеркаска до Харькова . . 478½			
	Липцы	27	30	Харьк.
	Чермышная	26	26	Курской.
18 Сен.	Г. *Бѣлгородъ*	23½	36	
	Яковлева	28	26	
	Кочетки	20	26	
	Г. *Обоянь*	18	30	
	Медвенка	24	26	
	Селяхово	18	26	
25 Сен.	Губ. *Курскъ*	17	46	
	201½			
	Сороковой колодезь	23	26	
	Ольховатка	16	26	
	Очки	21	22	Орл.
	Борисоглебская	25	26	

Числа.		Верст.	Лош.	Губер.
	Хотетово..........	25	26	Орловской.
27 Сен.	Губ. *Орелъ*........	25	40	
	135			
	Обтуха............	18	30	
1 Окт.	Г. *Мценскъ*.........	35	30	
	Большое Скуратово.	28	30	Тульской.
	Малое Скуратово...	20	30	
	Сергіевское........	26	30	
	Солова............	26	30	
	Ясная Поляна......	18	30	
23 Окт.	Губ. *Тула*.........	17	50	
	188			
4 Нояб. 1832.	Отъ Тулы до С. П. Бурга.....867			
	Итого въ обратный путь...........	$2426\frac{1}{2}$		
	Туда и обратно всего..........	$4694\frac{1}{2}$		


2007041234